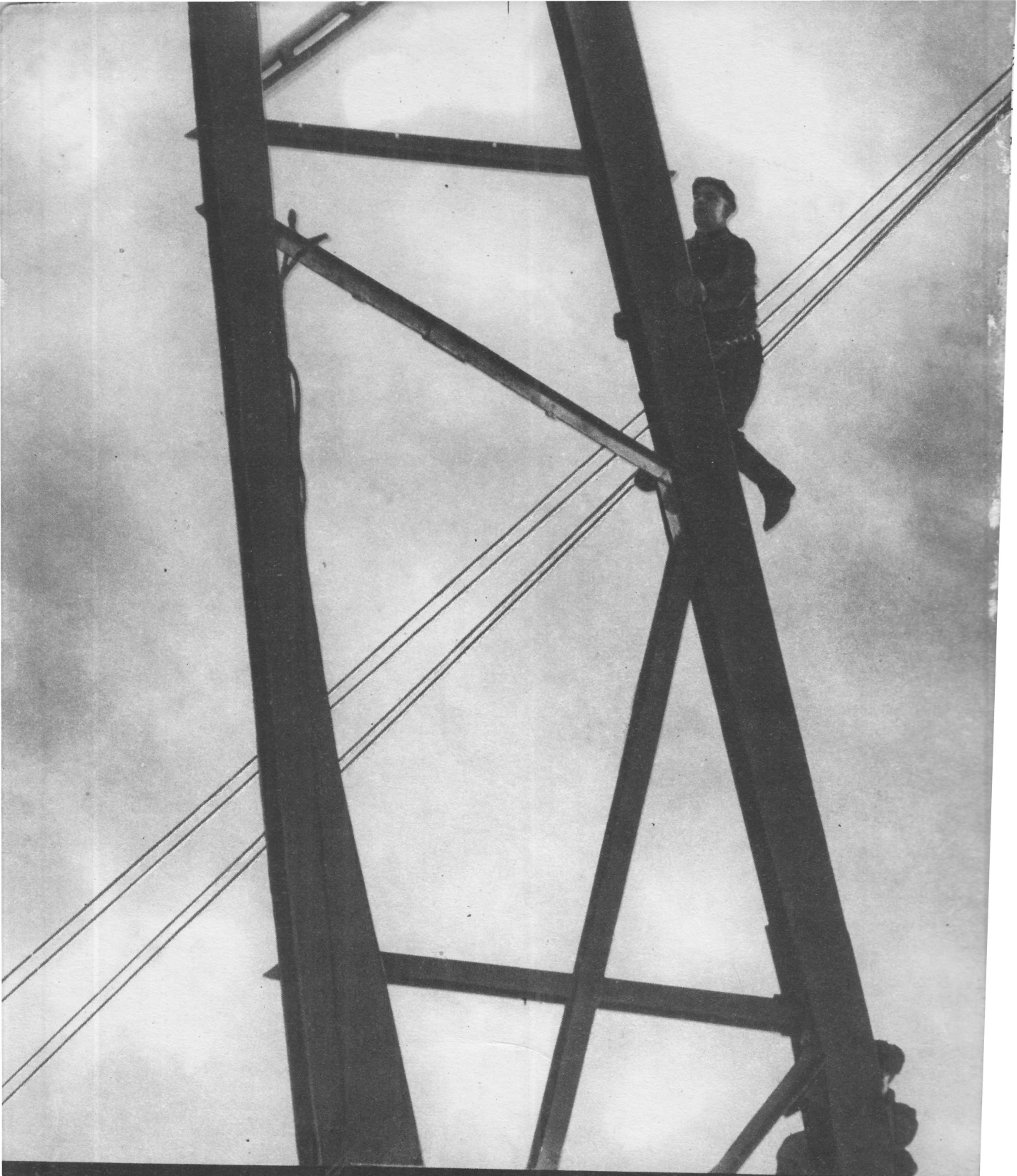

УРАЛЬСКИЙ

ледопыт

7
1960

ЛЮДИ БОЛЬШОЙ ВЫСОТЫ

фото В. Дичанова

ПРИКЛЮЧЕНИЯ и ФАНТАСТИКА
О ГЕРОЯХ
СЛЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ
ЗЕМЛЯКАХ
МЕШЕННИКОВ
ТЕПЕЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ
УРАЛ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА
КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

КАК ПОМОЧЬ ОХРАНЕ ПРИРОДЫ. ■ ЛЮДИ БОЛЬШОЙ
ВЫСОТЫ. Поэтический репортаж Марка Гроссмана. ■ КОЛО-
КОЛА В ТАЙГЕ. Повесть Николая Горбунова. ■ ЖЕЛЕЗНЫЙ
ФЕЛИКС. Из рассказов о Ф. Э. Дзержинском. ■ ГНЕЗДО ВЕТРОВ.
Окончание коллективной приключенческой повести. ■ ДОКУМЕНТ
НА ПАМЯТЬ. Рассказ А. Трофимова. ■ ДВУМ СМЕРТЯМ НЕ
БЫВАТЬ. Воспоминания старого коммуниста А. П. Кучкина.
■ КЛЯНУСЬ ЧЕРЕПАХАМИ ТЭСМАНА!.. К шестидесятилетию
М. Е. Зуева-Ордынца. Очерк Б. Рябинина. ■ КОЕ-ЧТО О ЗВЕРЯХ.
Заметки Н. Ловцова. ■ ДОМОВОЙ С ДРАКОНОМ. Рассказ В. Ки-
рюшкина. ■ ЗЕЛЕНЕЕ ЖЕЛЕЗО. Окончание повести в рисунках.
■ КАМНИ УРАЛА. Яшма. ■ СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА. ■ СЛЕ-
ДОПЫТЫ СООБЩАЮТ. ■ НЕДОРАЗГАДАННЫЕ ЗАГАДКИ.
■ УГОЛОК КОЛЛЕКЦИОНЕРА.

7

ИЮЛЬ

1960

Свердловское Книжное Издательство

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР

КАК ПОМОЧЬ ОХРАНЕ ПРИРОДЫ?

Сегодня отвечает руководитель общества «Глобус» при Свердловском Дворце пионеров Павел ИСТОМИН

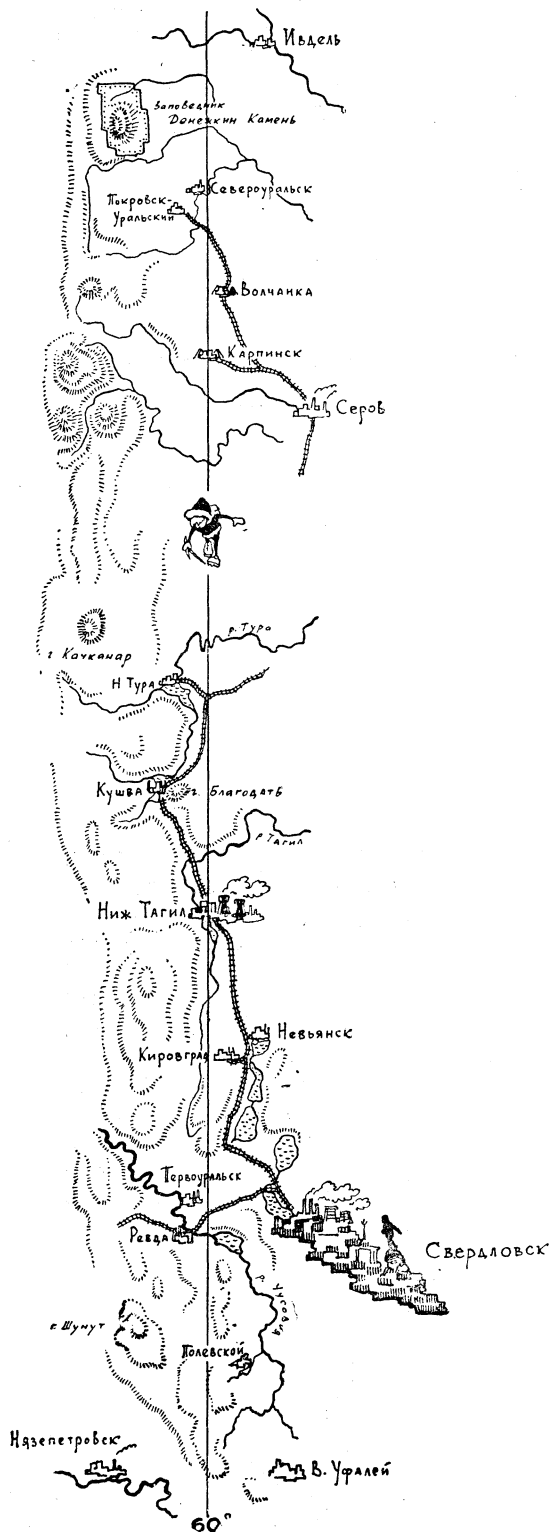
Куда пойдём нынешним летом?

В горячих спорах этот вопрос обсуждался всю зиму. Но когда кто-то предложил посвятить поход важнейшему делу — охране родной природы — споры улеглись, решение было единодушным:

Документы
наших дней

ИСЕТЦЫ
ОТВЕЧАЮТ.
КТО
СЛЕДУЮЩИЙ?

— Пойдем в поход за ленинское отношение к природе!

Так родилась идея экспедиции «60-й меридиан»: пройти по Уралу с севера на юг вдоль меридиана, который служит как бы географической осью нашего края.

Определили задачи похода: выявить по пути следования факты безобразного отношения к природе, и, где возможно, постараться устранить их на месте; организовать в каждом городе, поселке, селе дружины «Зеленых патрулей» и помочь им в создании общественных заповедников.

Экспедицию начали еще зимой, в мартовские каникулы, двенадцатидневным походом к северной точке маршрута, в заповедник «Денежкин Камень»: надо познакомиться с постановкой дела в государственном научном заповеднике, чтобы перенять его опыт. Это посоветовал профессор Б. П. Колесников при беседе в Институте биологии Уральского филиала Академии наук.

Заповедник «Денежкин Камень» — один из самых больших в стране, создан в 1946 году. Его площадь — 138 тысяч гектаров. Здесь охраняют и изучают леса, почвы, ископаемые, животный и растительный мир.

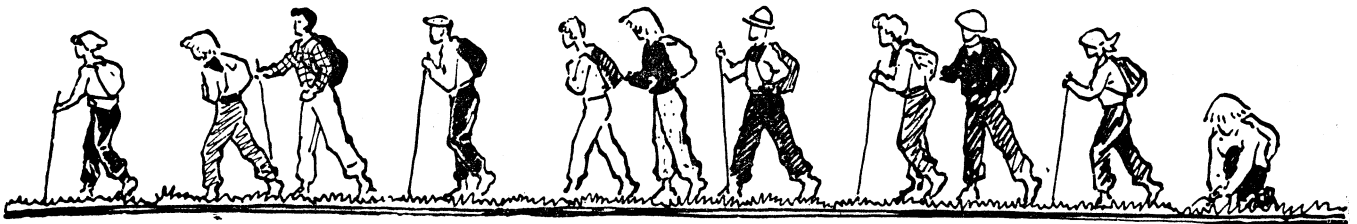
В селе Всеволодо-Благодатском, где

размещается управление заповедником, научные сотрудники И. В. Семечкин и П. Н. Рогачев рассказали о работе заповедника, подали много ценных советов.

Двести пятьдесят километров прошла бригада «Глобуса» по девственной тайге североуральского района. Хозяйским глазом осматривали группы кедров близ реки Шегульта и лесные вырубki Шегультанского леспромхоза, подступившие к границе заповедника. Здесь узнали, что леспромхоз первым в Советском Союзе взял обязательство — довести выработку древесины до 1000 кубометров на каждого рабочего. Это намного выше, чем в США и Канаде. Бригады лесорубов, оснащенные новейшей техникой, успешно справляются с обязательством.

Но по-хозяйски ли относятся они к природе? На пятый день похода, продвигаясь по занесенной снегом реке Сольве, следопыты увидели, как около деревни Тронькино леспромхозовцы валят деревья с берегов на лед Сольвы и тут же разделяют могучие лиственницы. На вопрос, можно ли так делать, молодой лесоруб ответил, смеясь:

— Ничего реке не сделается. Вот настанет половодье и унесет вниз все сучья и бревна.

Обычное комсомольское собрание. Прием в комсомол, текущие дела. Необычен только первый вопрос: «Исетское озеро и его богатства». На трибуне докладчик, который уже лет 65 назад вышел из комсомольского возраста: профессору Модесту Онисимовичу Клеру нынче идет девятый десяток. Но он с жаром, которому могут позавидовать иные юноши, говорит о богатствах родного края, о необходимости воинствующего движения за охрану их.

А район, в котором живут и работают комсомольцы Исетского завода железобетонных конструкций, — один из интереснейших на Среднем Урале. Он богат археологическими памятниками, зелеными массивами, разнообразной фауной. Богат и красив; озеро Исетское и его окрестности — излюбленное место отдыха свердловчан и пригородных рабочих поселков.

Но среди десятков тысяч отдыхающих, что

устраиваются летом к Исетскому озеру, находят еще люди, которые не понимают, что мало любить природу, надо еще уметь беречь ее. Леса редуют: от небрежного обращения с огнем они нередко горят, беззаботные «туристы» бесцельно и бездумно вырубают их. Зверя и птицу варварски истребляют браконьеры, несмышленные ребяташки разоряют гнезда. Жадные до наживы спекулянты недозволенными способами ловли сокращают и так уже обедневшие рыбные запасы водоема. В озеро спускаются отходы производства... Озеро и его окрестности могут с годами превратиться в пустыню, если своевременно не принять меры к их охране.

А может быть, хватит уже только разъяснять, уговаривать, агитировать тех, кто не хочет понять необходимости истинно ленинского — разумного, хозяйского — отношения к природе? Может быть, пора по примеру дружин народной

— Но ведь вы же портите этим реку!

Возмущенные ребята прошли лишних 15 километров, чтобы найти директора леспромхоза А. Е. Олифонова и рассказать ему о том, что делается на Сольве. Алексею Ефимович тут же приказал вызвать бригадира и запретить ему паковать реку. Возвращались довольные: помогли реке!

А сколько интересных, теплых встреч было на пути! Сколько людей, по-настоящему любящих, знающих природу, встретилось в охотничьих избушках, в маленьких уральских деревнях!

В деревне Сольве познакомились с Филиппом Лукьяновичем Усаниным. Он в 1944 году нашел самородок платины весом в 515 граммов и отдал его на постройку самолета. Старый таежник с негодованием рассказывал, как однажды Североуральский леспромхоз разрешил заготовку кедр на дрова, о шишкарях, которые валят вековые кедры, чтобы собрать с них шишки. Ребята посоветовались с Усаниным — как бороться с этим силами общественности.

В другой раз в тайге повстречался охотник-оленеvod Петр Александрович Хозяинов. Он преследовал на лыжах матерого волка. Когда догнали охотника, все уже было кончено: хищник лежал

убитый. Хозяин — местный уроженец. Он коми, с детских лет ходит с ружьем по тайге и любит ее всей душой. Он показал шкуру и рога лося, убитого браконьерами, и со вздохом пожаловался: «Нехороший человек, однако, был здесь. Нельзя таких в тайгу пускать!»

В средней школе № 1 Североуральска «глобусовцы» подговорили ребят организовать пост по охране природы. Девятиклассники Виктор Кайгородов и Володя Лесовой стали организаторами «Зеленой дружины». Их примеру последовали старшеклассники школы № 8 Североуральска и поселка Тонга.

Юные следопыты общества «Глобус» и североуральцы договорились, что они будут поддерживать постоянную связь, а в июле вновь встретятся в районе Денежкина Камня. Североуральцы к этому времени подготовят книгу по охране природы, а свердловчане повезут ее на юг по 60-му меридиану. В эту книгу ребята городов и деревень, расположенных по маршруту, будут записывать все факты безобразного отношения к природе и предложения по охране природных богатств.

«Зеленая книга», как ее назвали следопыты, эстафетой придет на областной слет юных туристов и будет передана в Свердловский облисполком.

милиции, создать «Зеленые дружины» и повести воинствующую борьбу за будущее нашей природы? Схватить браконьера, отобрать у него ружье или недозволенную снасть и выгнать из леса, с озера! Добиться наказания хозяйственника, отравляющего водоем вредными отходами производства! Выставить на щите в общественном месте на всеобщий позор фотографию истребителя леса, самовольного порубщика!

Об этом и пошел разговор на собрании исетских комсомольцев после доклада профессора М. О. Клера. В нем приняли участие и ребята школы № 7, пришедшие на собрание во главе с руководителем краеведческого кружка Г. А. Пешковым.

Выступавшие говорили о необходимости:

объявить район Исетского озера общественным заповедником;

создать Совет заповедника, к работе которого пригласить принять участие ученых, хозяйственников, представителей общественных организаций;

организовать инициативную группу, которой поручить привлечь добровольцев-защитников природы, и создать первую на Урале «Зеленую дружину».

«Уральский следопыт» горячо приветствует почин исетской молодежи в организации неотложно важного дела — активной борьбы за охрану природных богатств.

Исетцы начали. Кто следующий?

КОПАЙ ГЛУБЖЕ

Недавно в «Следопыт» пришло письмо. Трое выпускников ремесленного училища одного южноуральского городка сообщили, что нынешним летом они задумали направиться в Астрахань и, достав там рыбацью лодку, переплыть на ней Каспийское море до Баку. «Много будет у нас приключений!— пишут ребята.— И бури, и штормы, и штиты... В огромном море, наедине с опасностями... Может быть, не раз придется бороться за жизнь... Вот будет случай совершить подвиг, показать, на что мы способны, проявить свое мужество, смелость и проч.».

Мы показали письмо бывалым туристам, и они не на шутку встревожились. Не зная моря, не умея владеть лодкой, не имея никакого опыта, трое ребят собираются переплыть море, известное своим капризным характером!

— Это безрассудство!— сказали опытные туристы.— Бессмысленная и вредная затея!

Они вспомнили, что несколько месяцев назад «Комсомольская правда» писала, как турист Е. Ведерников — безусловно смелый, любознательный и волевой парень — отправился один в лодке по осеннему Амуру. Много приключений выпало на его долю, немало опасностей повидал он, не раз собирался прощаться с жизнью. А когда, пройдя почти 700-километровый путь, без лодки, без вещей и снаряжения (все это погребло), каким-то чудом спасшийся от последнего крушения, сидел на

пристани далекого таежного села Булава и ждал парохода, он серьезно задумался над своим походом: «Зачем это? К чему эта героическая бессмысленность?»

Герой-одиночка, искатель приключений ради приключений? Будет ли уважаем у нас такой человек? Кому он принес пользу, кто помянет его добрым словом, чем помог он общему делу народа?

Нет, не страсть к бессмысленным приключениям движет лучших людей нашей страны на подвиги, не за это народ воспевает их в песнях и называет героями.

Недавно четверка отважных советских солдат 49 дней провела в невероятных условиях в океане. Весь мир изумлялся их подвигом. И это был действительно подвиг людей, в каждом движении которых виделась огромная любовь к Родине, преданность ей, стремление до конца выполнить свой долг.

История спасения нашими летчиками экипажа «Челюскина», раздавленного льдами в Ледовитом океане в 1934 году, похожа на увлекательный приключенческий роман. Но разве там были приключения ради приключений?

Разве Седов и Пржевальский, Нансен и Амундсен совершали свои путешествия ради приключений? Их влекли благородные цели служения человечеству, стремление принести пользу родной стране.

Но разве не этими же, пусть меньшими по масштабам, целями было освещено интересное путешествие красноуфимских ребят, о котором рассказывалось в № 5 «Следопыта»? Эти же цели движут и следопытами общества «Глобус», идущими сейчас вдоль 60-го меридиана и организуемыми молодежь на охрану природы края. А приключений у них в пути хватает — есть где проявить мужество, находчивость, смелость, а когда надо, и самоотверженность.

Приключений хватит везде — наш край не обижен разнообразием природы, суровой и местами почти нетронутой. И поэтому не всегда понятно стремление иных туристов к экзотике дальних краев и областей. Разве мало ее у нас на Урале? Да знают ли иные любители экзотики что в районе Зластоуста есть места, пройти которые под силу далеко не всякому опытному туристу! Многие ли уральцы могут похвастаться тем, что добирались до вершин Тельпос-Иза и Народной? А изучение этих районов может помочь скорейшему освоению их. Так поможем же этой благородной цели!

А молодым южноуральцам, приславшим в редакцию письмо с проектом своего путешествия по Каспийскому морю и недовольных отсутствием экзотики на Урале, нам хочется сказать словами старинной русской пословицы: копни поглубже — найдешь погуше!

ЗНАЧОК

АКТИВИСТА

ЖУРНАЛА

Редакция журнала наградила значком еще одну группу активистов «Уральского следопыта»: Брусиловского Михаила Александровича, художника; Дижур Беллу Абрамовну, писательницу, автора книг «Рассказ об одном походе», «Путешественники-невидимки», «Стеклянная река»; Кострина Константина Васильевича, профессора Уфимского нефтяного института, автора книг по истории нефтеобработки на Урале и в Поволжье; Кучкина Андрея Павловича, члена КПСС с 1912 года, доктора исторических наук, автора документальной повести «Александр Чеварев», члена авторского коллектива «Истории КПСС»; Рябова Юрия Петровича, корреспондента ТАСС по Курганской области; Троппа Исаака Ефимовича, журналиста; Шарца Александра Кузьмича, директора научно-технической библиотеки Пермского совнархоза, заместителя председателя Пермского отделения общества охраны природы.

ЛЮДИ БОЛЬШОЙ ВЫСОТЫ

В июле Магнитогорску исполнилось 30 лет. В Магнитогорске — городе огромных цехов чугуна, стали и проката — день и ночь идет строительство крупнейшего в мире прокатного стана «2500». Это — ударная стройка, в основном здесь работает молодежь. Много трудностей у строителей, и не всегда дела идут гладко.

А масштабы работы и энтузиазм взрывников и бетонщиков, штукатуров и верхолазов вдохновляет уральских поэтов. Публикуем поэтический репортаж Марка Гроссмана со стройки стана. Снимки к репортажу сделаны Виктором Дьяновым.

Высота

Вы видели высоту?
Бывали на ней хоть раз?
Ту высоту-красоту,
Где молнии возле глаз!

Вы слышали высоту?
Здесь рядом гуляет гром,
И, задевая звезду,
Птицы свистят крылом!

Это та

высота,
Где бог —
Верхолаз простой,
Плывет за плитой плита,
Ложится плита с плитой.

На север ушла зима,
Стекает капель, как пот,
Громят гишину грома
Буровзрывных работ!

Ветров степных нитье,
Скалу динамит трясет,
Но дело вершат свое
Люди больших высот.

Они не уйдут с поста,
Пока не встанет на пост
Стан стального листа
Во весь богатырский рост!

Верхолазы

Кранов крик, гуденье «МАЗов»,
Сварки яркая заря,
Переключка верхолазов
Наверху, у фонаря.

Парни дерзко в небо лезут,—
Нету выше чести той,
Чем сдружить навек железо
С голубиной высотой.

Домны плавкой кумачовой
Озаряют их с утра.
В очи Вити Богачева
Бьют уральские ветра.

Молодой да крепкокрылый —
Выбрал он судьбу легко:
«Чтоб поближе к небу было,
Чтобы в рай недалеко».

Строил слябинг и мартены,
Под холодным ливнем мок,
Грел парнишку неизменный
Комсомольский огонек.

Пот со лба стряхнув рывками,
К ферме прислонясь плечом,
По соседству с облаками
Воробьев гремит ключом.

Ветерком относит слово,
Как дымок, летит оно,
Только Васю Воробьева
Виктор слышит все равно.

— Без охоты и заботы
Не житье, а грусть одна,
Без охоты нет работы,
Нет, как свадьбы без вина.

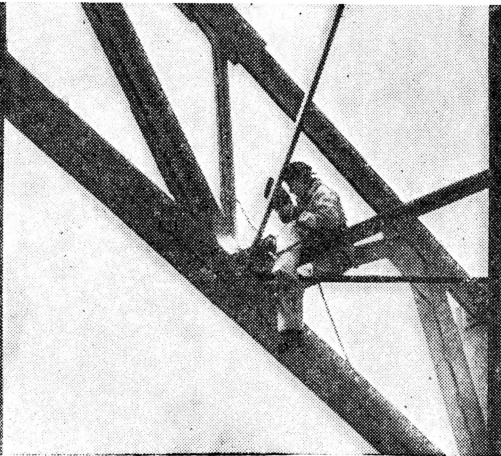
Жить так жить, чтоб век был прожит
Каждым парнем, как бойцом,
Чтобы можно было все же
Так сказать перед концом:

«Не глядите, дорогие,
Что сейчас — ни сил, ни глаз,
Был я в те года в России
Не последний верхолаз.

Я ценил свой труд красивый,
Трудную работу ту.
Искони у нас в России
Люди любят высоту.

Монтажник
Виктор Богачев.

Монтажник
Василий Воробьев.

И с печами по соседству —
Лучше всех иных красот —
Я оставил вам в наследство
Стан «Две тысячи пятьсот».

Чудо-цех

Ходим, ходим с чудом рядом
Каждый день путем своим
И скользим бывалым взглядом
По громадам заводским.

А столкнись ты с этим чудом,
Ты б от радости запел,
Ты б узнал и ум, и удаль
Наших замыслов и дел.

Мы идем с Володей Грибом —
Комсомольским вожаком —
По траншеям и по глыбам
Скал, одетых куржаком.

Сотней разных дел упарен,
Усталь шуткою гоня,
Нам рассказывает парень
Сказку нынешнего дня.

— Что известно вам о стане?
Ничего, что на бегу —
На основе точных данных
Информировать могу:

Если грунт, что сокрушили
Под фундамент цеховой,
Погрузить в автомашины
И поставить «МАЗы» в строй.
То протянется колонна
От входных, считай, дверей
До прибрежного района
Древних северных морей.

И еще одно сравненье
Приведу я, факт любя:

Всей Магнитки населенье
Может цех вместить в себя!
Вот громада — так громада!
В срок бы ей катать литье!
Но и силы уйму надо,
Чтобы выстроить ее!

Отдаем всю душу плану,
Обещали ж мы не зря,
Что задышит стан по плану
В половине декабря...

Мы идем с Володей Грибом —
Комсомольским вожаком —
По траншеям и по глыбам
Скал, одетых куржаком.

Вспышки сварки, клекот клепки,
Гром железного листа.
Наверху народ неробкий
Ставит фермы на места.

Плещет знамя на площадке,
У часов сошлись усы,
И зовут на отдых краткий
Заводских гудков басы.

Отцы и дети

Мы сидим в дежурке тесной,
И в печурке возле ног
Огонек поет древесный,
Тонкий звонкий огонек.

С наслажденьем грея ноги,
Верхолаз махру сосет.

Чудо-цех, стан «2500».

Хороши, ей-богу, боги,
Вниз сошедшие с высот!
Погляди на эти руки,
Глянь-ка в очи пареньку,
Никогда не знали скуки
Эти люди на веку!

Примостился я на стуле,
Кипяток с устатка пью,
Будто боги мне вернули
Юность давнюю мою.

На плечах шинелка чья-то,
На душе — ударный труд,
Вся-то техника — лопата,
Нет, не вся — и юность тут!

Грунт долблю худой и скромный,
Все богатство — смоль кудрей,
У девчонки с первой домны
Сердце рвется с якорей!

Без неведомой одышки
Я двойной процент даю.
Ах, спасибо же, мальчишки,
Вам за молодость мою!..

Это я сказал? Быть может,
Парамонов Алексей?
Алексей Иваныч тоже
На Магнитке с первых дней.

Арматурщик он — и точно,
Тонко знает ремесло,
И стоят заводы прочно
С арматурою его.

И сидим — отцы и дети,
И на лицах торжество:
Люди первых пятилетий,
Люди первых семилетий,
Люди дела одного!

В отстающую бригаду!

Бригадир бригады лучшей
Славно знает мастерство.
Отчего ж глядит он тучей?
Что не радует его?
У него в делах культура,
Люди все, как на подбор,

Вся бригада штукатуров
Выполняет договор.
А вот рядышком бригада
Постоянно гонит брак,
Ходят сонные ребята,
Штукатурят кое-как.

И лукавить не умея,
Людам всей душой открыт,
Говорит в сердцах Шафеев:
— Где ж, ребята, честь и стыд?
Видно, дрыхнет совесть ваша!..

Кто-то выскочил вперед:
— Может быть, Шафеев Саша
К нам, отсталым, перейдет?
Смотришь, выполним задание,
Саше честь, почет ему,
А мораль и заклинанья
Нам, пожалуй, ни к чему...

Бригадир бригады лучшей
Славно знает мастерство.
Отчего ж глядит он тучей?
Что не радует его?

Что? Решать задачу надо!
А попробуй-ка, реши!
Сколько сил взяла бригада,
Да не только сил — души!

Сколько отдал ей терпенья!
А теперь — изволь — иди.
От сомнений и волненья
Сердцу муторно в груди.

Но на ухо совесть внятно
Шепчет с милой добротой:
«Трудно, брат, тебе — понятно,
Ну, а все ж — иди, не стой.

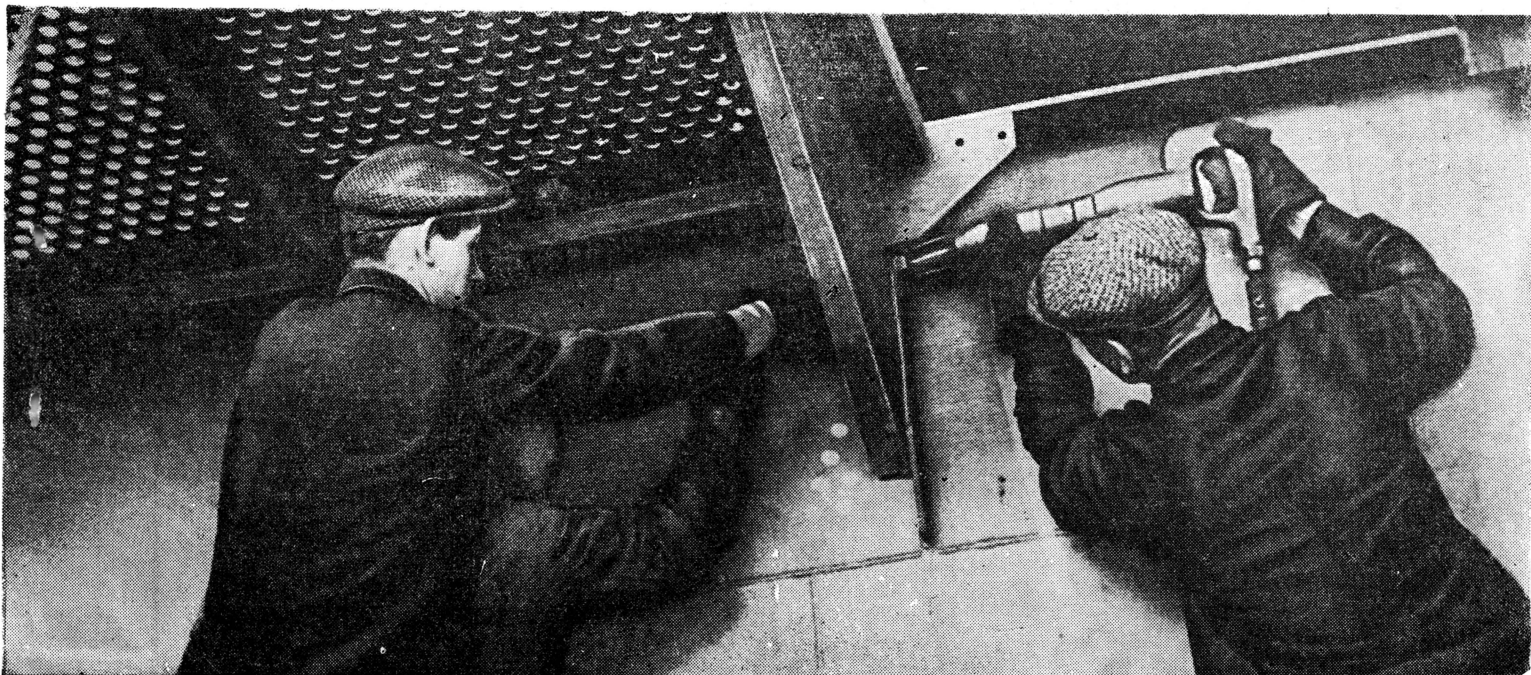

Мы идем с Володей Грибом,
Комсомольским вожакom.

Что ты, Шура! Что ты, Шура!
Погляди на комсомол —
Вон же взял бригаду Дуров,
К новым людям перешел!».

Сердце радо и не радо,
Все же гордое оно:
— Хорошо! Иду в бригаду!
Но условие одно:

Наверху народ неробкий ставит фермы на места.

Не жалеть для дела пота,
Твердо веровать всегда,
Что унылая работа —
Не работа, а беда!

Боевые дни

На площадке пыль клубится,
Бьют ломы и топоры,
И задором пышат лица
Увлеченной детворы.
По призыву комсомола
Гомонит субботник тут.
Мальчики четвертой школы
Впереди пока идут.
Мусор, щепки — вон из цеха,
Землю лишнюю — долой!
Сколько радости и смеха,
Сколько песни удалой!
Молодые парни рады,
Что девчата возле них,—
С шуткой действуют бригады
Институтов городских.
И опять я вспомнил годы,
Отшумевшие давно,
Комсомольские походы,
Пионерское звено.
Будто это я копаю,
Будто мне гудит гудок,
Будто это я вступаю
В свой семнадцатый годок.
И душе приятно, право,
Что близки им, как и нам,
Наше дело, наша слава
С честным потом пополам.
А вокруг грохочут взрывы.
Боевым громам сродни.
Ветра резкие порывы,
Флагов красные огни.
И за план сражаясь стойко,
Люди слов не тратят зря:
«Стан — к началу декабря».
На большой ударной стройке
День и ночь горит заря.
Крана башенного лапа
Вверх конструкции несет.
Как в бою, начальник штаба
Шлет людей на штурм высот.
И идет, идет сражение
На огромной высоте —
Продолжается движенье
К нашей цели и мечте.

Магнитогорск, 1960.

КОЛОКОЛА

*Выписки из дневников и прочие
человеческие документы наших дней
доставил в «Уральский следопыт»
Николай Горбунов.*

ИЗ ТЕТРАДИ ВАСИЛИЯ СЕЛЕЗНЕВА

20 января.

В семь часов утра меня разбудил Генка Самохин, которого мы все зовем Суматохиным.

— Васек, дело есть! — Он сдернул с меня одеяло и захопотал по комнате, швыряя мне брюки, портянки, валенки. — Собирайся!

Я едва протер глаза:

— Какое дело?

Генка прикрыл поплотнее дверь и выпалил мне в самое ухо:

— Можем с тобой на всю страну прогреметь! Представляешь?! — Потом клятвенно постучал себя по груди и добавил: — Железно!

Это его любимая поговорка.

Я начал одеваться.

— Учти, я сказал вашим, что мы пойдем ловушки на соболя проверять, — предупредил меня Генка.

Соболи у нас бегают возле самого поселка, а медведь-шатун как-то даже в общезитие к девушкам ломился.

Вышли мы с Генкой на крыльцо и как в белую вату уткнулись. Густой, тяжелый туман окутал все вокруг. Такой тяжелый, что пройдет автомашина, а дым из глушителя долго еще лежит на дороге, придавленный туманом. Мороз!

У нас без термометров градусы определяют. Дунешь — и, если воздух гулко зашелестит, будто лист фанеры по снегу тянут, — значит под шестьдесят.

Генка дунул. Шелестит!

— Куда ты меня тащишь? — с досадой спрашиваю я.

— Сейчас узнаешь!

У стены нашего дома стояла длинная лестница. Генка подлез под нее и начал опускаться. Мы взвалили ее на плечи, и Генка повел меня к церквушке, маячив-

В ТАЙГЕ

шей на пригорке, неподалеку. Она вся почернела от старости. Бревна толстые. Наверное, лет сто прошло, как их спилили, а летом все еще смола вытапливается. Лиственница самой крепкой породы.

Раньше в церквушке молились, но последний поп запьянствовал. Старики и старухи написали архиерею, что их пастьер морально разложился. Поп обиделся, повесил на двери большущий, со сковородку, замок и улетел куда-то на самолете.

Мы покрепче воткнули лестницу в снег, чтоб не съезжала, и достали до карниза. Генка вынул из кармана веревку с «кошкой» на конце — три железных крючка, загнутых во все стороны.

Теперь я начал уже кое о чем догадываться.

— Осторожнее! — предупредил Генка, поднимаясь по лестнице.

Забравшись на крышу, он ловко метнул «кошку». С первого же раза она зацепилась за жидкие перильца, и через несколько минут мы залезли на колокольню. Генка включил карманный фонарик, засунув его в рукавичку, чтобы нас не заметил кто-нибудь. Огляделись. Над головами висели заиндевелые колокола. В башенке тесно, как в телефонной будке. Я повернулся и задел веревку.

— Бом-м-м! — глухо загудел самый большой колокол.

Мне стало не по себе. Хоть и знаешь, что никакого бога нет, а все же мурашки по спине пробежали: и не от бога могут быть неприятности...

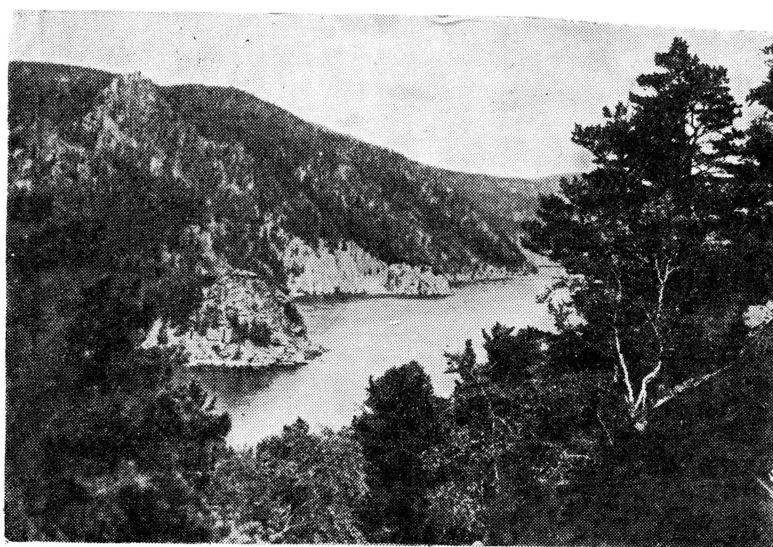
— Корова! — обругал меня Генка, дую на озябшие пальцы.

Мороз так и жжет! Тащили лестницу — разогрелись немного и теперь быстро окоченели. То и дело хватаясь за щеки и нос, Генка начал сметать с большого колокола снег.

— Самоделка! — ликующе проговорил он. — А я думал — вдруг это легенда!

Понятно, почему он сегодня всполошился ни свет, ни заря! В музей хочет про этот колокол написать!

Вчера Генка позвал меня к деду Фе-

дулу, которому уже давно за сотню лет перевалило. «Пойдем, — говорит, — про старину послушаем, много разных приключений было у этого старика». Дед весь вечер рассказывал нам про медведей. Он еще в детстве их штук пять убил, причем один, без отца. Потом у нас разговор перешел на историю. Первые русские поселенцы, оказывается, на наших реках — Лене и Витиме — появились лет триста тому назад. Построили они на берегах себе дома, обжились маленько. Строили и церкви. Народ верующий тогда был.

Но что это за церковь без колоколов! Тем более, что колоколом, набатом, людей подымали и собирали по тревоге — пожар, или просто что-нибудь важное для всех. И нашлись такие умельцы, что сами отлили колокола.

— Самоделка! — еще раз повторил, ликуя, Генка.

Колокол был шершавый и черный, как чугунок.

— Да-а, — сказал я, — такой экспонат — в любой музей!

Генка насмешливо хмыкнул и надвинул мне шапку на глаза.

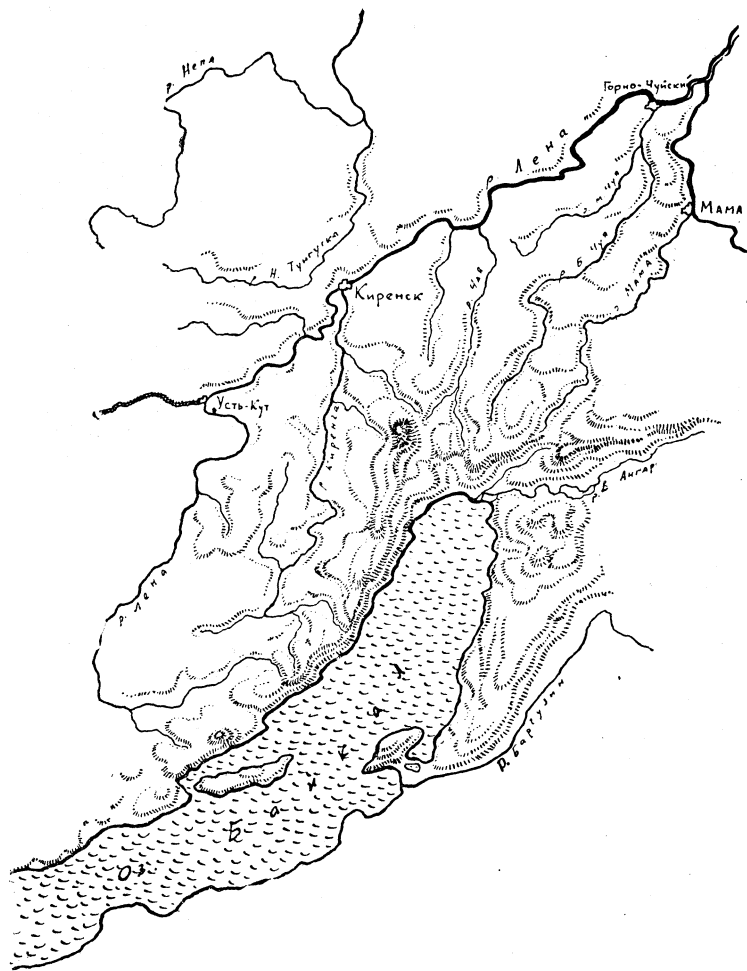
— Нет у тебя, Васек, фантазии! — вздохнул он, перелезая через перила колокольни. — Надо уметь мыслить!..

Мороз стал еще злее. И разговор мы продолжили дома. Генка сперва отогрел у печки руки, потом попросил у мамы стакан чаю и, прихлебывая, начал не спеша:

— Итак, что нам удалось установить, Васек? Колокол самодельный. Верно?

Я кивнул.

— А где, скажи ты мне, пожалуйста,

взяли медь, чтобы его отлить? Не везли же ее с Урала в такую даль? Тогда и дорога-то не было,—продолжал торжествующе Генка.—Дошло до тебя? Руда местная! И мы ее найдем. Железно!

— Мы бы и днем могли прекрасно на колокольню слазить,—обиженно заметил я.

Генка усмехнулся и повертел пальцем у виска.

— Соображай! Чтобы весь поселок об этом узнал? Спасибо! Мы будем первооткрывателями!

28 января.

Готовимся к экспедиции. Начнут летние каникулы — и пойдем в горы.

Генка выпросил у отца большую карту области. Каждый вечер мы сидим над ней, изучаем местность, по которой нам доведется идти, спорим. Я уже, наверное, с закрытыми глазами начерчу все речки и горные цепи.

Перерыли всю нашу библиотеку. По Генкиной просьбе библиотекарша уже второй заказ в Москву послала. Послушаешь нас — можно подумать, что сошлись старые таежные волки. Так и сыплются с языка «шурфы», «обнажения», «порода», «минерал», «поисковые признаки»...

Красная черта маршрута на карте протянулась от нашего Киренска к коричневому пятну — Северо-Байкальскому нагорью. Мастерам колоколов больше неоткуда было руду брать. В тайге и болотах ее не бывает.

Добираться придется водой, по тайге не пройдешь. Поплывем сперва по Лене, потом по ее притоку Киренге, затем по притоку Киренги — Кутиме... Пятьсот пятьдесят километров! И все — против течения.

У нас есть моторка, но она маленькая. А Генка сел составлять список всего, что нам понадобится в дороге, и чуть не до корочки тетрадь исписал. Ружье, патроны, палатка, консервы, картошка, мука, кастрюля, спиннинг, топор, пила, геологические молотки, веревки, две собаки, бензин для мотора... В общем, целая гора снаряжения.

— В тайгу,— говорит,— идем, а с тайгой не шутят.

Лодку бы нам большую найти! Лодку с мощным мотором!

Но все равно тянуть нельзя, надо начинать помаленьку оснащаться.

30 января.

Вышел я сегодня к Лене. «Мороз и солнце»,— как писал Пушкин.

Над рекой свесили лапы вековые сосны и ели, заметенные снегом. Одна переломилась и рухнула на лед. Туман клубится. Холодно. У самого обрыва большущая береза вытянула к солнцу искривленные ветки, словно скрюченные пальцы к огню. И тишина. Белое безмолвие! Так и кажется, что сейчас гикнет вот тут, рядом, на собак индеец Ситка-Чарли или Малыш из книжек Джэка Лондона на своей упряжке промчится...

Дураки мы были раньше. Как я сам не догадался? Живу я в теплом доме, хожу в школу, беру книжки в большой библиотеке, а приключения и романтику вижу только в кино, хотя тайга подсту пает к самому окошку. А ведь до 8-го класса доучился.

Нет, упускать этот случай с колоколами никак нельзя!

2 февраля.

Сегодня Генка привел на поводке большую серую лайку с пушистым хвостом. Выменял у одного мальчишки за коллекцию марок. Хорошая коллекция была! Генка начал ее собирать, еще когда ходил в детский сад.

Это такой человек, на которого никак нельзя долго сердиться. Сегодня мы здорово поспорили. Он ведет себя как начальник и ничего не хочет признавать. Я говорю, что будем сушить на дорогу сухари, а он доказывает, что геологи всегда берут муку, насыпая ее в резиновые мешки. Выгоднее, мол, и питательнее!

— Где ты эти мешки возьмешь? — спрашиваю я.

— А футбольные камеры зачем существуют!

— Ну, а кто будет стряпать? Ты умеешь?

— Подумаешь, проблема!

В общем, мы поцапались. Я сказал, что куда не поеду, плюнул и ушел.

А вечером отцу понадобилась книга, которую утащил Генка. Я хотел сестренку послать, но мама не разрешила. Холодно. Пришлось идти самому.

Возьму, думаю, молчком книжку, повернусь и уйду.

Стучу. Никто не отвечает. Открываю дверь, и губы у меня сами расплываются

в улыбке. Генку будто из квашни вытащили! Весь вымазался в тесте.

— Тренируюсь! — подмигивает он мне, как ни в чем не бывало, орудуя у печки со сковородками в руках.

Разве удержишься, чтобы не засмеяться?

27 марта.

Вот и март уже кончается. Тайга, словно капризная франтиха, то и дело меняет свой наряд. Утром стоит вся белая-белая... В лесистую щетину на бэках гольцов, пониже их лысых макушек, густо набивается туман. А днем, чуть потеплеет, подует ветерок, сметет с хвои пушистый куржак — и все вокруг сияет влажной зеленой хвоей.

Мы с Генкой, когда идем в школу или из школы, подолгу смотрим на тайгу.

Как-то она встретит нас?

18 июня.

Сегодня наша добрая красавица

Лена принесла шитик и выбросила на берег прямо возле школы. Хорошая лодка. Везет же нам!

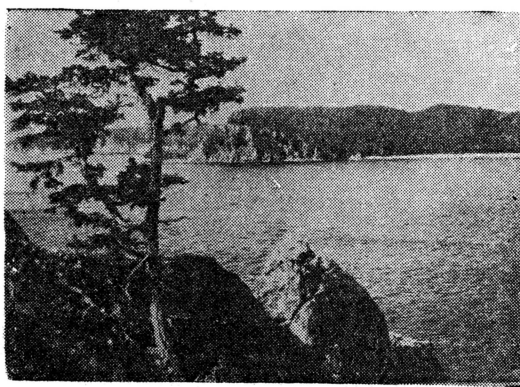
— Как в сказке! — ликует Генка. — Получайте, не скушайте!

Теперь можно погрузить в шитик снаряжение, а самим плыть в моторке. Красота!

Развели мы костер, разогрели в банках вар и начали заливать щели в бортах у шитика. Подошел дед Федул. Смотрел, смотрел и говорит:

— Петрованова лодчонка. Кутимского.

Я чуть банку не уронил. Все пропало!

А Генка посмеивается:

— Нам же это на руку! Под счастливой звездой мы с тобой родились!

Я ничего не могу понять.

— Не доходит?— закатывается Генка.— Кутима же у нас на маршруте!

— Ну и что?

— За эту посудину нам только спасибо скажут. А от Кутимы — горы рядом!

Дед Федул глухой, мы разговариваем при нем без опаски, как при иностранце, который нашего языка не знает.

— И прятаться не надо,— радуется Генка.— Пойдем легально! Надо же этого Петрована выручать.

Да, это нам опять повезло! Главное — дома теперь будет куда отпроситься. В горы же ни за что не отпустят!

20 июня.

Вырезал из газеты заметку. Вот наша путеводная звезда!

В ПОХОД, МОЛОДЫЕ СЛЕДОПЫТЫ!

Прошлым летом в нашей области родилась хорошая инициатива, которая, как песня, была подхвачена тысячами юношей и девушек. Стремься внести свой вклад в семилетку, молодые рабочие, студенты, школьники вышли на поиски полезных ископаемых, которыми так богата наша Сибирь. И многие из них возвратились домой не с пустыми руками. Зарегистрированы ценные закладки, имеющие промышленное значение.

В нынешнем году в геологическом походе будет участвовать еще больше молодежи и школьников, и нет сомнения, что они откроют новые кладовые природы.

Желаем вам удачи, дорогие друзья!

25 июня

Завтра мы тоже отправляемся. Писать некогда. Этот Суматохин меня совсем замучил. Собираемся, укладываем снаряжение, покупаем продукты...

— У меня ноги гудят, как телеграфные столбы,— признался Генка.— Но я не ною!

— Хвастун! Я тоже не ною.

Было бы нас в десять раз больше.— он все равно для всех нашел бы работу. То ему то не нравится, то другое...

26 июня.

— Вот это принарядился!

Отец мой увидел сегодня Генку и прыснул. Я тоже засмеялся. Ну и видок!

На носу темные очки, вся грудь в ремнях: тут, и термос в чехольчике подвешен,

и планшет с компасом, и бинокль, и ножик на цепочке болтается. Да еще и фотоаппарат.

Разве меня с ним можно сравнить? Я будто и не плыву, а только провожаю его.

ИЗ СУДОВОГО ЖУРНАЛА

26 июня. 8 часов 00 минут. Вахту принял Г. Самохин.

Отчаливаем. Удача сопутствует нам. Погода великолепная. Видимость — миллион на миллион! Штиль. Жара. На термометре 28 градусов.

12 часов 32 минуты. Минуем круглый лесистый остров, похожий на зеленую тарелку, перевернутую кверху дном. Мотор работает великолепно. Настроение хорошее.

13 часов 00 минут. Обедаем на борту. Очень вкусно!

Васек спит. У меня тоже глаза слипаются. Но спать мне никак нельзя. Залетишь на берег и поломаешь винт или погнешь.

16 часов 00 минут. Вахту сдал Г. Самохин.

16 часов 00 минут. Вахту принял В. Селезнев.

Плывем по быстрой речке Киренге. Мотор еле тащит нас против течения. Кушают комары. По бортам — тайга и тайга. Угрюмые берега.

Генке, несмотря ни на что, захотелось искупаться. А здесь, наверное, где-то болота рядом. Комарья — видимо-невидимо! Тучи! Разделся он и сразу стал мохнатым: с головы до пяток комары облепили!

Но выручает «репудин». Намажешь лицо и руки, и как в броню залезешь. Вьются рядом, пищат, а не кусают. Какой-нибудь смельчак ткнется и быстренько — в сторону!

Киренга речка маленькая. Метров пятьдесят до другого берега, а его не видеть. Будто полотном затянут. Комары висят над водой, на кустах... Ужас, что творится!

Генка Вербе и Громобою тоже носы намазал.

24 часа 00 минут. Вахту принял Г. Самохин.

Безобразие! Вахтенный журнал не альбом для стихов. Нечего тут писать всякую лирику стилем записок девочкам. Заведи себе путевой дневник, как я,

ИЗ ТЕТРАДИ ГЕННАДИЯ САМОХИНА

Хвойные джунгли прорезала река. Огромные деревья склонились к самой воде, моют пушистые лапы сосны и ели, а кедр-великан своей мохнатой зеленой ручищей словно ласкает Киренгу, гладит ее волны. Нестерпимый зной. Маленькая синичка раскачивается на макушке березы. Она прилетела напиться, и ей не хочется улетать от реки в такую жару.

Вдруг птичка встрепенулась, встревожилась. Что это за гул доносится из-за косы?

На реке показались две каравеллы. Первая — моторная, вторая — на буксире. На передней можно разглядеть человеческие фигуры.

Что это за искатели приключений, и куда они держат путь?

Они очень молоды и одеты по-дорожному. У них решительный, мужественный вид.

За рулем сидит худощавый, стройный юноша в темных очках и широкополой соломенной панаме. Это начальник экспедиции Геннадий Самохин. На корме возится со спиннингом его лучший друг Василий Селезнев, немного флегматичный, неповоротливый человек с добродушной физиономией. Судя по всему, ему хочется добыть на ужин тайменя или хариуса. Но какой из него рыбак! Вот уж если я возьмусь за спиннинг... (последняя фраза зачеркнута).

На носу дремлют две собаки. Время от времени они повизгивают спросонья, когда лодку швыряет в сторону.

Верба проснулась, повела носом. Запахло гарью, откуда-то потянуло дымом. Тайга горит!

Огонь приближается к берегу. Вот уже треск слышится совсем рядом, с шумом падают огромные деревья, объятые пламенем. Нечем дышать. А дым все сгущается, ест глаза, рвет горло. Смельчаки плывут, как в печной трубе.

Пламя бушует возле самого берега. — Не трусь! — успокаивает своего друга Геннадий Самохин. — В реке не сгорим. Железно! Настоящие трудности начинаются. Люблю!

Ничего не видать. Лодка шарахается то к одному, то к другому берегу. Кажется, что тайга горит с той и с другой стороны реки.

У воды зашевелились кусты. К берегу вышел волк. На боку у него большая под-

палина, и отважным путешественникам показалось, что они даже почувствовали запах горелой шерсти. Лодка круто рванулась к другому берегу. Послышался металлический скрежет.

Мель!

Бесстрашный Геннадий Самохин прямо в одежде бросился за борт и застонал, как от нестерпимой боли, когда руки его нащупали обломок винта. Это — конец!.. Поворачивай на веслах до дому...

Так тебе и надо! Не хвастайся перед самим собой в своем путевом дневнике!

ИЗ СУДОВОГО ЖУРНАЛА

28 июня. 16.35. Потерпели аварию у необитаемого каменистого острова. Ждем, когда утихнет пожар. Настроение скверное.

Г. Самохин.

ИЗ ТЕТРАДИ ВАСИЛИЯ СЕЛЕЗНЕВА

29 июня.

Лежим на камнях у костра, варим уху. Все еще пахнет гарью.

Молчим. Поругались. Вообще-то Генка не виноват, что так случилось, ничего же не разглядишь в этом проклятом дыму. Но если бы я сидел за рулем, он бы меня теперь загрыз насмерть.

Всеобщее уныние. Даже собаки скулят.

30 июня.

Просыпаюсь я утром — Генки нет. Зову — не отвечает.

Куда же он девался? Спиннинг лежит у палатки.

Поглядел по сторонам — у поворота реки большая лодка, причаленная к берегу. На песке горел костер, возле него сидело два человека. По широкополой соломенной шляпе нетрудно было узнать в одном из них Генку. Я пошел к ним.

— Познакомься, Леня, — увидев меня, предложил Генка парнишке в летной фуражке, которому он помогал чистить картошку.

Тот поправил козырек фуражки и как-то нехотя протянул мне руку:

— Авиамеханик. Леонид.

— Летчики из Киренского аэропорта, — пояснил Генка, — тоже, как и мы, геологи-любители. Пробу брать ушли, а Леня кашеварит.

Этот Леня, может, года на два по-

старше нас, а важничает, как прославленный ас. И, видно по всему, похвальбушка большая, хвостун высшей марки. Сперва он нам показал свой ножик. Нажмешь на кнопку — и выскочит длинное узкое лезвие. Потом начал расхваливать на все лады моторку, на носу которой была нарисована ракета, распарывающая облака. Он же, наверно, нарисовал.

— А моторчик, знаете, какой? — прищелкнул Леня языком. — Зверь! Двенадцать коняг.

Дошла очередь до малокалиберки, но тут стала подгорать картошка.

— Куда они плывут? — спросил я потихоньку у Генки.

— Туда же, куда и мы. Я с Леней договорился, отбуксируют нас в Кутиму, а там мы в кузнице винт отремонтируем.

— Вот бы нам с ними объединиться, — сказал я. — Вместе бы пойти!

— Да они же нас обдуют! — негодуяще прошипел Генка. — Хочешь, чтобы вся слава им досталась?!

Леня попросил Генку попробовать картошку, проконсультировался, сварилась или нет. Они уже подружились.

— А какой металл вы ищите? — спросил я.

— Благородный! — небрежно бросил Леня, снимая кастрюлю. — Золотишко.

Затрещали кусты и показались двое рослых парней в авиационных фуражках. За плечами у них были рюкзаки, один нес лоток, в котором золотоискатели промывают песок.

— О, да у нас гости! — хором воскликнули они, оба остановились, пощипывая свои густые, но еще маленькие бородачки.

Здесь такая мода: кто уходит в тайгу — обязательно бороду и усы отпускает. Жаль, у нас с Генкой почти ничего не растет. Надо было взять с собой какое-нибудь средство для ращения волос.

ИЗ СУДОВОГО ЖУРНАЛА

29 июня. 10.25. Идем на буксире. Летчики без разговоров согласились дотащить нас до деревни. Генка сел к ним в лодку. Леня уже подарил ему капроновую леску.

22 часа 10 минут. Показалась деревня. Это — Кутима.

Кутима раскинулась у реки. Дома тянутся веревочкой, в один ряд. Тайга прижала их к самому берегу. А за деревней

вдоль реки — узенькая полоска земли, отвоеванная у леса. На ней, за оградой из длинных жердей, растет пшеница. Как в огороде!

Отдали хозяину шитик, а он помог нам отремонтировать винт.

В. Селезнев.

30 июня. 7 часов 05 минут. Борт «Ракеты». Ура! Экспедиции наши объединились, и смельчаки продолжают свой путь к сокровищам, которые они подарят родной стране. Леня нам здорово помог в этом деле, да и я тоже хороший дипломат. Еще вчера вечером мы с ним все уладили.

Начальником у нас Федор Прохорович, летчик, Леня, правда, зовет его Федей. А заместитель — Костя, штурман. Но он все больше рисует всякие пейзажи, а к поискам золота равнодушный. Скептик!

Федору Прохоровичу я сразу понравился. А художник сказал: «Жидковат! Еще утонет!» А у самого — никакой мускулатуры, бицепсы — с голубиное яйцо.

Чтоб доказать ему, что у меня разряд, я ласточкой — бульк в воду с крутого берега, прямо в брюках и рубашке! Плаваю я, как Ихтиандр из романа Беляева «Человек-амфибия». Утер нос художнику!..

А сегодня мне снова пришлось испускаться в одежде. На этот раз с Леней за компанию.

Кутима, по которой мы плывем сейчас, речонка хотя и мелкая, но очень вредная. Ревет, бурлит, пенится, камни везде торчат из воды. А у берегов деревья навалены. Падают в речку и макушки у них в воде, а корни на крутом берегу. Ну и образовались мохнатые зеленые норы. Нас чуть было не затянуло в одну такую нору.

На перекате у «Ракеты» заглох мотор. Лодку понесло. Я схватил шест, хотел притормозить, но он угодил в расщелину меж камней, и меня выбросило за борт. А Леню сшибло корягой.

Выскочили мы на берег, схватили палки и к норе, чтобы загорить лодке дорогу. В «Ракете» остался один Федор Прохорович. Костя с Васьком плыли на нашей моторке. Там мотор меньше трясет, ему лучше рисовать.

— Спасайся! — кричим мы Федору Прохоровичу.

Лодку тянет прямо в нору. А он возит-ся с мотором и даже не смотрит, что делается. Еще миг и, если мы не удержим лодку, перевернет ее в норе. Я сжался весь, закусил губу и даже зажмурился... Вдруг слышу — та-та-та! Движок заработал!

«Ракета» дернулась, встала, потом медленно поползла вдоль берега к заводу.

Больше приключений в этот день не было.

Г. Самохин

И не надо!!! Сам говорил, что судовой журнал — не для личных записей!..

1 июля. 7. 20. Федор Прохорович отделился по карте и подсчитал, что за вчерашний день мы прошли только 12 километров. Это потому, что против течения. Течение очень быстрое и часто встречаются мели. Два раза лодки волоком уже перетаскивали.

Смотришь на Кутиму и даже заметно, что она с горы катится. Чтобы не поломать винты, мы больше груза положили в нос лодки. Если наскочим на камень, нос стукнется, а винт не пострадает.

Но от этого еще больше упала скорость. Не плывем, а карабкаемся на гору.

В. Селезнев

2 июля. А у меня личное и общественное неотделимо. Железно!

Вчера вечером к нам в гости пожаловал хозяин тайги. Мы поужинали и занимались каждый своим делом. Леня чистил кастрюлю у реки, Федор Прохорович смазывал «тозовку», штурман рисовал закат, а мы с Васьком рубили дрова на утро. Рядом играли собаки. И вдруг Вербу всю затрясло от злости, она с визгом и лаем бросилась в кусты, а Громобой струсил, к Василию жметя, скулит, как побитый.

Мы схватили ружья. Медведь был метрах в семидесяти. Увидел нас и как стриганет на гору! Камни из-под его ног обрываются, падают, грохочут. И он еще больше торопится, прибавляет ходу!

Говорят: «Неповоротливый, как медведь!» Нет, он очень даже поворотливый и проворный! Учти это, Васек! Медведь — и тот!..

Эх, поесть бы медвежатины!

Г. Самохин.

ИЗ ТЕТРАДИ ВАСИЛИЯ СЕЛЕЗНЕВА

У Громобоя со страха пропал аппетит. Ничего не жрет, даже от свиной тушонки и от свежей рыбы нос воротит. Он еще молодой, щенок. Не привык.

— Ребята, сон мне красивый сегодня

приснился,— сказал утром Генка, потягиваясь.— Приплываем мы в Киренск, а на берегу народу — тьма-тьмушая! Весь город вышел нас встречать. Музыка гремит, плакаты везде влеют и вот такие метровые буквы: «Привет отважным разведчикам горных недр!» Вышли мы на берег и первым делом на нас корреспонденты налетели, фоторепортеры, кинооператоры...

— Хватит трепаться! — не дал ему закончить Леня.— Съезди сеть проверь, может, на завтрак что-нибудь привезешь.

— Я везучий! — сказал Генка.— Пустым не ждите.

Он взял весло, чтобы не заводить мотор, сел в нашу лодку и оттолкнулся от берега. Тут рядом в тихой бухточке вчера Леня поставил сеть.

Я ломал сухие ветки для костра. Вдруг слышу крик:

— Помогите! Помогите!

Генка лежит, навалившись на борт лодки, и ревет не своим голосом:

— Помогите!

Мы сперва думали, он дурачится.

— Кит какой-то попался! — кричит Генка дрожащим голосом.— Железно! Чуть меня из лодки не вытащил!

Все вместе выволокли на берег огромного тайменя. Наварили полную кастрюлю уха, и полрыбины еще осталось.

Едем дальше.

Под вечер Генка вдруг завопил:

— Слева по борту — хижина!

Мы перетаскивались через пороги. Кутима совсем обмелела. Дальше плыть нельзя, и Федор Прохорович подыскивал уже место для нашей базы, где мы оставим лодки и весь лишний груз.

В зарослях пихтача виднелась провалившаяся крыша старого зимовья охотников. Над ней возвышалась на четырех столбах избушка, похожая на скворешню. Это лабаз, в котором охотники хранят продукты.

— Давайте здесь бросим якорь! — предложил Генка.

Он теперь хоть и не командует, но советы дает на каждом шагу.

Федор Прохорович осмотрел местность и сказал, что она вполне нам подходит. Возле зимовья оказалась маленькая бухточка — можно поставить лодки.

Наша водная дорога кончилась...

Остатки тайменя Леня повесил в лабазе вялить. Закон: есть у тебя лишние продукты — оставь товарищу, он о тебе тоже позаботится когда-нибудь.

Наш маршрут теперь будет такой: пройдем немного по берегу Кутимы и свернем чуть севернее, по ее притоку Безымянке.

Я никак не могу понять, почему на карте написано Безымянка, а в деревне нам сказали, что эта речка называется Веселая Вода. Выходит, есть у нее имя! Да еще такое поэтическое: «Веселая Вода!»

Это и в самом деле очень веселая речка. (Не речка, а ручей, можно сказать.) Так играет и ревет, что за десять километров слышать. Куда до нее Кутиме! Это — бурный горный поток.

Есть речки как речки: песочек на берегу, травка зеленеет. Пройтись по песочку — одно удовольствие! А к Веселой Воде не подберешься. Камень на камне! И густая чащоба.

Мы стараемся не удаляться от речки, она нам служит ориентиром. Но идти через заросли очень тяжело. То и дело пускаем в ход топоры.

Горячий сумрак леса. Духота. Пахнет прелью и хвоей. Елки будто в кипятке распарили — такой от них идет густой, острый запах. Даже голова кружится.

Кажется, что мы все утонули и барахтаемся в подводном царстве. Над головой сомкнули лапы огромные сосны. Под ногами трава, кустарник и мертвые деревья, рухнувшие тлеть и рассыпаться. Сучки и голые ветки зло цепляются за куртку и штаны, царапают руки, лицо. Чуть нагнешься — фотоаппарат колотит по коленкам, термос то и дело на живот съезжает.

— Джунгли! Вот где настоящие джунгли! — бормочет Васек и обливается потом. Рубашка у него мокрая, будто из воды вылез. Но вида не подает, сопит, отдувается, да еще меня подбадривает. Я, конечно, тоже вида не подаю. А Леня хвалится:

— Мне хоть бы что! Никогда не устаю, я какой-то двужильный.

Он тащит закопченную кастрюльку, в которой мы варим пищу. Она трется ему о брюки, и они, как у клоуна, стали уже двух цветов — серо-черные.

Сапоги у нас заблестели как новые. Часто под ногами чавкает вода. Болото. Травянистые кочки похожи на зеленые папахи. Квакают лягушки, шараясь от нас врассыпную. Одна выскочила у меня прямо из-под сапога и, волоча придавлен-

ную ногу, уставилась своими выпуклыми глазами: «Ослеп, мол, ты, что ли?!». «Извините, барышня!» — сказал я.

Сорока привязалась, как приبلудная собачонка. Трещит где-то в кустах и не отстает.

Между кочками тускло блестит вода, покрытая пенками болотной плесени. Ржавая и вонючая. А в ней, как в закипевшем котелке лапши, копошатся червячки, жучки, личинки и букашки. Кажется, вот-вот выберемся на сухое, но все топь и топь! Я нисколько не удивился бы, увидев здесь бабу-ягу.

ИЗ ТЕТРАДИ ВАСИЛИЯ СЕЛЕЗНЕВА

Я проклинаю тот день, когда Генка увлек меня этими колоколами. Откуда может быть здесь медь, если кругом болота. В гору идешь, круто поднимаешься и то — по болоту, сквозь бурелом.

Вот впереди меж кустов мелькнул какой-то просвет. Мы обрадовались: думали поляна, а это опять бурелом. Едва выбрались на сухое место, новое препятствие! Ветер прямо с корнем дерева вырвал, поломал, расшвырял в разные стороны. Лежат они, как живой забор, не обойти, не перелезть...

— Это лесной царь нам дорогу к своим сокровищам загораживает! — сказал я, когда мы присели отдохнуть.

— Устал? — спрашивает Федор Прохорович, пощипывая щетинистую бородавку.

— Не очень, чтобы очень! — стараюсь повеселее ответить я.

А у Генки губы дрожат от переутомления. Тощие — они всегда слабачки.

— Снимай рюкзак! — приказывает ему Федор Прохорович.

— Да что вы?! Я же в форме! Вот железно! — клянется Генка. — Чего это ради кто-то за меня вещи мои потащит? Я тогда себя уважать перестану! Не сниму! Железно!

Леня все-таки заставил его снять рюкзак:

— Гена, он же начальник экспедиции!

Пришлось Генке подчиниться. Он идет и бурчит:

— Ничего я не устал, это вам всем показалось. Васек вон какой вареный, а ему никто ничего не говорит.

Завал мы решили обогнуть. Свернули к речке. Она шумит где-то рядом, а не видать. Часа полтора еще лезли через все преграды. Наконец блеснула на солнце

вода. Пора бы уже привал делать, обед готовить, но к речке не подступишься. Берега у Безымянки будто ножом срезанные — обрыв метров на десять. Скалы. Сжатая скалами речка течет будто в каменном корыте.

Федор Прохорович заметил хорошую полянку, но она на другой стороне речки. Просто чудесное местечко, как на заказ: берег пологий и травка. Мы срубили высокую ель у самого берега. Но немного не рассчитали. Она упала не поперек реки, а наискосок, и ее «слизнула вода», как сказал Леня.

Выбрали другое дерево. На этот раз нам повезло. Над рекой повис зеленый, пушистый мост. Первым перебрался Костя-художник. За пояс у него была привязана веревка. Это для страховки. В случае чего, мы могли бы его вытащить из воды.

Костя закрепил веревку на том берегу и бросил нам конец. Все по очереди перебрались.

— Ну что, ребята, жизнь не пряник? — спросил Федор Прохорович, улыбаясь.

Это Леня так говорит, когда приходится туго.

— Не пряник! — согласился я.

— Ничего, привыкайте, если геологами решили стать.

Ночью я сказал Генке, чтобы приободрить его, подчеркнуть, что и мне нелегко:

— Попутали нас с тобой колокола. Ничего они не значат. Надо было не одним идти. Мало нас — вот и трудно.

А Генка ответил:

— Мы сами колокола! Да! Идем — будим тайгу — проснись, отдай народу свои богатства!

Чудак Генка! Самохин-Суматохин!

На следующий день мы немного заблудились! Хотели сократить путь, Безымянка извивается, как пружина, когда ее немного растянешь. Пошли напрямик и потеряли речку. А тут еще дождь начал накрапывать. Одно к одному!

И снова в болоте оказались...

— Сучья рубить! — скомандовал Федор Прохорович.

Мы натаскали веток, развернули на них палатку. Только успели в нее залезть — грянул ливень. Все за день так измучились, что никто не думал об ужине.

— Ужин не нужен, обед дорогой! — сказал Леня.

А дождь льет все сильнее. Палатку нашу будто из пожарного шланга поливают.

— Тропический хлещет!— заметил Генка с восторгом.— Люблю я всякие капризы погоды, кроме мороза.

А Федор Прохорович сидел угрюмый.

— Если через часок не перестанет, мы поплывем!— сказал он хмуро.

И мы действительно поплыли. Первым это почувствовал Генка.

— Ребята, бросай якорь, а то унесет в Безымянку!— воскликнул он бодрым голосом.— Железно!

Но всем было не до шуток. Вода прибывала и прибывала. Лежать в луже мало радости, мы сгребли ветки в кучу и устроили что-то вроде дивана, на котором просидели всю ночь, прижавшись друг к другу.

Ничего, когда сильно устанешь — и сидя спать можно!

5 июля.

Дождь не перестает. Моросит и моросит. Мы выбрались на увал, нашли упавшие деревья и развели костер. Что бы мы здесь без летчиков делали?!

— Не унывать!— подбадривает нас Федор Прохорович.— Чего наохлились? Трудновато приходится?

— Да дождь этот проклятый зарядил,— поеживается Генка от холода.

— Ты же говорил, что только мороза не любишь.

6 июля.

Мы у подножия гор. Погода наладилась. Тепло. Продукты убывают здорово, аппетит у всех что надо, но рюкзаки от этого не делаются легче. Вместо консервов, набиваем их образцами горных пород.

Летчики берут в ручьях пробы, мы лазим по скалам с геологическими молотками, фотографируем местность, отмечаем на карте, где какие камни нашли. Леня помогает нам и летчикам.

Сегодня, когда лезли на гору, он уронил крышку от кастрюли. Она, прыгая по камням, укатилась метров на триста вниз. А подъем был трудный. Чертыхаясь, Леня начал снимать рюкзак.

— Ладно, без нее обойдемся!— сказал Федор Прохорович.

— Без крышки кашу не сварить!— ответил Леня.

Генка пошел вместе с ним, хоть и устал здорово. Он молодец! Выносливый.

На горах лежит снег, будто рваное бе-

лое покрывало наброшено на вершины. Здесь только еще начинается весна. У маленьких карликовых березок из почек пробиваются нежные листочки, отряхивает снег стланник. Это кедрач, который к горам прижимается.

Вечером опять приходил к нашему лагерю медведь. Мы нашли его следы на замшелом пне. В Кутиме нам говорили, что бояться его не надо, сейчас он сытый и добрый, ходит за нами просто из любопытства.

ИЗ ТЕТРАДИ ГЕННАДИЯ САМОХИНА

Угрюмые громады гор не испугали отважных геологов. Они забрались на самые вершины и построили из камней тур, в котором оставили в консервной банке свои славные имена, написанные на листе картона. Высота над уровнем моря — 1600 метров! Чуть не два километра... Воздух такой прозрачный, что кажется даже звенит. Далеко-далеко видать, на все четыре стороны! Слева горные цепи, а справа — море тайги. Зеленые кудри ее поредели у подножия гор, и с высоты кажется, что кто-то спички рассыпал в лесу. Это густо лежат на земле стволы мергвых деревьев, у которых пооблетели сучья... Дикие, нехоженые края... Сколько богатств таят в своих недрах вот эти горы, ожидая человека... И он скоро придет сюда, построит здесь города, заводы, не будет гнить напрасно лес, в котором бродят пока одни только звери...

Да здравствуют отважные мужчины-колокола, которые будят тайгу!

ИЗ ТЕТРАДИ ВАСИЛИЯ СЕЛЕЗНЕВА

10 июля.

Четвертый день лазим по горам, обрвались все, поцарапались, но настроение хорошее, чувствуем себя колумбами, исследующими только что открытую страну. Я тоже ловлю себя на мысли, что немного рисуюсь. А про Генку и говорить нечего. В каких только позах я его не фотографировал!..

— Здесь еще не ступала нога человека!— сказал он мне однажды, когда мы собирались на поиски.— Железно, не ступала!

— Нет ступала!— слышался голос нашего повара Лени.

Он возвращался в лагерь с кастрюлькой воды от ручья.

— Откуда ты знаешь?— спросил Генка.

— А вот откуда!

Поставив кастрюлю в тень, Леня полез в карман. Я сразу понял, что он хочет нас чем-то ошеломить. На лице у него была лукавая усмешка.

— Это что, по-вашему?

Леня вынул ржавый кусок железа и швырнул его нам под ноги.

— Надо уметь искать!— выпятил он грудь.

Генка вертел в руках его находку. Это был обломок кирки-мотыги или молотка. Есть такие молотки с заостренным обушком.

— Где нашел?— спросил он и покраснел от возбуждения.

Леня махнул рукой в сторону ручья. Минут десять мы изучали этот ржавый обломок, на который в городе никто не обратил бы внимания. Кто его сюда принес? Когда? Может быть, охотник какой-нибудь забрел в горы? Но зачем ему горняцкий молоток?

— Это тех, которые колокола делали!— непоколебимо заявил Генка.— Железно! Мы идем по следам наших героических предков-умельцев!

И, произнеся эти слова, зачем-то попробовал находку на зуб.

Федор Прохорович и Костя-художник тоже сказали, что они разделяют Генкино мнение. Руду надо искать здесь!

Обшарили каждый квадратный метр в радиусе не меньше километра, ходили и дальше, тюкая по скалам молотками, но ничего похожего на медную руду не подалось. А уж ее-то мы бы узнали, все «поисковые признаки» еще зимой зазубрили от слова до слова.

Искали и какие-нибудь следы разработок. Но тщетно.

Неужели придется возвращаться домой ни с чем?!

Мы не можем тут на все лето остаться, нас дома потеряют. Нас отпустили на недельку порыбачить.

И летчики тоже ничего не нашли. Сколько тонн песку перемыли, и хоть бы одна золотинка блеснула! А отец Федора Прохоровича вот у этих самых гор самородки находил.

Нет! Что-то у нас не так. То ли знаний

мало, то ли организовали все неправильно?

Тоскливо!..

14 июля.

Ура, ура, ура!

Многие большие открытия делались случайно, и у нас тоже так получилось. Не начнись дождь— мы ушли бы ни с чем.

Раз десять на день мы проходили мимо скалы, похожей на гриб, и никто не обращал на нее внимания. Скала как скала! Сколько таких скал мы обтюкали молотками!

А сегодня Федор Прохорович спрятался под ней от дождя и заметил неестественные темные царапины на камнях. Будто кто-то ковырялся.

— Эй, колокола, сюда!— позвал он нас с Генкой.

Собралась вся наша экспедиция. Генка вытащил из кармана найденный Лени обломок обушка, с которым он не разлучался, и примерил к одной из царапин.

— Есть основания предполагать, уважаемые товарищи профессеры и академики,— начал было он, но Леня вырвал у него обломок и начал стучать по камням.

Блеснули яркие, золотистые крапинки.

— Руда!

Сомнений быть не могло. Да, это руда! Медная руда! Камни тяжелые, а в них, как гвозди, вбиты толстые жилы и куски меди.

Генка сорвал с плеча ружье и выпалил в воздух.

— Ура-а-а!— закричали мы во все горло.— Ура-а-а!

Прогремели еще три выстрела: Федор Прохорович, Костя и Леня тоже разрядили свои ружья в облака.

— Мы и золото найдем! Железно!— заверил всех сияющий Генка, постучав себя в грудь.

И, как ребенок, начал изображать набатный звон колокола:

— Бом! Бом! Бом! Бом!

26 сентября.

Прошло два месяца, как мы вернулись из похода. Образцы горных пород и все наши находки сразу же отправили в геологическое управление. Генка первые дни проходу почтальону не давал. Потом успокоился немного, но, как я после узнал, он писем десять отправил в Иркутск, умоляя поскорее провести исследование. А в

последнем письме даже обругал геологов бюрократами.

— Ответа долго не было.

— Потерпите,— успокаивал нас Федор Прохорович.

С летчиками мы часто видимся. Они работают рядом, в аэропорту.

Как-то неожиданно ударил первый мороз. Я заблаговременно собрался ремонтировать крепления лыж и точить коньки. Вдруг дверь распахнулась — в комнату влетел красный, словно распаренный, Генка и замахал газетой.

— Читал?! — закричал он еще с порога. — Про нас!

В иркутской молодежной газете была напечатана статья геолога Баранова — подводились итоги геологического похода. Про нас там было три строчки. Но какие строчки!

«...Киренцы обнаружили в районе Северо-Байкальского нагорья залежи ценной руды».

Мы обнялись и закричали «ура». Потом орали бом-бом-бом-бом! И, наверное бы, охрипли от крика, если бы не прибежали перепуганные соседи.

В будущем году в таежный поход собираются у нас все старшеклассники.

Иркутск — Киренск — Мама.

ИЗ «МАМСКОГО ГОРНЯКА» —

газета поселка Мама, от 27 сентября 1959 г.

Геологический поход — явление новое в нашей общественной жизни. Это результат стремления трудящихся быстрее выполнить задачи, поставленные перед нами партией и правительством. Мне особенно приятно видеть, как широко развернулось движение геолопоходчиков в одном из самых молодых районов Иркутской области — Мамско-Чуйском, изучением недр которого я занимаюсь уже почти тридцать лет. Много помощников теперь будет у меня...

П. Н. Сучков, кандидат геолого-минералогических наук.

Из двенадцати слюдяных жил пять нашли жители поселка Витимского. Это в прошлом году. А в нынешнем из 14—7! На 89 жиле, 90 и 134 уже ведутся эксплуатационные работы. Они открыты старателями. Геолпоход — дело очень хорошее и нужное...

М. Н. Марков, старатель рудника Витимского.

В нашу комиссию уже поступило 30 заявок. 16 заявок проверено. 8 из них являются промышленными жилами с запасами более 3200 тонн слюды мусковит...

В. А. Мишин, председатель Витимской комиссии геолпохода.

Особенность нынешнего похода заключается в его массовости. У нас было подано 58 заявок. Из 39 проверенных —

13 жил передано в категорию промышленных объектов...

С. К. Ферисанов, председатель Горно-Чуйской комиссии.

Было много маловеров. Жизнь разбила их сомнения.

Следует особо отметить в участии похода учеников школ района. Эту работу надо продолжать и впредь, привлекая как можно больше учеников старших классов к изучению родного края...

А. В. Сафонов, секретарь РК ВЛКСМ.

Для изучения горных пород, полезных ископаемых и минералов в нашей школе создан кружок «Юного геолога». Мы познакомились с породами и минералами северного месторождения, с их поисковыми признаками, также познакомились со свойствами этих минералов и их применением.

После теоретических занятий мы провели экскурсию для сбора коллекции. Затем в школьной мастерской была сделана витрина, куда мы поместили собранные образцы пород и минералов.

Много полезных советов мы получили от геологов и маркшейдеров нашего рудника. Геолог тов. Чиркова познакомила нас с радиометрическими методами разведки. Мы научились пользоваться картой, масштабом и горным компасом...

Члены кружка:
Г. Ботов, М. Маркеев, Л. Кудряков.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ФЕЛИКС

Несколько лет свердловчанин, учитель Л. Незнанский, изучает жизнь легендарного революционера Феликса Эдмундовича Дзержинского. Он отыскал много интересных архивных документов, познакомился с женой Феликса Эдмундовича Софьей Сигизмундовной и мечтает написать книгу.

Впереди еще много работы, но уже сейчас по собранному материалу вырисовывается удивительно бесстрашный, огромной силы воли и выдержки человек — железный Феликс, как звали его друзья-революционеры.

Вот два рассказа Л. Незнанского из жизни Ф. Э. Дзержинского в дореволюционное время.

Рисунки к ним сделал художник Ю. Ефимов.

ЗАПАДНЯ

Подпольщики не успели даже уничтожить материалы, подготовленные к партийной конференции. На явочную квартиру в Лодзи, где должна была состояться конференция, неожиданно ворвались жандармы.

Холеный офицер оглядел комнату. В ней было трое. Их арестовали, но никуда не повели. Жандармы хотели выловить как можно больше подпольщиков и решили ждать, кто придет еще. Особенно их интересовал Дзержинский.

Офицер уселся поудобнее на стул и взял со стола газету. Посмотрел, поморщился и, ехидно улыбаясь, начал громко читать:

— «Красное Знамя» — орган социал-демократической партии Польши и Литвы... — и злорадно посмотрел на арестованных.

За дверью скрипнула старая лестница: кто-то идет. Арестованные насторожились, офицер — тоже. Дверь открылась, и жандармы ввели еще одного. Подпольщики облегченно вздохнули: арестован не Дзержинский, а маленький парнишка Язык: он дежурил невдалеке от дома-явки.

Язык не смотрел на товарищей, виновато опустив голову. Он не успел никого предупредить о жандармах, его схватили.

Всех арестованных загнали в угол комнаты и надели кандалы. Подпольщики стояли хмуро, настороженно прислушиваясь. Жандармы устроили ловушку, и положение казалось безвыходным. Вот-вот должен прийти Дзержинский.

А Дзержинский в это время спокойно шел на явочную квартиру. Он посмотрел на часы: оставалось несколько минут. И на этот раз он точен и не заставит товарищей ждать.

Он шел легким, широким шагом, с наслаждением дыша бодрящим весенним воздухом.

Вот и дом, где должна быть конференция. Дзержинский замедлил шаг, осмотрелся: на улице никого. Быстро вошел в подъезд. Оглядел лестницу — пусто. На носках, беззвучно поднялся по ступенькам на третий этаж. Остановился перед дверью. Прислушался. В квартире тихо. Удовлетворенно подумал, что товарищи научились работать бесшумно, деловито.

Дзержинский взялся за дверную ручку, слегка потянул дверь на себя. Приоткрыв ее, он в узкую щель сразу увидел синий мундир с серебряными погонами.

«Жандармы?! Явка провалилась! Западня! Назад!» — мгновенно догадывается Дзержинский.

И тут же он заметил с внутренней стороны двери ключ в замочной скважине. Молниеносно выхватил его, захлопнул дверь, прижал, повернул вставленным ключом один, второй раз...

В запертой квартире заорали жандармы. Их крики потонули в радостных возгласах и озорном, мальчишеском свисте Языка.

На улице Дзержинский пристально огляделся: «Какое самомнение у жандармов! Даже шпика не оставили. Не придется сбивать «хвост». Первое дело — надо предупредить о засаде».

И Дзержинский поспешил к товарищам.

Он с удовольствием потискал пальцами ключ в кармане.

НА ВОКЗАЛЕ

В зимний вечер 1905 года Дзержинский с товарищем Станиславом повез большой чемодан с партийной литературой из Варшавы в Лодзь. Оба для конспирации были богато и нарядно одеты.

На вокзал пришли не совсем удачно: посадка еще не началась. Оставаться в зале для ожидания небезопасно: сыщики преследовали Дзержинского. Поэтому решили пересидеть в ресторане, где было многолюдно.

Швейцар, увидев высокого, в богатой шубе господина с тонким и белым лицом, низко покло-

нился, распахнул дверь. Дзержинский окинул взглядом переполненный зал. Было шумно. Он небрежно сбросил шубу швейцару на руки. Не оглядываясь, пошел к столику, на котором стояла табличка: «Занято». Подбежал официант: он сразу заметил изысканно одетого, изящного молодого человека. С поклоном официант снял со стола табличку, обмахнул салфеткой стул.

— Еще место, — приказал Дзержинский, слегка кивнув на подходившего Станислава, за которым швейцар притащил тяжелый чемодан. Станислав был одет в блестящую, вышитую золотом венгерку, отороченную мехом. Официант подставил нарядному клиенту стул. Дзержинский посмотрел на соседний столик, уставленный вином, изобразил на лице глубокое отвращение, вздохнул и заказал:

— Соку лимонного.

Официант понимающе поклонился.

По залу прохаживался жандарм с неподвижным, окаменевшим лицом, а глаза беспокойные, всех прощупывающие. Жандарм вздыхал: ему не везло. В зале сидели люди солидные, благонамеренные, богатые люди. За долгую службу он научился отличать революционеров, но проку было мало: изредка попадались только новички. Вот Дзержинского встретить бы!..

Официант принес два бокала. Дзержинский тонкой рукой поднял лимонный сок, пригубил и кивнул официанту, что тот свободен.

Жандарм задержал официанта, спросил потихоньку:

— Что это ты им принес?

— Сок от лимона, господин жандарм, они — с перепоя-с...

Жандарм подошел к Дзержинскому ближе и, всматриваясь, силился что-то вспомнить. Дзержинский спокойно, небольшими глотками пил из бокала и, казалось, ничего не замечал. Жандарм отвернулся и пошел по залу в глубоком раздумье.

Станислав обрадованно подмигнул. Но Дзержинский все так же продолжал пить сок, только чуть нахмурился: радоваться, дескать, рано.

Жандарм резко повернулся назад. У него явно замерло сердце и, наверное, даже пробежали по спине мурашки. Он, видимо, вспомнил! Фотография этого человека была у станционных жандармов в дежурке.

Арестовать? А вдруг — ошибся?.. Тогда неприятностей не оберешься... Посмотреть бы еще раз на фотографию. Но пойти в дежурку, почитать приметы Дзержинского — этот человек может исчезнуть. Что же делать? Как поступить? С кем посоветоваться?

Жандарм колебался.

Дзержинский, исподтишка наблюдав-

ший за ним, почувствовал, что тот вот-вот придет к определенному решению. Подняться и уйти — значит еще более усилить его подозрение. Что же предпринять? И как можно скорей!

Дзержинский прикоснулся коленкой к чемодану. С ним уйти нелегко: очень тяжело. И он должен быть доставлен в Лодзь во что бы то ни стало, бросать нельзя. Литературу печатали тайно, с большим риском для жизни типографских рабочих.

У Станислава от волнения слегка порозовели щеки, он с надеждой смотрел на Дзержинского. Дзержинский взглядом успокоил: ничего, дружище, все будет в порядке.

В это время звякнул станционный колокол, началась посадка. Жандарм направился к Дзержинскому, расстегивая кобуру нагана. Ресторан быстро пустел. Дзержинский — весь в напряжении. Сейчас жандарм скажет: «Господа, вы арестованы!»

И резким, повелительным голосом Дзержинский позвал:

— Жандарм! Сюда! Живо!

Жандарм испуганно вздрогнул, как будто перед ним было начальство, и привычно подскочил на окрик:

— Что изволите?

— Подай шубы! Живо!

Жандарм поспешно принес шубу Дзержинского и пальто Станислава. Дзержинский пренебрежительно пнул тяжелый чемодан:

— Отнесите в вагон!

Быстрым шагом, не оглядываясь, Дзержинский направился на перрон. Станислав — за ним. А следом, согнувшись под тяжестью чемодана, потащился жандарм.

Он внес чемодан в двухместное купе и вернулся на перрон, довольный. «Не иначе как князь или граф», — наверное, решил он и со вздохом облегчения затолкал в карман суконных шаровар деньги, полученные на чай.

Поезд тронулся. Станислав посмеивался, а Дзержинский разводил руками и сокрушался:

— Эх, на извозчика в Лодзи ни гроша не осталось, отдал жандарму последние. Я ведь на носильщика не рассчитывал.

Стихи Николая Мережникова

Рисунки Л. Полстоваловой.

Николаю Мережникову 31 год, и биография у него обыкновенная: школа, педагогическое училище, работа в школе, учеба в университете.

Самыми яркими годами своей жизни он считает время, когда работал пионервожатым в лагерях. Николай очень любил путешествовать с ребятами. Исходил почти весь Урал.

Много путешествует Николай Мережников и сейчас. Был на целине, работал на Качканаре. Лето — и он снова в разъездах. Это беспокойное стремление видеть новые места, новых людей — характерная черта поэта.

Публикуем новые стихи Николая Мережникова.

Река без названия

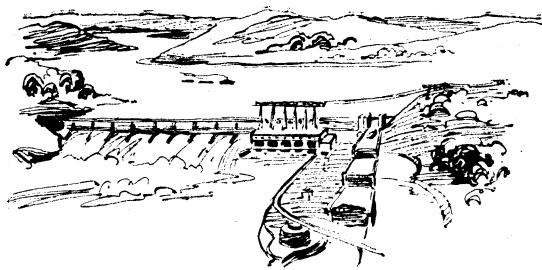
Речушка бежит, позванивая,
Стремится вперед с азартом.
Но нет у нее названия,
И нет той реки на карте.
И никто еще бивуаком
Обживать берега не начал.
Не смеялся никто, не плакал
От удачи иль неудачи.
И ни шурфов, ни разработки —
Ничего!
Но люблю осень
Золотые огни самородков
Гуси в крепких зобах уносят.
Да, побряхтывая блаженно,
Рыжеватые, цвета меди,
О скалистую грудь молибдена
Согревают бока медведи.

И бежит она вдаль, позванивая,
Рвется вперед с азартом...
Приходи, дай реке название,
Нанеси и ее на карту.

Обычай

Молод этот седой обычай,
Меж горячих сердец — связной...
Дров охапку, коробку спичек
Ты в избушке нашел лесной.
Зверолов ли сидел угрюмый,
Коротал ли геолог ночь —
О тебе, незнакомом, думал
И хоть чем-то хотел помочь.
И когда ты, вконец усталый,
На ночь глядя, пришел сюда,
Пламя резвое заплясало,
Закипела в котле вода.
И назавтра, мохнатым комом
Пробиваясь сквозь снежный шквал,
Ты о ком-то о незнакомом
С благодарностью вспоминал.

Разговор о красоте

— Ну, что бунтуешь ты, красавица? —
Реке строитель говорил. —
Ведь что красы твоей касается,
Я все до капли сохранил.

Все те же дали неоглядные
Дымком затянуты слегка.
А станешь ты куда наряднее,
Куда красивее, река!

Смотри, каким бетонным поясом
Тебя мы скоро одарим.
И ширь — какая ширь откроется
Волнам взлохмаченным твоим!

И ожерелья вспыхнут яркие —
Монисто света и тепла.
Скажи, какому бы подарку ты
Подарок этот предпочла?

Так что ж бунтуешь ты, красавица,
Утихомирься поскорей.
И красоты твоей прибавится,
Коль будешь жить ты для людей.

Романтик

Гантели, синий томик Блока
Студент в колхоз с собой привез.
Над ним смеялись:
— Ну, морока!
— И насмешил ты нас до слез.

Нет, ты страды еще не нюхал.
Тут без гантелей невтерпеж.
Так наломаешься, что ухом
К подушке сразу прирастешь.

Что ж, так и было. Поначалу,
Давно ли живший налегке,
После работы засыпал он
С куском надкушенным в руке.

А утром — вновь хватал гантели
И в степь — просторнейший спортзал,
Рывок — и мускулы запели,
И небо хлынуло в глаза.

И на копнитель с Блоком снова
По звонкой лесенке взлетал.
И била вновь в лицо полова,
Как будто теплый дождь хлестал.
Комбайн над полем плыл, как птица.
Висела пыль столбом над ним.
А парень пел:
«Покой нам... снится».
И то не часто: мало спим.
И скептики дивились:
— Гляньте!
В дугу такого не согнешь.

Хороший парень, хоть романтик.
...А, может, тем он и хорош.

Березка

Загорела березка за лето.
И стоит она, солнцем залита.

На березке листочки таяли
И просились вослед за стаями.

За гусями за припоздалыми
Парусами летели алыми.

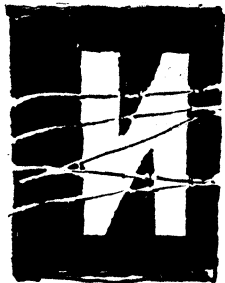
А березка сама — не странница,
И в чужие края не тянется.

Приключенческая повесть нескольких авторов

Заканчивает повесть молодая писательница Камилла Никитенко, корреспондент центральной пионерской зорьки, автор, известный нашему читателю по рассказам, опубликованным в «Уральском следопыте». Камилла Никитенко также автор книги «Талбага — долина дружбы», горячо любимая юными читателями. Сейчас в Свердловском книжном издательстве готовится к печати новый сборник ее рассказов.

Нежеланная встреча

так, не волею судеб, а нескольких плохо сговорившихся меж собой авторов, лесные чащобы Северного Урала приютили наших главных, второстепенных и эпизодических героев. Оно и естественно: дело идет к развязке, конец близок, и действующие лица должны-таки собраться вместе, хотя бы для того, чтобы можно было, наконец, завершить наше несколько затянувшееся повествование.

Кто же находится сейчас на берегах реки Журавлик, где геолог Соколов обнаружил платину? Прежде всего — геологическая партия. Она осталась вместо улетевшего Соколова, чтобы доразведать и нанести на карту месторождение. Кроме группы геологов, на Журавлик помчался водитель прославленного самосвала Андрей со своей подругой Ан-

кой. Разумеется, они свободно могли бы жить в своем Белополье и не ездить в тайгу. Но сможет ли настоящий человек с беспокойным характером усидеть на месте, если в беду попал товарищ?

И, наконец, Павел. Он идет вместе с Федей Чижовым и Сергеем на выручку одного, двоих, а может быть, и нескольких товарищей, и Павлу еще очень далеко до его главной цели — Гнезда Ветров. В лесной чаще скрылся и таинственный старик. Он, правда, размышляет о том, что жизнь его прожита дурно, но от такой мрачной личности того и жди неприятностей. Впрочем, вернемся к Павлу и его спутникам.

Итак, рассветало. Светло-серая полоска на востоке все росла, увеличивалась, постепенно наливалась сначала розовым, потом вишневым и, наконец, золотым цветом. Свежий утренний ветер дохнул с гор. Он был еще так слаб, что не раскачивал даже лапчатых ветвей на

древних деревьях, но ребят расшевелил. Они бодрее зашагали по берегу Слива. Приветствуя солнце, Павел запел. Песня — верная подруга походной жизни.

В день и час мы любой друг за друга горой
Встанем, коль буря придет,
На труд и на бой дорогой прямой
Вместе пойдем вперед!
Ведь друг — это я, это ты, это мы...

Сережке песня понравилась, и он спросил, откуда она, кто сочинил?

— Это следопытская, — ответил Павел. — Написала ее Шура Петелина — организатор нашего отряда. Это не песня, а отрывок из поэмы, Шура пишет следопытскую поэму. Кусочек оттуда мы песней сделали.

— Только про следопытов поэма? — поинтересовался любопытный Чижик.

— Про беспокойных людей, — уточнил Павел, — про путешественников, геологов, землепроходцев, первооткрывателей.

— Между прочим, здорово умеет она эти самые рифмы закручивать! — восхищенно вздохнул Чижик. — А меня вот они подводят...

— Наверно, скромничаешь? Ну-ка, прочти что-нибудь свое, — попросил Павел.

Стихи Чижик прочитал громко, естественным и слегка завывающим голосом, подражая настоящим поэтам.

— Неплохие, — осторожно, чтобы не обидеть Чижика, заметил Павел. — Только есть не совсем понятные строчки:

Но убийцы ни в чем не повинных зверей!
Берегитесь! Мы вас поймаем!
Вас осудит закон справедливых людей,
Вас суровый закон покарает...

— Неужели не понятно? — изумился Чижик. — Смысл ясен и понятен, как стекло.

— Матовое, может быть, — привычно подковырнул его Сергей.

— Так это же о браконьерах! О тех, кто охотится, когда законом запрещено. Мы почему называемся юнгами таежных широт? Ходим, смотрим, чтобы лес не горел, не рубили его зря, чтобы зверей не обижали и птицу тоже...

Чижик говорил горячо и сбивчиво, и постепенно Павел понял, какой смысл в затее Чижика и Сергея. Они доброволь-

Но, по собственному почину, взялись оберегать природу от недобрых людей. Хранили таежные чащи, которые любили, хранили птичьи гнезда, обитателей которых знали по голосам, берегли жизнь зверей, следы которых могли читать, как истые следопыты.

— Хорошо придумано! — похвалил Павел. — Значит, и для вас в следопытской поэме найдется место. Только надо шире подходить к делу. Поставить работу так, чтобы в каждой школе был следопытский пост. Ведь ЮТШ — следопыты. Это мне теперь ясно. Но к чему придумывать какое-то особое название?

Тайга стала редеть. Запахло дымком жилья. Река сделала крутой поворот. За выступом показалась небольшая деревенька. Над одним из крайних домиков виднелась огромная голубая вывеска: «Сельпо». Это было кстати: у путешественников кончился хлеб. Чижик с Сережей, подсчитав наличные деньги, отправились в магазин за хлебом. Павел, устроившись на пригорке, решил переобуться. Если бы он не задержался на эти несколько минут, то, вероятно, в этой самой деревушке и кончились бы его приключения. Но, как говорится в теории случайностей, случайное (переобувание) повлекло за собою необходимое (осложнение и, следовательно, продолжение повести).

Павел на пригорке перематывал портянки. Сергей с Чижиком в магазине изучали цены на хлебо-булочные изделия. На них косо поглядывала дородная продавщица в зеленой газовой косынке. А из-за ящиков с пустыми бутылками, составленных в темном углу сельпо, за ребятами наблюдал тот самый старик, коварство которого принесло Павлу Ливанову так много огорчений. Сей «лесник» только что был в сельсовете и слышал разговор председателя с районом: милиция разыскивает какого-то парня, укравшего у матери тысячу рублей. Старик смекнул: не того ли, что бредил в избушке? Правда, в вещевом мешке у парня не было денег, да и мало походил Павел Ливанов на вора со своим прямым и решительным взглядом широко открытых глаз. Но ведь внешность бывает обманчива!..

Старик считал, что очень счастливый случай привел его в сельпо и столкнул с ребятами, которые давно не давали ему житья. Из-за них, только из-за них нель-

зя полакомиться молодой лосятичкой. И старик решил расквитаться с ними:

— А-а! Попались, соколики! — ехидно пропел он, выбираясь из-за ящиков со стеклотарой. — Шныряете по тайге, хищениями занимаетесь. Управа на вас найдется!

Павел снова один

завидным для его возраста проворством старик подбежал к дверям и задвинул засов.

— Чего зенки пляшишь?! — прикрикнул на остолбеневшую продавщицу. — Беги за представителями нашей родной власти. Поймал злодеев!.. Запоете у меня! — накинулся он на ребят. — Честных охотников славите, а сами...

Но парни не испугались, Сергей, оттолкнув его от дверей, загородил спиной массивный рычаг засова.

— Теперь ты от нас не уйдешь! — твердо проговорил Сергей и скомандовал: — Чижик! Не пропускай его под прилавок, чтобы задним ходом не улизнул. И пиши скорей записку Павлу. Пусть он отправляется дальше пока без нас. Поташим этого старого браконьера в сельсовет. Разбираться будем. Напиши, чтобы шел он по старому азимуту.

— Не выйдет! — выкрикнул старик. — И вашего Пашку сейчас задержат!

— Помолчи! — Сергей сделал шаг

Еще студентом Свердловского художественного училища пришел Владимир Жабский в редакцию «Уральского следопыта». Вначале мы ему поручали иллюстрирование мелких материалов. Постепенно Владимир все больше и больше входил в жизнь журнала и сейчас, пожалуй, нет такого номера, в котором бы он не участвовал.

В январе этого года редакция решила испробовать молодого художника на большой работе — проиллюстрирование повести «Гнездо Ветров». С охотой взялся Владимир Жабский за дело и справился с ним неплохо, а когда оформление повести было закончено, по своей инициативе сделал к ней серию цветных иллюстраций.

Сейчас Владимир Жабский уехал в Ленинград для продолжения своего образования в институте имени Репина.

навстречу старику.— Ты лучше расскажи, кто у Павла «ижевку» стащил? Карту кто взял? А ведь знал ты, что человек идет человека из беды выручать!..

У сельпо собирался народ. Всем хотелось взглянуть на грабителей. Пришли дружинники. Шестеро парней вывели всех задержанных — Чижика, Сергея и старика. Шагая под усиленным конвоем, Чижик все-таки сумел передать какому-то мальчишке с всклокоченными вихрами записку и хлеб: «Дуй к реке! Отдашь это высокому парню в сапогах, с ружьем. Следопыты мы. Понял?»

В записке, спешно нацарапанной на обрывке газеты, Павел прочел:

«Павлик! Нас задержал (это было зачеркнуто). Мы схватили старика, которого ты назвал «лесником». С ним у нас особые счеты. Провозимся, наверно, долго. Иди пока один. Курс прежний. Мы догоним. Торопись, может, помощь нужна срочно. Не зря ракетами сигналили. Между прочим, старик говорит, будто бы тебя ищет милиция. Следопыты».

И Павел снова остался в лесу один. Он долго сидел, не в силах двигаться от противоречивых чувств. Хотелось вернуться в деревню и помочь ребятам, — ведь старик мог оговорить их в сельсовете. Но, с другой стороны, записка Чижика — записка человека, уверенного в себе и своей силе: ребята всерьез решили рассчитаться со своим врагом.

Наконец, Павел решительно поднялся и зашагал вперед.

Продираясь сквозь лесную чащобу, внимательно глядя под ноги, чтобы не провалиться ненароком в волчью или медвежью яму, он думал о том, как трудно сложилось путешествие и каким непростым и нелегким оно оказалось. Сколько людей встретилось на пути. Какими разными были эти люди. Раньше он знал только своих одноклассников, любил дядю, мечтал о суровой мужской дружбе. А какие люди, и каким должен стать он сам — об этом не думал. Правда, если бы его спросили, он ответил бы очень быстро: хочу стать смелым, разумеется, честным, справедливым, настойчивым... Но сейчас по настоящему, не на словах, а на деле Павел понял, как сложно складывается характер человека. Он пережил и горькое одиночество в начале пути, пережил смерть собаки на своих руках, пережил страх,

когда пробирался по лесу в кромешной тьме. И не раз он убеждал себя, что дойдет, обязательно дойдет, что должен идти во что бы то ни стало.

Часа через три, преодолев глубокую болотную низину, Павел поднялся на взгорье. Раздвигая грудью заросли можжевельника, Павел углубился в лесные дебри. Лес безмолвствовал. Чтоб не нарушать его торжественной тишины, он старался шагать как можно осторожнее. Но звучный шорох в стороне заставил обернуться и быстро снять с плеча ружье.

На прогалине, в нескольких десятках метров от Павла, волосатый, похожий одновременно на собаку и на кошку зверь, втиснувшись меж стволами близко растущих сосенок, что-то выдавливал из себя. Неподалеку из зеленой травы, испятнанной яркими соцветиями кипрея — иван-чая — виднелись могучие рога лося.

«Росомаха, — узнал Павел, рассматривая зверя. — Самый-самый жадный, прожорливый хищник». И сразу же припомнился рассказ дяди Василия о том, что, наевшись, росомаха иногда выдавливает из себя часть съеденного, чтобы можно было доест оставшуюся добычу.

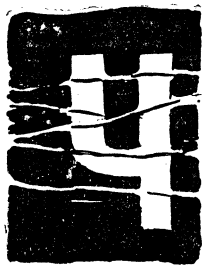
Павел сдержал в себе порывистое желание поскорее скрыться. Росомаха не почуяла бы его присутствия: ветерок дул от нее. Но безжизненно торчащие в траве рога таежного великана — лося — пробудили в Павле ненависть к ненасытному хищнику. Зарядив «ижевку» «жаканом», он поймал на мушку шерстистый бок росомахи.

Выстрел. Видно было, как обвисла в развилке стволов росомаха. Павел бросился к добыче, но в ответ на его выстрел где-то совсем рядом откликнулся пистолет. Выстрел, другой, третий. Забыв о своей победе над хищником, Павел побежал на звуки и закричал:

— Эге-ге-ге-гей!

— Эге-гей! Сюда! Сюда! — донеслось из дальних кустарников и, как показалось Павлу, из-под земли. Он кинулся в заросли, раздвинул ветки и увидел старый заброшенный шурф с обвалившимися краями. Через него была перекинута лесина, переломленная по середине. Из темной глубины доносился негромкий плеск и отчаянная хрипая ругань какого-то свирепого мужчины.

Старшина милиции

Через несколько минут они сидели у костра на дне балочки и с аппетитом уничтожали ржаной хлеб из деревенского селпо с голубой вывеской. Павел весело поглядывал на спасенного им старшину милиции в темно-синем комбинезоне, в каких обычно ходят работники автоинспекции. У пояса висела кобура с револьвером. Но весь вид у старшины был добродушный и радостный.

Еще бы!

— На мое счастье повстречал ты росомаху,— задумчиво говорил старшина, бросая благодарственные взгляды на Павла. Потом кивнул на растянувшегося в траве мертвого зверя.— Теперь придешь домой, а память-то останется. Как посмотришь на шкуру, так и вспомнишь старшину Евстигнеева, воссоздашь в памяти, как его из шурфа добывал.

— А я ведь думал, что не вас, а своего дядю здесь обнаружу,— чисто-сердечно признался Павел.

— А получилось, видишь, иначе,— кивнул старшина.— У меня тоже не по инструкции вышло.

И он рассказал, как шел ночью в то самое село, где задержались Сергей с Чижиком. Заметив сигнальные ракеты, старшина свернул на Журавлик и утром из-за неосторожности провалился в шурф.

— Часов сорок просидел я в этой ямине, будь она трижды три...— чертыхнулся старшина.— Все бы ничего, да вода одолевать стала. До костей меня прополоскало. И вода-то, понимаешь ли, целебная. Вкус у нее боржомма. Хлебнул я ее и сказал себе: «Наконец-то, старшина Евстигнеев, послал тебя лейтенант Яковлев на целебные воды. Два года обещал и сдержал слово. Лечись, пока не вытащили...»

— Боржом?! — переспросил Павел.— Так ведь это же здорово!

— Для кого — как? — не понял стар-

шина.— Бутылку, другую выпить туда-сюда! А полоскаться двое суток...

— Да я не про лечение?... Там, где такая вода появляется,— выпалил радостно Павел,— редкие земли есть, металлы очень ценные.

— Золото, что ли?

— Нет! Дороже — цезий, германий, тантал... Мне дядя рассказывал! Он говорил, что одно такое месторождение на Урале открыл до войны геолог Иванченко. До сих пор в горном институте стоит опробованный образец породы. Ценная руда, в ней даже тантал есть.

— Не слыхал, чтобы в наших местах...

— В том-то и дело, что геолог Иванченко не нанес на карту свой шурф. Свалил там лесину и ушел. А тут война... Погиб он под Сталинградом! Другие геологи ходили, искали шурф Иванченко, но не обнаружили его нигде. Так его и по сей день называют геологи — «танталовый шурф Иванченко».

И тут вдруг старшина пристально посмотрел на Павла.

— Дядя у тебя геолог! А фамилия его как?

— Геолог! Я же вам говорил. Фамилия его Соколов,— удивленно поднял брови Павел.

— А он тебе дядя по отцу или по матери?

— По матери...

— Значит, у тебя фамилия другая? Какая?

— Ливанов... Павел.

— Дэ-э-э... Вот история! — задумчиво протянул старшина, изучая Павла взглядом.— Не очень это ловко, друг. Спас ты меня, а ведь у меня в кармане предписание лежит задержать тебя. Размокло, правда, оно, предписание-то, но все равно. Из областного центра звонили, что сбежал от матери Павел Ливанов. Даны и приметы твои: рост высокий, шестнадцать лет, глаза голубые, нос веснушчатый, на подбородке ямочка. Похож! Все, как в зеркале. Так что уж связывать я тебя не стану, а подчиняться мне изволь. Ружье на всякий случай я к себе передвину.

— Точно — от матери ушел,— ответил Павел.— Но за что же меня арестовывать?

— Так ведь в заявочке сказано,— вздохнул Евстигнеев.— Гражданка Ли-

ванова не досчиталась в своей кассе тысячи рублей.

— Это неправда! — возмутился Павел. — Я у нее не только денег не брал, но и не возьму никогда. А все ее покупки ей обратно отдал! Все до одной. Я докажу!

— Вот и хорошо! — обрадовался старшина. — В отделении разберемся! Ты уж не сопротивляйся.

— Ладно! — Павел решительно махнул рукой. — Пойдем! Только отдохнем еще хоть немного. Устал я очень.

Об этой неприятности больше не говорили. Старшина Евстигнеев снова рассказывал, как заливала его вода. А мысли Павла почему-то вернулись к Иванченку.

Заброшенный шурф... Воды... Метра — большая срубленная лесина! Та самая, которая обломилась, когда на нее наступил старшина... Неужели это...

— Павел!.. Павлик!.. Павлуха!.. Следопыт!!! — воскликнул кто-то сзади густым радостным басом, от которого Павлу сразу стало веселее.

Водитель прославленного самосвала Андрей вышел на край балочки из ельника, сбежал по склону вниз и стиснул Павла в своих медвежьих объятиях. Следом за ним спустились парни-геологи и улыбающаяся Анка. Они пришли на выстрелы и пришли очень вовремя.

— Павлуха! Дошел, дошел-таки! — повторял Андрей.

— А мы-то так беспокоились за тебя, — говорила Анка.

— Вот он, значит, какой, племянник товарища Соколова! — смеялись геологи. — Нашелся, наконец!

— Граждане, граждане, — миролюбиво проговорил старшина, — попрошу отойти от задержанного... Убедительно прошу...

— От какого задержанного? — изумился Андрей.

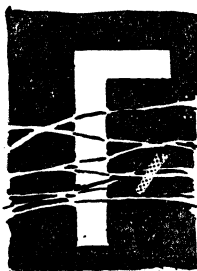
— Я считаю пока арестованным, — уныло пояснил Павел. — Это недоразумение просто. Но... Не я нашелся, а другое нашлось!..

— Ты уже знаешь, что дядя твой платину нашел? — с удивлением спросил Андрей.

— Нет! Шурф нашелся! Танталовый шурф геолога Иванченка!

— Тантал — очень редкий элемент, — добавил старшина.

Шура опоздала

еолог Соколов с утра пришел в контору и сразу же был огорошен бурной речью своей секретарши Галечки.

— Ой, Василий Петрович! Что было, что было! Между прочим, поздравляю вас, вы платину нашли! Но знаете,

не успели вы ее найти, как все уже узнали, что вы ее обязательно найдете.

— Простите, Галечка, как люди могли узнать о том, чего еще не случилось?

— Знаете, Василий Петрович, я даже сама все время этому удивлялась. Думаю: вот человек прославился еще до того, как сделал открытие! А ведь подумать только, до чего люди бывают проникательные... Ведь это же надо! Сначала вам из милиции звонили. Ну, мы ответили, что вы в данное время находитесь в управлении. А потом встут уже дня два какая-то девушка дожидается. Очень, должна вам сказать, симпатичная девушка, волосы такие волнистые...

— Галечка, нельзя ли короче? — Соколов уже начинал раздражаться.

— Можно! — заспешила Галечка. — Глаза у этой девушки!.. Ну... Прямо как у парня. Очень настойчивая такая!.. Только неразговорчивая... Да я ее сейчас к вам приведу.

И Галечка привела в комнатку, заменившую геологу Соколову кабинет, невысокую стройную, коротко стриженную девушку в туристских брюках. Это была Шура Петелина.

Она с достоинством поздоровалась, посмотрела внимательно на Соколова и серьезно спросила:

— Говорят, вы прилетели с Журавлика... Где вы оставили Павла?

— Разве здесь его нет? — в свою очередь тревожно спросил Соколов.

Шура медленно покачала головой, в ее глазах показались слезы. Василий Петрович от неожиданности растерялся... Кто эта девушка, откуда она знает Павлика и почему плачет? Он подошел к ней и заговорил, успокаивая:

— Ну-ну, ну, зачем так расстраиваться? Ну, перестаньте же, ничего с Павлухой не случилось! Ну? Ну, вытрите слезы, вот так... А теперь давайте расскажем друг другу все по порядку. Прежде всего, как вас зовут?

— Петелина Александра.

— Вот и славно. Садитесь-ка, Шу-рочка.

И Шура рассказала все по порядку, начиная с того, как Павел поссорился с матерью.

— А потом,— продолжала она,— наши следопыты узнали, что Анастасия Петровна подала заявление, в котором утверждала, будто бы Павел украл ее деньги. Тогда мы пригласили ее в отряд и потребовали чистосердечно рассказать обо всем, и оказалось... Зря ее обвинял Павлик. Не занималась она хищением государственного имущества... Она не хотела говорить Павлику,— Шура смущенно покраснела.— Она дружит с фронтowym товарищем отца Павла, он ей постоянно помогает. Да и вы ей не раз деньги присылали...

— Майор Самойлов?— вывел ее из смущения Соколов.— Знаю. Он заботится о семье Ливанова. Но об этом прошу пока не говорить Павлу. Не надо! У Самойлова— своя семья, все это очень сложно... Так вот чем объясняется звонок из Свердловска! — поспешил он перевести разговор на другую тему.

— Я решила предупредить Павла. Мы условились писать друг другу до востребования в разные города. Я сообщила ему, чтобы он сразу в Свердловск направлялся, к вам, когда вы там были, и сама поехала туда. Но опоздала. Узнала на почтамте, что письмо и перевод получены. Добралась до Соликамска. Спрашиваю: «Есть письма такому-то до востребования?» А мне отвечают: «Вы кто такая любопытная? Мы секреты не открываем никому». Я тогда и заявила: «Хочу знать о судьбе своего товарища» и показала свой следопытский значок. Тогда мне сказали, что лежит целых три моих письма. Значит, Павла в Соликамске не было! Я прямо к вам. Спасать его надо. Он один там где-то на Журавлике. И потом еще эта... милиция. Ему ведь очень трудно будет доказать!.. Арестуют его!..

Соколов расстроился и все-таки не мог не улыбнуться горячности девушки.

— Только давайте условимся так: вы сейчас позавтракаете, а я займусь срочными делами, а после обеда вы ко мне придете в четыре часа и мы полетим на Журавлик. Или лучше вот что. Пойдемте вместе завтракать.

Шура ни на шаг не отходила от геолога Соколова весь день, решив во что бы то ни стало ускорить вылет на Журавлик. Но к Василию Петровичу то и дело подходили люди, и всем надо было что-то срочно решить, подписать, посоветовать. Потом оказалось— из-за неисправности машины вылет отложен. Вечером, оставшись вдвоем в опустевшей конторе, Василий Петрович и Шура разговорились о делах следопытов. Шура прочитала геологу первую главу из поэмы о беспокойных людях, следопытах-исследователях.

Не успела она дочитать отрывок до конца, как в окно кто-то громко постучал и прокричал:

— Товарищ Соколов, срочная телеграмма!

Василий Петрович торопливо вскрыл телеграфный бланк и протянул его Шуре.

— Читайте! Читайте!

«Горячо поздравляем тчк Будущий геолог ваш племянник Павел Ливанов обнаружил шурф Иванченко тчк Вылетайте».

— Ничего не понимаю!— растерянно прошептала Шура.— Ничегошеньки!..

— Радуйтесь! Павел сделал самое замечательное открытие, о котором давно мечтали уральские геологи. На рассвете вылетаем!

Встреча наших героев произошла далеко от Гнезда Ветров. Может быть, туда Павел и Шура отправятся следующим летом? Время покажет.

Гнездо Ветров! В жизни настоящего человека, человека, который не успокаивается на достигнутом, а ищет, открывает новое, исследует, есть светлая вершина! Она подобна Гнезду Ветров— Тельпос-Изу, что сияющим пиком встает над отрогами древних Уральских гор и зовет беспокойных людей на большой путь в самостоятельной жизни.

Гнездо Ветров!

Может быть, вершину этого горного узла видели наши герои, когда, покидая Журавлик, они поднялись на Ключкамень.

Гнездо Ветров!

Путеводный маяк дерзких и смелых их звучат всегда гордо. Тельпос-Из — людей. У каждого свой он, этот маяк. Гнездо Ветров — жизнь и мечта сильно- Но свет этих маяков одинаков, имена го человека!

ОТ РЕДАКЦИИ.

Заканчивая печатать эту нашу первую коллективную повесть, редакция обсудила получившийся результат.

Большое спасибо всем, кто потрудился для «Уральского следопыта»!

Очень жаль, что не все, уговорившиеся писать «Гнездо Ветров», приняли участие в работе. Отдел прозы журнала еще не сумел стать хорошим организатором коллективного творчества, некоторые главы написаны наспех, перед самой сдачей в набор. Следует сказать и то, что молодые литераторы, еще не обладая достаточным писательским опытом, имеют и небольшие жизненные впечатления: многие страницы повести написаны не по знанию окружающей действительности и больших дел наших юношей и девушек, а по книжным образцам.

Но редакция считает этот первый опыт весьма благотворным. Участники создания коллективной повести в работе над нею многому научились. «Уральский следопыт» и впредь будет творческой лабораторией для нашей литературной молодежи.

Сейчас другая группа авторов начала подобный коллективный труд для нашего журнала — новую приключенческую повесть «Электронный идеал», которую мы скоро будем печатать.

Учитывая недостатки, просчеты и ошибки первой работы, надеемся, что следующая повесть будет намного ярче, интересней, увлекательней и значительней по содержанию. Просим наших дорогих читателей высказаться по «Гнезду Ветров», чтобы нам учесть все критические замечания.

Дорогой Следопыт! Недавно я ехал из Свердловска в Москву по Казанской железной дороге, и меня заинтересовали названия разъездов и станций. Почему, например, разъезд назван Чеботаевским, а станция — Юдино? В вагоне на мои вопросы, к сожалению, никто не смог ответить.

Федор Андреевич Чеботаев

Во время гражданской войны, летом 1918 года, на Урал пришли белые. Части молодой Красной Армии с боями отходили на запад. В эти тяжелые дни, в июле, в Бисерти вспыхнуло кулацкое восстание.

Тридцать конников окружило сарай, где удалось укрыться председателю бисертского партийного комитета, члену местного Совета Федору Андреевичу Чеботаеву, бывшему прокатчику Ижевского завода.

— Выходи! — кричали ему кулаки. — Все равно живьем возьмем!

Чеботаев отстреливался из нагана. Последний патрон он оставил для себя. Но и над окровавленным телом враги учинили жестокую расправу.

В начале августа отряд Красной Армии разгромил мятежников и занял Бисерть.

Н. ЛАТЫШЕВ, Свердловск.

Чеботаева с воинскими почестями похоронили в центре поселка. Когда же в Бисерть вступили белогвардейцы, они со зла уничтожили могилу.

После окончания гражданской войны, по просьбе трудящихся Бисерти, разъезду Крутихинский было дано новое имя — Чеботаевский, в честь коммуниста Федора Андреевича Чеботаева.

А. Инглин.

Ян Андреевич Юдин

В августе 1918 года Казань была взята белыми. Над Советской Республикой нависла смертельная опасность. «...Сейчас вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа... на фронте Казань—Урал—Самара. Все зависит от этого...» — писал В. И. Ленин.

Под Казань срочно прибывали отряды только что созданной Красной Армии. Одним из таких отрядов, состоявшим в основном из латыш-

Следопыт отвечает

ских стрелков, командовал Ян Андреевич Юдин, бывший учитель, участник революции 1905 года в Латвии.

Часть его отряда в июле сражалась с белыми под Екатеринбургом. Четыреста двадцать шесть латышских стрелков шесть часов отбивали атаки целой дивизии белых.

Юдин был назначен командующим Левобережной группой советских войск под Казанью. 12 августа красные в ожесточенном бою отбросили беляков за реку Казанку. Чтобы закрепить успех, Юдин решил ввести резервы. Закончив писать приказ, он крикнул ординарца, и в это время за его спиной разорвался артиллерийский снаряд...

В специальном решении Совета Народных Комиссаров того времени говорилось:

«Пал смертью храбрых руководителем одной из групп революционных полков товарищ Юдин. Отмечая его героическую смерть, Совет Народных Комиссаров постановляет: железнодорожную станцию Красная Горка, у которой погиб героический товарищ, переименовать в Юдино».

Под этим документом стоит подпись Ленина.

Е. Слесарев.

ПЕТР ЛУКЬЯНОВ

ОТКУДА ОНИ

Идут из леса женщины, несут полные корзины крепких белых груздей. Слышу, как встречные удивляются:

— Батюшки! Где это вы подорешин-то столько насобирали?

Записал на случай: груздь белый — подорешина.

И еще так весной повторилось. Встретил в лесу ребяташек, бегут без передышки.

— Куда, ребята, торопитесь?

— Кленовику пить. Сок у березы пошел.

Снова записал: березовый сок — кленовика. Позже, когда таких местных слов накопилось порядочно и нужно было привести их в порядок, оказалось, что «подорешины» и «кленовика» свое происхождение замалчивают. Откуда они появились в поселке Михайловском (Нижне-Сергинский район) и почему появились? Пошел я по их следу. Начал со старожилов.

— Об орешнике сроду не слыхивали и в глаза не видывали. Клена в дедовских лесах не было. Теперь только местами в посадках есть. Откуда «подорешины» и «кленовика» взялись — не припомним.

Стал перечитывать литературу, спрашивать специалистов. Оказалось, что орешник (называют его еще и лещиной) — обычный подлесок широколиственных, чаще дубовых лесов. А такие леса (липа, дуб, вяз, клен) небольшими массивами и островами есть только в крайних юго-западных районах Свердловской области. И орешника в них так немного, что знают о нем только ботаники и лесоводы. Есть орешник недалеко от Красноуфимска (Сарана) да, как большая редкость, — в лесопарке Нижне-Исетска. Почти то же и с кленом.

Попутно узнал, что лучшее масло для живописи дает орешник, что ранней весной он снабжает пчел витаминной пылью, что это ценный почвозащитный кустарник; в его листьях много извести. Опадая на землю, они улучшают состав почвы. Близкие родственники орешника — береза и ольха. Оказалось еще, что наш всем известный груздь вовсе не «груздь настоящий», а «подгруздок белый», — одним словом, самозванец с чужим паспортом.

А как же с «подорешинами» и с «кленовикой»? Разведка продолжается. Но уже сейчас можно сказать, что эти названия пришли из центральной России в те далекие времена, когда уральские заводчики целыми деревнями покупали крестьян — рабочую силу. В Михайловске были крепостные из воронежских и рязанских деревень. А там орешника и клена много. Только «подорешинной» называют «груздь настоящий», а «кленовикой» — сладкий сок настоящего клена.

Николай Хрущев.

Петр Григорьевич Лукьянов был сапером. Говорят, сапер ошибается только один раз в жизни. Сержант Лукьянов не ошибся ни разу. Но видал и пережил он много в годы Великой Отечественной войны.

Осенью 1942 года в дождливую холодную ночь группа советских саперов должна была расчистить для разведчиков проходы во вражеских минных полях.

Резкие порывы ветра бьют в лицо, с кустарников густо осыпаются дождевые капли, под ногами хлюпают вода. Промокшие до нитки воины медленно продвигаются к вражеской позиции. Минноискатели шарят по земле. Вдруг — стоп! — звук в наушниках Петра Лукьянова усиливается. Мина! Лукьянов вонзает в землю щуп. Он упирается во что-то твердое. Осторожно Лукьянов разгребает землю. Пальцы чувствуют ребристую крышку мины, головки взрывателя. Лукьянов отвергивает крышку и осторожно извлекает взрыватель — маленький холодный стержень, который может взорваться даже при неосторожном прикосновении.

Такая у сапера работа на войне.

Одну за другой саперы обезвреживают мины. К утру проход в минном поле противника готов, и следующей ночью по проходу саперы проводят автоматчиков. Бесшумно появляются они перед вражеской траншеей. Ошеломив противника автоматным огнем, они захватили одного в плен и поползли обратно.

Опомнившись, немцы открыли стрельбу. Разведчики прижались к земле, продолжая ползти. Одного ранило. Лукьянов взвалил товарища на спину и пополз дальше. Кровь раненого, собственный пот заливают Лукьянову лицо, липкая грязь нарастает пудовыми комьями. Напрягая последние силы, Лукьянов метр за метром ползет под огнем противника.

1945 год. На подступах к Кенигсбергу Петр Лукьянов снова в составе группы разграждения обезвреживает мины. Руки привычно, точнейшими движениями разрывают маскировочный слой, одну за другой извлекают мины. Вот проходы для пехоты готовы, и грянула артиллерийская канонада. Начинается наступление советских войск. Вместе с пехотинцами в атаку идут саперы. В короткой схватке очищена первая траншея врага, а за ней — вторая, третья.

Противник во что бы то ни стало хочет вернуть потерянный рубеж и бросает в контратаку танки. На большой скорости приближаются они к траншеям, стреляя из орудий и пулеметов. Убит командир саперного взвода. Командование принимает на себя Петр Лукьянов. Слышится его четкая команда:

— Приготовить гранаты!

С грохотом обрушивается вражеский танк на наших воинов. Сыплется земля, траншея наполняется дымом и гарью. На миг становится темно. Танк прошел. Но Лукьянов поднимается во весь рост и, изловчившись, бросает связку гранат ему вслед. Раздается глухой взрыв, танк замер, из него повалил черный дым.

Ползут еще вражеские танки, еще и еще. Саперы стоят насмерть. Раненый сержант Лукьянов воодушевляет товарищей. Еще один танк вспыхивает, подбитый им. Контратака противника захлебнулась.

Лукьянов выздоровел быстро. Наступление наших войск продолжается. Кенигсберг. Противник заминировал все улицы и дома. Без усталости расчищают наши саперы путь пехоте и танкам.

На одном из участков наша пехота залегла от сильного огня вражеского дзота. Сержант Лукьянов получил задание уничтожить его. По открытой местности, где врагом простреливался каждый метр, ночью саперы с взрывчаткой на спинах ползли к дзоту. Битые камни, стекло впивались в колени, локти и руки. Но саперы подползли к дзоту и стали подкапывать под ним углубление.

Работать приходилось лежа, не поднимая головы от земли. Плотный грунт с трудом поддавался саперным лопаткам.

Лукьянов с товарищами упрямо копал и копал. Наконец, углубление готово. Положен тол. Лукьянов поджигает шнур. Оглушительный взрыв — и дзот взлетает в воздух. Путь пехоте открыт.

Саперное отделение, которым командовал сержант Лукьянов, обезвредило в Кенигсберге сотни мин, уничтожило три огневых точки и самоходное орудие противника.

Так — подвиг за подвигом — прожиты фронтовые годы. Тремя орденами «Славы» награжден отважный сапер.

Сейчас Петр Григорьевич Лукьянов снова живет на Урале. Теперь у него очень мирная профессия — машинист паровоза. В Туринском районе Свердловской области его имя знают многие. Трудящиеся поселка Фабричного избрали его депутатом областного Совета.

Подполковник В. Поколов.

РАССКАЗЫ ПАРТИЗАНИ

Оборотная сторона профессии пожарника

— А-а! Вот уж верно говорится: гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда встретится. — С этими словами мужчина в соломенной шляпе преградил нам дорогу. — Не узнаете старика?

Из-под шляпы блеснули глаза, врезавшиеся нам когда-то в память своей особенной лукавой искоркой.

— Антон Захарович?!

— Он самый. Тот, которого вы прославили. Знакомые надо мной подтрунивают: «Попались тебе, Захарыч, попутчики! Полный протокол дорожной беседы опубликовали¹. Вошел ты в историю не как-нибудь, а через журнал...» Да что мы стоим-то? В гости ко мне пожалуйте!..

¹ «Уральский следопыт» № 4, 1959 г.

Небольшая комната Антона Захаровича убрана по-холостяцки. На спинке стула — парадный мундир хозяина с двумя орденами и медалями. Одна — за участие в партизанской борьбе в Отечественную войну.

— Вы разве и в партизанах были?

— Был, — улыбается старик.

— Интересно!.. Ну, а какова ваша военная специальность: разведчик, артиллерист, сапер?..

— Пожарник! — с достоинством отвечает Антон Захарович.

И снова мы слушали его рассказы.

Все дело в печке

— Наш партизанский отряд специального назначения был небольшим, — начал Антон Захарович. — Но подобрались все люди бывалые. Не только дымом прокопчены, но и огнем прихвачены. А главное — много знали и умели.

Переходили мы из одного села в другое и жили, можно сказать, не попартизански, а на глазах у всех: и у оккупантов, и у их прихлебателей. Профессия у каждого была самая мирная, оружия никакого с собой не носили. А врага разили, да еще как!

Помню историю с одним предателем. Долго мы думали-гадали, как бы к нему подобраться поближе, да все не было

Уральцы за границей

«Мужество воспитывается изо дня в день в упорном сопротивлении трудностям. И девиз нашей молодежи — это мужество, это упорство, это настойчивость, это преодоление всех препятствий».

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ.

В МИРНЫЕ ДНИ

На территории далекой от Урала Германской Демократической Республики, в воинской части, свято берегущей и развивающей традиции фронтовиков-уральцев, наши солдаты и сержанты совершают немало подвигов. О них можно услышать множество рассказов среди немецкого населения.

Под овечьими боевой славой знаменами воинской части, ставшей в памяти уральцев легендарной, служат сейчас настоящие гарни. Об этом говорят заметки, взятые из многотиражки танкистов.

НА ПОМОЩЬ ДРУГУ

Шли тактические занятия. Солдатам Артемову и Чижову было поручено ночью проложить телефонный кабель по дну довольно широкой реки и установить связь с подразделением, действующим на другом берегу.

Заранее разведали брод. В темноте Артемов с двумя телефонными аппаратами в руках перешел реку. Следом с катушкой за плечами двигался Чижов.

Недалеко от берега Чижов зацепился за что-то ногой и резко покачнулся. Быстрым течением его сбilo с ног и отнесло на глубокое место. Тяжелая катушка потянула парня ко дну.

предлога. Наконец, нам подсказали: в доме этого предателя надо переложить печь, старая его не устраивала, и он искал печников.

Ну, явились мы к нему при полном инструменте. И сразу за дело. Печь сделали на диво. Прежде чем сдать горяину, протопили ее сухими сучьями. Горит, греет, не дымит, придраться не к чему. Хозяин был доволен.

Мы тоже были довольны. Через несколько дней, вечером, дом предателя вместе с хозяином взлетел на воздух.

А как сделали? Весь секрет в самой печке. Ее мы сложили по всем правилам, но с небольшим исключением. В дымоходе оставили незаметную щель, выходящую в комнату. При нас в печи горели сухие сучья. А сам-то хозяин топил соломой, как на Украине положено.

Если топить соломой или углем, топливо сгорает неполностью, и в дымоходе окись углерода накапливается. Ну, а в трещину тягой засасывается воздух внутри дымохода. Воздух и несгоревшая окись углерода — это взрывчатая смесь. Солома горит — искр много. Они летят в трубу. От искры взрывчатая смесь и взорвалась.

Не раздумывая ни минуты, Артемов бросился на помощь товарищу. Он вплавь добрался до Чижова, помог ему освободиться от катушки и выбраться на берег. Затем разделся, нырнул и вытащил катушку с кабелем.

Телефонную связь они установили в срок.

ПРОВЕРЯЯ СВЯЗЬ...

Комсомолец младший сержант Паньков был вместе с товарищами на занятиях в поле. Проверяя линию связи, он проходил мимо сельскохозяйственного кооператива и над высоким сараем увидел клубы дыма и пламя.

Несколько немецких крестьян безуспешно старались

загасить пожар: в сарае были сельскохозяйственные машины, корма для скота. Огонь разрастался. Надо было действовать смело и быстро.

Паньков сбросил сапоги и взобрался по водосточной трубе на крышу. Рискую сорваться, он быстро начал разбрасывать деревянную обшивку, покрытую сухим камышом, который горел, как порох.

Панькова обжигало, но он сделал самое главное, чтобы сбить пламя. Он помог немецким крестьянам спасти кооперативное добро стоимостью в несколько десятков тысяч марок.

ВАШ ПАРОЛЬ?

Во время полевых занятий комсомолец младший сержант

Взрыв голыми руками

В селе, соседнем с тем, где взорвали предателя, была большая дизельная мельница. Оккупанты за нее держались, как слепой за палку: солдатню надо кормить. А нам больно было видеть, как враги русскую муку вывозят. Ясное дело, решили мы мельницу взорвать. Да только взрывчатку туда не пронесешь.

Пристроили на мельницу работать одного нашего партизана — Гришу. Он должен был испортить провод, с помощью которого заземлены металлические части мельницы. Разорвать его и только.

Гриша задание выполнил и, сославшись на нездоровье, с мельницы уволился. Через несколько дней после его ухода установилась сухая, жаркая погода. Жара «подлила масла в огонь». Мельница взорвалась.

Как? А вот как. Мучная пыль, когда в воздухе ее много, очень опасна. Появился откуда-нибудь искра, особенно электрическая, — и взрыв готов.

И на дизельной мельнице электрические искры образуются на приводных ремнях. Натянутый ремень при трении

Федоров дежурил на радиостанции. Он передал уже не одну закодированную радиogramму и включился на прием.

И тут Федоров услышал, как его вызвала совершенно незнакомая радиостанция. Радиист насторожился. Вызов продолжался. Федоров спросил: «Ваш пароль?». Молчание. Опять вызов. Федоров повторил вопрос. И снова молчание.

Федоров прекратил работу радиостанции и доложил о случившемся командиру, чтобы переменить волну.

И правильно сделал. Этот случай в эфире говорит о том, что враг пытается действовать. Для разведки он старается войти в радиосвязь, подслушать разговоры, узнать пароль, код.

о металлический шкив может дать очень высокое напряжение. При этом ремень заряжается положительным электричеством, а металлический шкив получает отрицательный заряд. Чтобы этот так называемый статический заряд не давал взрывоопасной электрической искры, его обычно заземляют. Незаметно перерезать провод заземления было делом не таким уж трудным. И Гриша с ним справился.

Дождик-диверсант

Однажды для ремонта кинозала оккупантам понадобилась известь. Склад ее находился, как полагается, на далеком пустыре, который соединялся с городом дорогой. Склад охранялся здорово, там были и горючие материалы: бензин, керосин. Чтобы поехать доставить известь, нам удалось подсунуть одного из наших партизан. С ним немцы отправили на всякий случай и для догляда своего человека.

При въезде на территорию склада охрана тщательно обыскала того и другого: нет ли спичек.

Склад — длинный, низкий односкатный сарай — был покрыт сверху толем. Под крышей навалена негашеная известь, а сразу за стенкой сарая — бочки с маслами, цистерны с бензином.

Прежде чем грузить в короб известь, наш партизан выбросил из него охапку сухой соломы — из-под себя подстилку на повозке. Негашеная известь на складе лежала и в виде комков, и в порошке. Партизан начал грузить порошковую и, бойко орудуя совковой лопатой с длинным череном, нарочно поднял вокруг себя огромное облако известковой пыли. Охранники и соглядатай вынуждены были отвернуться.

Махая лопатой, партизан «нечаянно» задел толевую крышу над головой, да так, что она в нескольких местах прохудилась. Никто этого не заметил, и вскоре повозка с известью выехала восвояси.

А ночью, во время дождя с ветром, склад вспыхнул. Кто его поджег? Дождик. Дождевая вода, просочившись через дыры в крыше сарая, полилась на известь. В результате выделилось тепло, и оно нагрело солому до воспламенения.

П. Коверда, П. Чубенко.

О юности старших братьев

ДОКУМЕНТ НА ПАМЯТЬ

Как-то мы сидели с наладчиком обувной фабрики Дмитрием Коршуновым у него дома, рассматривали фотографии. Это были обычные снимки: он — школьник, он и его жена — ученики ремесленного учи-

лица, затем — они оба вместе, затем — дочка в пленках.

Среди фотографий оказался потерянный листок из офицерской полевой книжки.

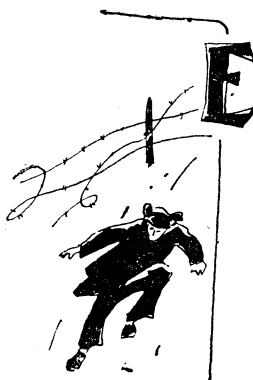
— Что это? — спросил я.

— Да так... Вроде справки о ранении, — сказал Дмитрий смущенно. Память об Отечественной войне.

Я удивился. Дмитрий очень молод. Как он мог быть участником Отечественной войны?

Он застеснялся и даже не хотел показывать, что написано на листке из полевой книжки. Наконец, удалось уговорить его, и он рассказал историю документа.

БЫЛА НЕ БЫЛА

Если бы шла игра в «сыщики - разбойники», Митя обязательно крикнул бы:

— Эх, была не была!

Но игрой и не пахло. Вначале Митя слышал позади себя тяжелый топот сапог, а у самого обрывистого берега — резкое, чужое «хальт!»

Страх гнал Митю. В темноте он прыг-

ДРУЗЬЯ-ПРИЯТЕЛИ

нул под откос вниз к реке и, сидя, покатился, как с катушки, когда нет санок. Липкий снег волною сползал за ним. Внутри будто все оборвалось. Полы пальтишка птичьими крыльями взмахнули и задралась на плечи. Митя больно ударился о каменистую осыпь.

Высоченный обрыв, подмытый весенними разливами, козырьком нависал над прибрежным галечником. Прежде Митя бегал сюда со своим дружкой Борькой купаться. Под обрывом они скрывались от дождя.

А сейчас, преодолевая боль, Митя побежал вдоль воды к кустам, где была спрятана лодка. С силой столкнувшись с берега, впрыгнул в нее и схватил весло.

С обрыва ударила автоматная очередь. Митя налег на весла, не в силах сесть, как следует: острые камешки, продрав штаны, попали в кожу. Грести было тяжело. Вода погустела от мелких льдинок и снега, лодка продвигалась, как в манной каше.

Еще очередь. Еще. Несколько пуль цокнуло по борту лодки, а одна обожгла Мите плечо. Но он на это не обратил внимания. Боль от падения с кручи была куда сильнее.

Темная ночь быстро скрыла его от преследователей. Автоматы продолжали стучать на берегу, но пули ложились далеко от лодочки Мити. Он греб изо всех сил. Пот щипал глаза. От снега ли, по которому он прокатился с кручи, от крови ли, скамья была мокрой. Но Митя продолжал грести.

Неожиданно лодка ткнулась в песок. Выбило весла из рук, и Митя повалился на спину...

Очнувшись он в избе. Открыл глаза. Горел слабый свет. Митя увидел знакомые обои: мелкие цветочки, ни ромашка, ни василек — такие бывают только на обоях. Митя удивился: «Почему я дома? Ведь я же хотел...» Он пожегся и уткнулся носом в подушку. Болел прикушенный язык, ныло плечо и нестерпимым жаром горело то место, на которое он приземлился, прыгая с крутого берега на вражеской стороне реки.

«Товарищ командир... Я хотел... Лучше хотел, быстрее. Ведь вы же с тем капитаном говорили — надо разведать. Вот я и пошел... Не получилось. По всем огородам прошел, до клуба добрался, а тут они...» — начал бредить Митя, снова теряя сознание.

Низинке, деревне, где жил Митя, фашисты пробыли всего два месяца. Но и за это время они успели показать, что такое «гитлеровский порядок». Из колхоза угнали весь скот, вывезли инвентарь, разграбили дома колхозников, расстреляли трех стариков.

Митина деревня в двух километрах от неширокой реки.

Митя и его закадычный друг Колька летом переплывали ее. Правда, с отдыхом на спине. Хотя Колька в этом никогда не признавался: «Подумаешь, отдыхать еще. Саженками — в один мах».

Вообще Колька любил хвастнуть. Но врал он в меру, по мелочам, завирался редко, поэтому Митя верил ему и иногда даже завидовал. Нашел же вот Колька однажды черепок от доисторической посуды.

— Знаешь, Мить, — сказал он. — Обещали из музея деньги за него прислать и грамоту. Хочешь — тебе и себе удочки бамбуковые куплю?

Потом как-то на рыбалке Митя напомнил об удочках. Колька и глазом не моргнул:

— Знаешь, я все деньги матери отдал. Вот уж рада-то была! Костюм, говорит, тебе суконовый куплю.

Вечером, правда, когда вернулись с рыбной ловли, мокрые и уставшие, мать оттаскала Кольку за вихры, приговаривая:

— Опять штаны ухлюстал... Отец ни дня, ни ночи покоя не знает, а ты и не думаешь, как все достается. Научись вначале хоть копейку заработать.

Колька после выволочки подмигнул Мите и сказал:

— Мать-то у нас экономная... Пожалуй, и новый костюм не даст надеть.

От коренастого и толстоватого Кольки Митя резко отличался. Митя худой и длиннорукий, почти на голову выше товарища. Волосы жесткие, растрепанные.

дочно: Митя и в пятом классе стригся наголо, а Колька причесывался «под польку».

В Низинку Митя приехал из Свердловска с матерью после смерти отца — слесаря на металлургическом заводе. Жить стали у тетки. Митя учился, а мать вступила в колхоз и вместе со своей сестрой работала на скотном дворе.

Деревенские ребята первое время начали было дразнить Митю «городским». Но Митя гордился этим. Ну и отстали.

Одного только товарищи не могли простить Мите:

— Ни один дурень Кольке не верит, а ты веришь. Врет ведь все.

Митя простодушно улыбался:

— Чего ему врать-то? Совсем не к чему.

КАК ТОЛЬКО ВРАГ ОТСТУПИЛ

Митя с Колькой встретились сразу, как только фашисты отступили от Низинки за реку, на правый, более крутой берег — выгодный рубеж для обороны.

Наши еще только входили в деревню, а Митя прибежал к приятелю. Колька сидел на печи и что-то переключал в коробке.

— Лезь сюда. Гляди, — таинственно зашептал он, показывая

горсть блестящих латунных пуговиц.

— Так я у тебя их давно видел, — сказал Митя.

— Давно? Скажет, тоже! Я их вчера у обер-лейтенанта от штанов пообрезал. У того, который у нас на постое был. Повесил он штаны у печки, а я с них — чик!

Митя возразил:

— Да это же для шинели пуговицы.

— Вот именно, — подхватил Колька, — он их к штанам пришил. Для крепости. Чтобы не спадывали, когда драпать будет. А я их — чик! Вот смеху было... Как наши стрельбу начали, он вскочил, напялил их, а застегнуть нечем. Подхватил рукой — да по огородам. Чисто заяц...

Митя верил и не верил. У них в избе на постое не было фашистов. Заходили

двое — кур искали, потом напиться велели принести. Мать послала за квасом. Митя, пока нес ковш с квасом, несколько раз плюнул в него. Фашисты пили и кричали от удовольствия. Только и всего.

— Пойдем к нам, — сказал Митя, — у нас наши бойцы остановились и командиры.

Колькины глаза загорелись, и он спросил шепотом:

— Вот у них в разведчики попроситься! Возьмут, а?

Митя задумался. Высокий, с простуженным голосом сердитый майор с двумя офицерами пришел к ним в избу, поздоровался, извинился перед теткой: «Прошу прощения, мамаша. Выбирать нам некогда. Ваша хата первая попалась, сюда и зашли». И на парня не обратил никакого внимания.

— Нет, Колька, командир очень сердитый, — сказал Митя.

МИТИНО РЕШЕНИЕ

Вечером Митя, растопив печку, сидел в углу на корточках и чистил картошку. Матери и тетки не было: они, как только пришли наши войска, со всеми колхозницами отправились в лес за припрятанным там кое-каким колхозным имуществом.

Сердитый майор пил из кружки чай и, казалось, продолжал с другими офицерами тот разговор, что начал, придя утром в избу.

— Ждать, когда подтянутся другие, бессмысленно. Но и на рожон лезть нечего... Нарвемся на крепкую оборону — сметут деревушку...

Офицеры соглашались с ним:

— Нужна разведка. Если противник продолжает отход и оставил только заслон, собьем. Если закрепился, придется ждать главные силы.

— Авиаразведка днем доносила, что отходят. Но ведь черт знает, сколько их на берегу?.. Проверка нужна. А на расвете двинем. Понтонеры подошли?

— Здесь уже, в деревне.

— Передайте, пусть изучат реку. Не

широкая, а все может быть. Да и шуга идет...

Почистив картошку, Митя долго лежал на полатах один, думал, думал и придумал.

На той стороне реки, в деревне Выселки, живет другая Митина тетка. Что если пойти будто к ней, все высмотреть — и назад. Можно очень быстро обернуться. Лодка есть... Спросить разве? Нет, майор сердитый не отпустит. Да еще обругает, чего доброго.

Митя вынул чугунок из печи, надел пальто и вышел. Вечерняя темень уже окутала деревню. С дороги, идущей к лесу, послышались женские голоса. «Мать с теткой возвращаются», — подумал Митя и быстро, огородами, пригибаясь и прячась, побежал к реке.

Там он отыскал лодку и бесшумно поплыл к вражескому берегу, где стояла грозная тишина.

ДОКУМЕНТ НА ПАМЯТЬ

И вот около Мити стоят заплаканные мать и тетка. Майор тяжелой рукой гладит голову парня, поправляет повязку на плече.

— Товарищ командир, — с трудом говорил очнувшийся Митя. — Две пушки на огородах у бабки Мелентьихи, да две около старой риги... На выгоне... какие-то трубы... по несколько штук вместе... ну... вроде ба-

рабан нагана... А в деревне — ничего... Два грузовика, да солдаты ходят.

Майор наклонился над ним:

— Как же ты на берег высадился? Где? Там же оборона...

— У Синих Топей. Болото там... Но пройти можно...

В избу вошел капитан и доложил майору:

— Разведчики сидят на берегу. Ждут, когда можно будет переправиться. Мальчишка переполошил противника. Стрельба, ракеты непрерывно висят.

— Ладно. Решение уже принято. Разведчиков поберегите.

Майор пригласил Митину тетку и капитана к керосиновой лампе на столе.

— Вы местная жительница? — обратился он к тетке. — Деревню Выселки хорошо знаете?

— Сестра у меня там.

— Что за бабка Мелентьиха и где ее огороды? На карте не сможете показать? Тетка застеснялась:

— Какая уж там карта... Изба Ефросиньи Мелентьевны рядом с церковью.

Капитан пометил у себя на карте.

— Хорошо. А рига колхозная где?

— Рига есть на карте, товарищ майор, — сказал капитан.

— Так их же две. Да?

— Вторую перед самой войной поставили, — объяснила тетка.

— Это уже точнее. Спасибо, гражданинка... Будем, капитан, готовить людей. Высаживаться начнем там же, где высаживался мальчик — у Синих Топей...

Измученный Митя опять уснул и не слышал, как перед рассветом загудела артиллерийская канонада.

Проснулся Митя, когда в избу вернулись возбужденный майор.

Он снял с руки часы и надел их на почти безжизненную руку Мити. Затем вынул из планшетки полевую книжку:

— Звать тебя как?

— Коршунов Дмитрий Алексеевич.

Майор написал, вырвал и подал листок:

— Это тебе. Ну, прощай. Спасибо и вам, женщины.

Майор ушел. Вскоре прибежал Колька.

— Ну-ка, прочти, — сказала ему Митина тетка, подавая документ.

Колька, запинаясь, прочитал:

«Житель деревни Низинки Дмитрий Алексеевич Коршунов в трудных условиях пробрался в тыл врага и доставил советскому командованию ценные разведанные. В результате полк успешно форсировал водную преграду, занял деревню Выселки и обеспечил переправу главным силам. За геройский поступок награждаю пионера Дмитрия Коршунова часами. Командир 30-го гвардейского полка гвардии майор В. Сазонов».

— Знаешь что? — сказал после этого Колька. — Про пуговицы и фашистские штаны я тебе все наврал.

Часы Дмитрий носит до сих пор: хорошие попались.

А. ТРОФИМОВ.

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

ДВУМ СМЕРТЯМ НЕ БЫВАТЬ

Рисунки С. Киприна

А. КУЧКИН

Автор этих записок — старый уральский большевик-революционер, член КПСС с 1912 года Андрей Павлович Кучкин — в годы гражданской войны был начальником политотдела 2-й армии Восточного фронта. Он хорошо знал легендарный Уфимский отряд Александра Чеверева. О разведчике этого отряда коммунисте Даниле Чиркове и рассказывается в публикуемом отрывке.

Ныне автор воспоминаний — доктор исторических наук, профессор, работающий в Институте истории Академии наук СССР.

А. П. Кучкин принимал участие в создании новой книги — «Истории КПСС».

ТРУДНАЯ ДОРОГА

Отправляя Данилу Чиркова в разведку, Чеверев обычно приговаривал: дело предстоит сложное, задача трудная, но зато и почетная, так что никак нельзя ударить лицом в грязь. На этот раз Данила с секретным письмом должен был пробраться в занятую белыми Уфу. Задание было от штаба армии, где хорошо знали Данилу и нередко прибегали к его помощи.

Данила сам смастерил себе двойные подметки на сапогах и спрятал письмо. В Уфе он должен был отыскать пчеловода Алешина, большевика-подпольщика, и передать ему шифровку. Со сведениями от Алешина Данила должен как можно скорее вернуться назад.

Из села Данила вышел на рассвете. Через десяток верст пристроился на попутную подводу. На следующее утро он оказался в Шарыпово.

Шарыпово — большое село — было забито военными обозами и солдатами белых. Они разгуливали по улице, завая, от нечего делать глазели по сторонам. На Данилу никто не обратил внимания: солдаты больше интересовались женской половиной сельского населения. Данила проехал на подводе в другой конец села, где возница остановился напоить лошадей.

Данила, спрыгнув с подводы, размял затекшие от долгого сидения ноги и не заметил рослого человека с одутловатым, бледным лицом, что стоял на крыльце богатого дома и пристально смотрел на Данилу. Затем появился второй, такой же рослый, и оба они направились к Даниле. Тут и Данила увидел их. Два мужика в армяках, — богатые подводчики, — он знал их еще с волостного съезда в Топорнино. Там Данила резко говорил о сельских богатеях, и они, конечно же, хорошо запомнили его.

Столкнувшись взглядами с Данилой, подводчики сделали вид, что не интересуются им, отвели глаза в сторону и, повернувшись спинами, не спеша вернулись в дом. Такое намеренное безразличие убедило Данилу, что добра от этой встречи ждать нечего. Что же делать? Попытаться сбежать на подводе из села — догонят в поле и прикончат. Нет, бежать нельзя. Бегство далеко не всегда лучший способ избавиться от опасности.

Свернув в первый попавшийся переулок, Данила зашел во двор и скрылся в хлеву, якобы по нужде. Ни во дворе, ни в хлеву никого не было. Быстро выкопав ямку, он положил в нее браунинг, прикрыл платком и забросал ямку землей и соломой. Вернулся во двор, заглянул в

избу. Спросил у хозяйки, не найдется ли молока на продажу.

Через несколько минут в избу, где перед кружкой с молоком сидел за столом Данила, вошли подводчики. За ними толпились солдаты, набежавшие ловить большевика. Даниле скрутили руки — он и не сопротивлялся — и всей гурьбой повели по улице села.

«Только бы сразу не расстреляли», — думал Данила. Отпираться на допросе бессмысленно: ему не поверят, да и не захотят разбираться. Надо как-то схитрить, повести себя так, чтобы белые понадеялись получить от него ценные сведения. Он по опыту знал, что на допросе его обязательно будут пугать сначала самыми страшными карами, а потом пообещают помиловать, если он будет отвечать на вопросы.

Его привели в большую избу. Подводчики попытались было сунуться за ним, но их не пустили. Шумная орава солдат потолкалась немного под окнами и разошлась. А Данила стоял перед офицером, сидевшим за столом в шинели, накинутой на плечи.

— Не могу, ваше благородие, сказать, — прикинулся Данила дурачком. — Как узнают большевики, что я сказал, не жить мне на свете. Под землей найдут и прикончат. Нет, не могу.

— Ты Чеверева знаешь?

— Знаю.

— Сколько у него людей в отряде?

Данила мотал головой:

— Нет, не могу.

Офицер, отшвырнув ногой табурет и скинув шинель, возбужденно заходил по избе:

— Заговоришь, дубина! И не такие у нас становились разговорчивыми. Ну, будешь говорить?

Данила молчал, словно соображая — говорить или не говорить.

Открыв дверь, офицер громко позвал:

— Эй, Парамонов!

В комнату вошел солдат с винтовкой.

— Отведи этого болвана

в баню! — и добавил вслед: — У Курочкина заговоришь!

В маленькой бане, на задах двора, было полутемно. Данила вытянулся на скамье, а солдат сел у двери, поставив винтовку меж ног, и закурил.

Данила негромко спросил:

— Эй, земляк, махорочки не найдется?

Солдат в ответ лишь пыхнул дымом. Данила порылся в кармане, вытащил смятую рублевку:

— Выручи... Курить — смерть охота...

Солдат, не выпуская винтовки, хмуро взял деньги и отсыпал Даниле щепоть махорки.

Скоро маленькую баньку до потолка затянуло сизым дымом. На дворе темнело.

— Что ж Курочкин не идет? — спросил Данила.

— Придет. Уехал за фуражом, а как вернется, сразу придет. Он это дело любит — с вашим братом поговорить...

Данила снял пиджак, свернул и подложил под голову. Улегся поудобнее и сказал:

— Как Курочкин придет, разбуди. А я посплю пока.

— Он-то разбудит. Враз вскочишь, — пророчал солдат.

Лежа спиной к солдату, Данила притворился спящим и рассматривал в гаснущем свете дня оконце бани. Рама ветхая, чуть толкни — выскочит. В крайнем случае можно обмотать руку пиджаком — и кулаком высадить. Пролезть через оконце можно. Словом, тюрьма не слишком страшная.

Через несколько часов солдат за спиной мерно посапывал. Медлить нельзя ни минуты! Данила неслышно приподнялся. Потом встал, взял пиджак. Глаза, привыкшие к темноте, хорошо разглядели солдата, который сидел на полу, положив голову на табурет. Винтовка стояла рядом. Данила переставил ее подальше. Выждав еще секунду, накиннул солдату на голову свой пиджак и со всей силы несколько раз стукнул его кулачищем по затылку. Солдат дернулся, обмяк и кулем свалился на пол.

Бесшумно Данила откинул крючок на двери и выскользнул наружу. Обогнул баню и, сделав несколько шагов, больно стукнулся обо что-то твердое. Тьфу ты! Телега военного обоза. Кто-то приподнялся на телеге, спросил сонным голосом:

— Кто там?

Данила побежал по огороду.

— Стой! Стой! — летело ему вслед.

Д. Чирков.

Выстрелы разбудили ночную тишину.

Очутившись на окраине, Данила наскочил на омет и с ходу зарылся поглубже в солому. По разбуженному селу перекрикивались солдаты, иногда постреливали. Так продолжалось почти всю ночь. Только под утро село угомонилось.

Весь день Данила просидел в омете. Нестерпимо хотелось пить и есть. Но нечего было и думать, чтоб высунуть-

ся наружу. Вокруг все время ходили, слышались голоса, скрипели телеги. Судя по разговорам, которые доносились до него, белые готовились сниматься с места.

Так тянулся весь тревожный день. Вечером телеги заскрипели. Обоз снялся с места. Но Данила еще долго прислушивался к наступившей тишине. Перед рассветом он выглянул наружу. Село спало. Данила выбрался из соломы и, захватив полную грудь воздуха, всласть вздохнул. Пошел задами по селу. Отыскал хлев, где зарыл браунинг, пробрался туда. Он и подумать не мог, что уйдет без браунинга. Откопал и бережно обер платком своего надежного друга, единственного в трудной дороге разведчика.

БЕЛОБОРОДЫЙ СТАРИК

До Уфы Данила добрался благополучно. Он помнил наказ Чеверева — не спрашивать прохожих, как найти улицу и дом, где живет Алешин. Адрес Данила вытвердил наизусть еще в начале пути.

Немного поплутав, он отыскал, наконец, четырнадцатый номер — каменный одноэтажный дом с заколоченным наглухо парадным входом. Данила вошел во двор и позвонил, дернув за торчащий из двери металлический штырь. Где-то звякнул колокольчик, дверь распахнулась, и показался невысокого роста, крепкий старик с белой бородкой.

Поначалу Данила решил, что ошибся адресом: уж очень старик не похож на большевика-подпольщика. Но отступать поздно.

— Здесь ли проживает пчеловод Алешин?

— А что надо, милый?

— Я от Савоськина за медом.

— А меду-то нет, расторговались, — ответил старик, как условлено.

— А бражкой медовой не богаты?— спросил Данила, и старик посторонился, пригласил зайти.

Он ввел Данилу в чистую комнату. На столе в тарелке лежали аккуратно нарезанные соты. Данила почувствовал, что устал, изголодался, пропылился за эти дни. и не мог отвести глаз от меда.

Знакомство состоялось. Старик поставил перед парнем кружку молока с ломтем хлеба, пододвинул к нему тарелку с сотами.

— Ешь, подкрепляйся. А потом поговорим.

Данила снял правый сапог, вынул из кармана маленькую отвертку, отвинтил шурупы, скрепляющие две подметки, и вынул письмо.

Через некоторое время Данила так же спрятал даденный ему ответ в подметку, накрепко завинтил шурупы. Засыпая, он слышал, как за стеной кряхтит и что-то бормочет про себя белобородый старик. Оба спали беспокойно, старик ворочался, несколько раз вставал, выглядывая через окно на улицу. Измученный Данила все же уснул к утру крепко. Но чуть свет старик разбудил его.

— Не хотел я тебя тревожить, думал, дай, выспится парень перед дорогой. Да нехорошо у меня. Одевайся живее.

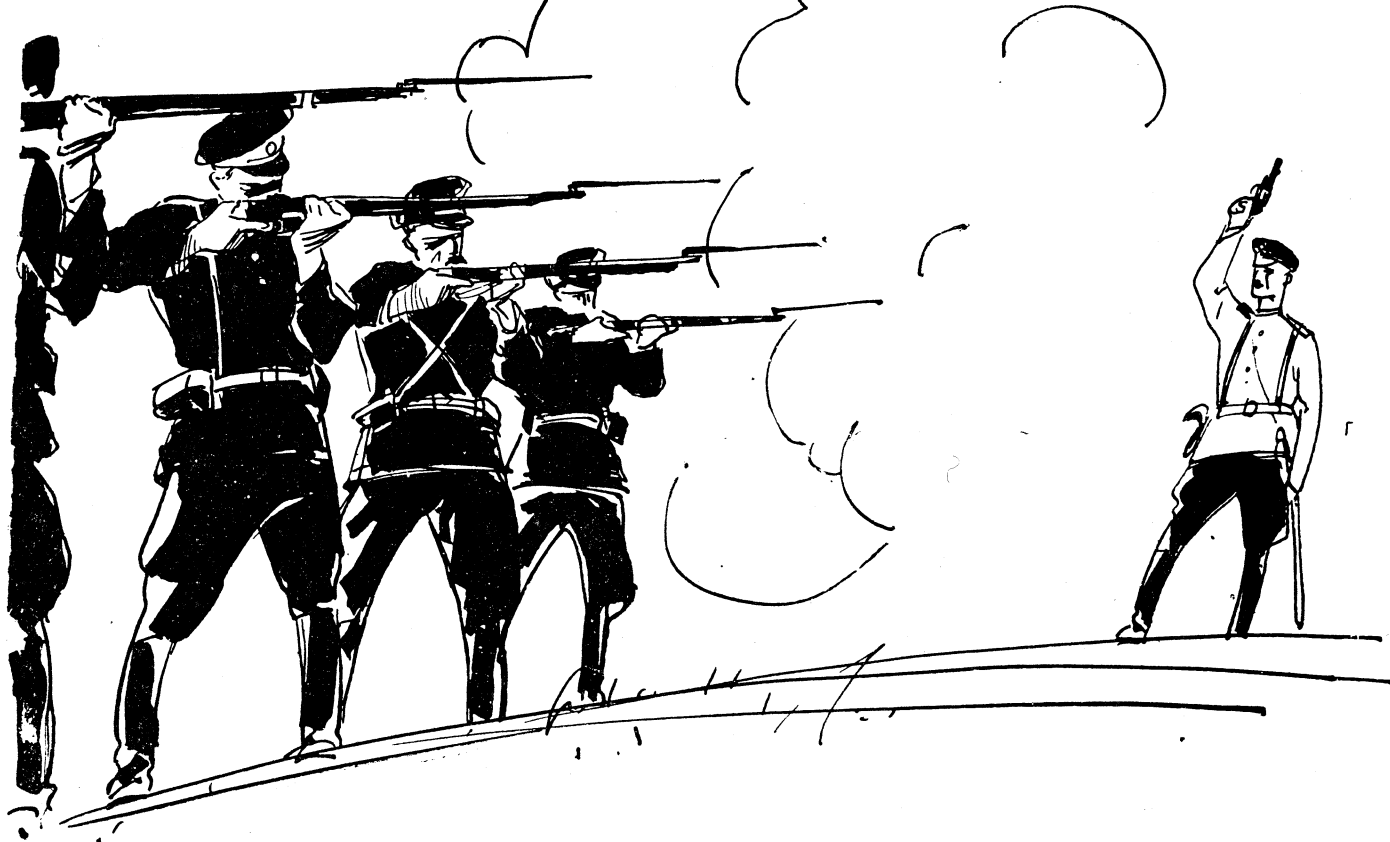
Пока Данила натягивал сапоги, старик рассказал, что к дому все время подходят какие-то хлюсты, что-то вынюхивают, стучали даже, да он не открыл.

Он сунул Даниле кусок хлеба, завернутый в бумагу.

— Вот, возьми, поешь потом. А сейчас быстренько иди!

Вывел Данилу на крыльцо и наскоро объяснил, как выбраться со двора через пасеку и сад на соседнюю улицу. Данила прошел между ульями, что стояли в не-

сколько рядов позади дома, и в кустах сирени оглянулся. Белобородого старика на дворе уже не было, а к крыльцу подходили трое — мужчина военной выправки в черном пальто и два солдата. Кулаками они забарабанили в дверь.

Долго потом Данила вспоминал белобородого старика, пытался разными окольными путями узнать что-либо о нем, но никто ничего не знал. Известно было лишь, что белые арестовали и замучили многих уфимских большевиков-подпольщиков.

ЕЩЕ ОДНО ЗАДАНИЕ

С Уральских гор в Уфимскую долину спускались красные орлы. Бесстрашные бойцы заслужили в народе высокую честь называться так. Партизаны-рабочие южноуральских заводов и казачья беднота из Оренбургских степей — прошли тысячи верст с боями. И теперь утомленные и потрепанные отряды должны прорвать фронт, чтобы соединиться с наступающей с запада Красной Армией. Отряды двигаются по неприятельской территории, и каждый день — бой, раненые, убитые. И все же каждый день — еще один рывок вперед.

В штабе 2-й армии получена из Москвы «секретка», она адресована руководи-

телям уральских партизан Блюхеру и Каширину. Нужно увязать их действия с общим наступлением. Путь соединения с Красной Армией — путь спасения. Нужно срочно вручить письмо Блюхеру и Каширину, разыскать их в тылу белых, за линией фронта.

И снова снаряжается в путь Данила Чирков.

В штабе армии, где Данила получал задание, какой-то незнакомый командир, вручая ему документ, испытующе посмотрел на парня:

— Вы понимаете, что теперь в ваших руках тысячи жизней, дело огромной важности?

Данила ответил одним словом:

— Понимаю.

В душе он обиделся. Он не любил внушений, нотаций, громких слов. Но обиделся, конечно, Данила зря. Просто не знал этот командир, что стоящий перед ним парень последний год больше времени провел в белом тылу, чем среди своих. Не первый и не второй раз надевает он сапоги с двойной подметкой.

Снова пройдено Шарыпово, и благополучно достигнута Уфа.

Железнодорожники подсказали Даниле, что белогвардейские части сосредоточиваются на станции Иглино, недалеко от Уфы. Белые, должно быть, готовят встре-

чу красным орлам, собирают ударный кулак. В районе Иглино, возможно, и развернутся бои. Покинув Уфу, на паровозе, куда пристроили его железнодорожники, Данила доехал до Иглино. Станция была заполнена военными, из теплушек солдаты выводили лошадей. Мимо Данилы проходили озабоченные офицеры, подтянутые, исполненные решимости. Видимо, сюда подбросили свежие части, еще не битые красными. Данила решил потолкаться в Иглино. По своему опыту разведчика он понимал, что сможет раздобыть немалые сведения.

Данила бродил по улицам, останавливал солдат и спрашивал, не знают ли они Степана Бусыгина. Это, дескать, его брат, получил от него письмо, пишет, приезжай в Иглино, а как найти — не написал. Старый прием, не однажды испробованный Данилой! Степана Бусыгина, конечно, никто не знал, но завязывался разговор, и Данила незаметно выведывал, давно ли солдат в Иглино, надолго ли приехал сюда со своей частью? Попадались и простачки, у которых удавалось выпросить даже номер воинской части.

Не знал Данила, что как раз в этот день белая контрразведка решила провести «очистку» города, то есть очередную серию арестов, когда хватали и бросали за решетку всякого мало-мальски подозрительного человека. Белые искали партизан, подпольщиков-большевиков, и им в каждом бедно одетом человеке чудился партизан или подпольщик. Много ни в чем не повинных людей пострадало тогда в Иглино.

Белогвардейские ищейки, рыскающие по городу, некоторое время следили за Данилой, который, подозревая опасность, продолжал поиски «брата». Он остановил солдата и только собрался рассказать историю о письме, как перед ним неожиданно появился человек:

— Я как раз знаю Степана Бусыгина. Тебе повезло. Пойдем, отведу тебя к брату.

И через час Данила сидел в переполненной камере тюрьмы. У него забрали деньги, подложные документы на имя Петра Бусыгина и, главное, браунинг. Больше всего удручало то, что задерживается доставка письма к Блюхеру и Каширину. Данила не думал, что может погибнуть, но мысли о письме не давали покоя. Он то и дело поглядывал на сапог, двойные подметки пока не обнаружены

беляками. «Только о письме и надо было думать. Опять увлекся. Вот и попал. А ведь Чеверева предупреждал: не увлекайся, не суйся, куда не надо», — с горечью ругал себя Данила.

Ночью его вызвали на допрос. Следователь ласково заглядывал ему в глаза, угощал папиросами, уговаривал признаться во всем — все равно, мол, придется выложить все начистоту. Так не лучше ли это сразу сделать, не затрудняя ни его, ни себя. Намек был понятен. Иначе этот ласковый господин, улыбающийся сейчас, будет загонять Даниле иголки под ногти.

Следователь мял папиросы, нервничал, было видно, что он сдерживает себя. Данила старался добродушно и приветливо улыбаться: мол, я парень простой, я с полной готовностью мог бы для вашего удовольствия во всем признаться, но совесть не позволяет врать. Данила твердил одно: он торгует мелочишкой, то там купит, то здесь продаст, и в Иглино приехал за товаром. Хотел материи кое-какой найти: в деревнях сейчас большой спрос.

— А это зачем? — кивал следователь на лежащий на столе браунинг.

— Это? Для защиты. Сейчас без этого оберут, как липку. Время-то теперь какое? Перед каждым ты виноват, каждый с тебя получить желает.

Отбросив все заигрывания, следователь злобно уставился на Данилу.

— Документы-то у тебя поддельные. Будешь запираешься — шкуру спущу. Признаешься, все расскажешь — катись на все четыре стороны. Подумай!

Лишь под утро Данила вернулся в камеру после допроса. Лечь негде было — он бессильно опустился на пол среди распростертых и скорчившихся фигур. Из носа текла кровь. Тело ныло, разламывалась от боли голова. Били его долго, стараясь только не поломать кости, чтобы можно было снова допрашивать и, если будет отпираться, снова бить. Распухшими, плохо слушающимися руками Данила проверил, целы ли ребра. Целы. С яростью он вспоминал все подробности ночи: пухлые руки следователя, сладкую улыбку и сказанные на прощание слова: «Это только цветочки, а ягодки — впереди».

«Сбегу, все равно сбегу», — думал Данила.

На следующий день его снова вызвали на допрос. И снова повторилось все — уговаривания, улыбки, ругань, побои.

Больше всего Данила боялся, что с него снимут сапоги. Он знал, что в застенках у белогвардейцев резиновыми жгутами бьют по голым пяткам. Но сапоги не трогали: следователь торопился — работы было много. Весь день в коридорах тюрьмы было оживленное движение — арестованных вели на допрос, волочили обратно в камеры избитых, измученных людей.

РАССТРЕЛ

Ночью Данила не спал, прислушивался, не скрипнет ли дверь. Вокруг храпели, разговаривали во сне, ворочались, тяжело вздыхали. Рядом посапывал совсем еще молоденький паренек, который вечером заботливо ухаживал за Данилой — обмыл ссадины и царапины на лице, скатал свой пиджак и положил ему под голову. А сам спит на полу в грязной рубашке наголо. Так и не уговорил его Данила взять пиджак обратно.

На допрос Данилу больше не вызывали. Прошла еще ночь, а на следующую распахнулась дверь камеры, и на пороге появился тюремный надзиратель с фонарем в руке:

— Выходи!

Арестованных повели на двор. Там в углу толпилось еще человек тридцать. Всех окружила охрана. Кто-то вздохнул: — Хана, братцы.

Чей-то спокойный, твердый голос откликнулся:

— Не причитай. И без тебя тошно.

Паренек, сосед по камере, державшийся рядом с Данилой, придвинулся к нему ближе:

— Давай вместе...

Данила пожал его холодную руку.

Вышел офицер, раздалась команда, открылись ворота тюрьмы, и арестованных повели. То ли от бодрящего ночного воздуха, то ли под влиянием отвлекавших и будоражащих мыслей, Данила чем дальше, тем меньше ощущал боль. Ноги ступали тверже, глубже вдыхали воздух легкие.

Их вели в поле. Кончились строения. Слева от дороги тянулся молодой лесок, справа — пустыри. Луна вынырнула из облака, и Данила увидел огромный овраг, пересекающий поле недалеко от дороги.

Спотыкаясь о кочки, Данила брел по полю. Бежать! Только бежать! — жгла мозг единственная мысль. Но как?

Луна снова зашла за облако, стало темно. Данила с надеждой посмотрел на небо. Помогут ли облака? А, может, пуля в темноте пролетит мимо? Ведь сколько раз смерть заглядывала Даниле в лицо! И он всегда встречал ее черный, пустой взгляд, не отводя своих глаз.

Невдалеке от оврага шествие остановилось. Солдаты засуетились. Офицер негромко командовал. Арестованных выстроили неровной шеренгой на краю оврага. Данила слышал дыхание стоящих рядом. Кто-то заплакал. Кто-то хрипло выдавил из себя:

— Убийцы! За нас отомстят!

Солдаты тоже встали в плотную шеренгу. Две шеренги — друг против друга: избитые, изможденные, в изношенных пиджаках, истлевших в тюрьме рубашках и — сытые, крепкие и все же нервничающие, суетящиеся палачи.

Данила встал вполоборота к оврагу, с надеждой глядя на небо, на облако, что вот-вот набежит на луну. Он весь напряжился и толкнул локтем паренюка, соседа по камере.

— Бежим!

В следующую секунду вскинулись винтовки солдат, офицер поднял пистолет, а облако закрыло луну. Тень легла на землю. Данила прыгнул в овраг, прямо спиной вперед кубарем покатился вниз.

Падая, Данила слышал, как гремели наверху залпы. На него валились трупы. Затем на кромке оврага появились темные фигуры солдат. Они стали стрелять вниз, в тех, кто застрял на склоне оврага.

Данила замер. И тут он ощутил режущую, как ожог, боль в голове. В глазах поплыли разноцветные круги...

Но воля творит чудеса. Когда все стихло, Данила заставил себя поднять голову. Небо над ним светлело, а в овраге было темно. Данила оглянулся и увидел блеск маленького бесшумного ручейка в нескольких шагах. Этот десяток метров он полз долго, может быть, час, может быть, два, каждую минуту останавливаясь и пережидая, пока хоть чуть-чуть утихнет режущая боль в голове. К утру, добравшись до ручья, Данила припал пересохшим ртом к свежей струе...

...Через два дня разведка наступавших на Иглино красных партизан наткнулась на парня, который, зажмурив глаза и в кровь кусая губы, полз по лесу им навстречу.

НАЙДЕННАЯ И ПОТЕРЯННАЯ

Кто такой Н. А. Н.?

Пермский краевед Александр Кузьмич Шарп до сих пор не может без волнения вспомнить об этой истории. Подумать только — держал в руках такое исключительное культурное сокровище и не знал об этом! Вот как об этом рассказывает он сам:

«Как-то в начале тридцатых годов, в грудке купленных у местного букиниста старых книг я обнаружил книжечку среднего формата в мягком переплете из синей бумаги. На титульном листе ее стояло: «Н. А. Н. Как я велик. (Повесть из жизни литературного гения). Пермь. 1882. Литография Злотникова». На обложке был гриф — «Не продается». В конце книги имелась пометка: «Эта книжка вышла тиражом в 10 экземпляров» и подпись — «Н». Примерно такая же пометка была и на третьей странице обложки — красивым почерком красными чернилами кто-то вывел: «Эта книжка вышла в количестве 10 штук». И подпись — латинское N. Помню, что книжка имела 264 страницы, делилась на пять глав, без подзаголовков. Рисунков в ней не было. Книжка меня заинтересовала: я давно собираю биографические и библиографические материалы об уральских писателях, поэтах и журналистах. Подумалось, что Н. А. Н. — псевдоним какого-нибудь уральского писателя из тех, кто забыт, и со временем, может быть, удастся выяснить подлинное имя и фамилию автора. По собирательской привычке я завел для новонайденной книжечки особый конверт, пометив его этими же ничего не говорящими буквами «Н. А. Н.». Перебрал в своей картотеке десятки имен местных литераторов и не нашел ни одного, которое могло бы подойти под эти инициалы.

Кто такой Н. А. Н., я так и не выяснил, вскоре забыв об этой книжечке, и, полагая, что написал ее, вероятно, не уралец, не очень огорчился, когда через несколько лет в мое отсутствие она оказалась утерянной...

Но лет через десять Александру Кузьмичу

пришлось снова вспомнить о книжке «Н. А. Н.». Да еще как вспомнить — с огромным, болезненным огорчением.

В 1946 году редакция историко-литературных сборников «Литературное наследство», готовя к изданию очередные тома, посвященные Н. А. Некрасову, обратилась к уральским краеведам, в том числе и к Александру Кузьмичу, с просьбой сообщить: что им известно об изданной в Перми книге «Как я велик».

Можно представить себе удивление и огорчение краеведа, когда он узнал об этом... Все, что удалось вспомнить и что сохранилось в его рукописных «материалах» для словаря псевдонимов «уральских литераторов», он сообщил «Литературному наследству», но сама книга — увы! — была уже к тому времени утрачена.

На литературоведов ответ Александра Кузьмича в «Литературное наследство» тоже произвел большое впечатление. Вновь вспыхнули затихшие было споры: была такая книга или не была?..

Историю споров о книге незадолго перед этим рассказал в том же «Литературном наследстве» ленинградский литературовед С. Шестериков. Он, по-видимому, держал в руках какие-то нити «Загадки НАН», но разрешить ее полностью не успел: погиб в дни Великой Отечественной войны.

А споры эти начались более сорока лет назад, когда Корнею Ивановичу Чуковскому, писателю и литературоведу, случайно попала в руки неизвестная рукопись Некрасова. Исследуя ее, Чуковский установил, что это отрывок из неизвестной ранее повести, в которой в прозрачно-зашифрованном виде изображался кружок литераторов сороковых годов прошлого столетия, близких к передовому журналу того времени — «Отечественным запискам». Под вымышленными именами легко угадывались подлинные: И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, В. Г. Белинский, Д. В. Григорович, И. И. Панаев и сам Н. А. Некрасов.

К. И. Чуковский дал этому отрывку условное название «Каменное сердце» и, снабдив его об-

ширными комментариями, опубликовал сначала в журнале «Нива» (в № 34—37 за 1917 год), а затем, в 1918 году, в книжке «Неизданные произведения Н. А. Некрасова».

Любителей русской литературы и ее исследователей публикация Чуковского взволновала. Еще бы, ведь это ценнейший историко-литературный документ! О публикации много говорили и спорили. Правильно ли расшифрованы имена персонажей произведения, была ли эта повесть окончена или так и осталась в черновике, — многое оставалось неясным. Но никаких новых документов не находилось, споры зашли в тупик и понемногу стихли.

Затем они разгорелись с новой силой. В 1920 году в № 21 журнала «Книга и революция» появилась рецензия на книгу К. И. Чуковского. Автор ее, никому не известный М. Маврин, оспаривая многие доводы и выводы Чуковского, в заключение, как бы между прочим, сообщал, что повесть Некрасова была полностью напечатана. Он писал: «В 1884 году в Перми была выпущена литографированная, в 16-ю долю листа, книжка с титулом «Н. А. Н. Как я велик. (Повесть из жизни литературного гения). Пермь. Типография Злотникова. 1884. Не продается». Была ли эта книжка (в 264 страницы) отлитографирована в Перми, был ли там литограф Злотников — неизвестно, но эта повесть и есть та самая, из которой Чуковский дал одну главу, только им и найденную в бумагах поэта. Между тем в повести пять глав; найдена Чуковским — третья. Текст ее значительно отделан автором в сравнении с черновиком, найденным теперь».

Бросились искать автора рецензии — Маврина. Выяснили, что этим псевдонимом подписался известный историк М. К. Лемке, человек, знания и исключительная добросовестность которого не вызывали сомнений. Но к этому времени он умер.

Однако литературовед В. Е. Евгеньев-Максимов слышал как-то от Лемке, что тот действительно держал в руках драгоценную книжку. Правда, всего лишь несколько часов: владелец, фамилию и адрес которого он не запомнил, взял ее обратно. А что книжка такая была — это точно. Лемке успел просмотреть ее всю и записать выходные данные.

Но слова — словами, а книжки-то нигде нет! Поэтому вопрос о ее существовании так и остался под сомнением. Тем более, что вскоре выяснились новые подробности, еще более запутавшие дело. Дотошные исследователи установили, что в Перми никогда ни литографии, ни типографии Злотникова не было — так, по крайней мере, гласили официальные справочники! По записи Лемке книга датировалась 1884 годом, а по Шарцу — 1882 годом... Невольно закрадывалось сомнение — да была ли книжка-то?!

А все-таки...

А. К. Шарц продолжил поиски. Порывшись в памяти и в своих старых записях, он установил, что литография Злотникова, вопреки всем утверждениям и официальным справочникам, фактически существовала!

Вот что пишет А. К. Шарц:

«В 1881 году в Пермь приехал князь Никита Всеволожский, владелец крупнейшего в Прикамье Сивинского имения. Приехал он не один, а со знаменитой русской актрисой Марией Гавриловной Савиной, которая вскоре стала его женой — в Сиве они обвенчались. Мот и кутила, великосветский шалопаи, Всеволожский, получив Сивинское имение в наследство, интересовался только его доходами, а то, что казалось ему убыточным, стремился сбрыз с рук. В этот приезд, в мае 1881 года, он продал принадлежавшую ему пермскую типографию. Продал своему бывшему крепостному Злотникову, который больше 25 лет был заведующим и печатником этой типографии. При продаже условилось, что до полной уплаты стоимости типографии владельцем ее официально будет считаться Всеволожский. Как вспоминал служащий Всеволожского Коровин, тогда же в его присутствии М. Г. Савина передала Злотникову какую-то рукопись с просьбой напечатать ее, но не для продажи. (Коровин умер в 1930 году и в свое время много рассказывал мне о приезде М. Г. Савиной в Сиву и о типографии Всеволожского). Вполне возможно, что Злотников отпечатал книгу, указав на ней свою фамилию — фактического, но не юридического владельца типографии».

Все это похоже на правду. М. Г. Савина, замечательная русская актриса, дружила с многими выдающимися деятелями русской культуры — с И. С. Тургеневым, И. А. Гончаровым, Я. П. Полонским, А. Н. Майковым, В. В. Стасовым, А. Ф. Кони. Нет ничего удивительного, если ей в руки попала некрасовская рукопись и она взяла на себя хлопоты по ее изданию.

Таким образом, свидетельств и доказательств существования книги собирается все больше и больше. Но самой книги до сих пор нигде не найдено.

«Вопрос о розыскании повести «Как я велик» — вопрос важный и интересует не только ученых, но и широкие круги советской общности... Мне не хотелось бы умереть, не прочтя повести!» — писал в 1951 г. на Урал В. Е. Евгеньев-Максимов, известный исследователь творчества Некрасова. Он умер в 1955 году, так и не прочитав этой повести.

Книгу надо искать. Может быть, следопытам Урала посчастливится найти ее и пополнить наследие великого русского поэта!

А. ПОХОДОВ.

Клянусь черепами Тэсмана!..

Писателю Михаилу Ефимовичу Зуеву-Ордынцу исполнилось шестьдесят лет. Тридцать пять из них отданы следопытской литературе.

Редакция горячо поздравляет Михаила Ефимовича и желает ему новых творческих успехов.

Всякий, кто увлекается чтением приключенческой литературы, конечно, знает, откуда это выражение. «Черепами Тэсмана» — один из лучших рассказов Джека Лондона. У меня же упоминание о нем вызывает в памяти встречи с другим мастером остро сюжетной прозы, интересным человеком, хорошим товарищем, с которым судьба свела меня в дни моей юности.

...Ровно двадцать пять лет назад погожим летним днем появился в редакции журнала «Уральский следопыт» желанный гость, писатель из Ленинграда, Михаил Ефимович Зуев-Ордынец, молодой, общительный, с постоянным острым юмором, прорывавшимся в каждой фразе.

Зуев-Ордынец был одним из немногих «именитых» авторов, сохранивших верность «Следопыту» после того, как тот в 1935 году перебрался из Москвы в Свердловск, сменив прилагательное «Всемирный» на «Уральский». Зуев-Ордынец одним из первых откликнулся на призыв редактора Владимира Алексеевича Попова помочь молодому журналу.

Уралу посвящена книга М. Зуева-Ордынца «Каменный пояс», вышедшая в те дни приложением к журналу «Вокруг света». Кстати, тогда кое-кто из критиков-ортодоксов тоже упрекал автора в излишнем стремлении к занимательности,

как это делают и поныне ревнители «серьезной литературы», подчас подвергая писателей разному в своих рецензиях.

Писатель-следопыт Зуев-Ордынец — типичный представитель того самого трудного и увлекательного литературного жанра, который неизменно пользуется симпатией читателя: жанра приключений, путешествий, революционной романтики. Его «Панургово стадо», «Сказание о граде Новом Китеже», десятки других повестей и рассказов (работал он много, печатался часто) пользовались широкой известностью, молодежь зачитывалась ими.

Открывать во всем интересное, видеть необычайное в обыкновенном — призвание писателя-приключенца. Очевидно также, что и сам он должен быть страстным искателем, путешественником.

Урал, Сибирь, дальние окраины страны были постоянно под прицелом Зуева-Ордынца. Там разворачивалось действие

многих его произведений, там жили, боролись, сражались, погибали и побеждали его герои — неустрашимые, смелые люди. Незадолго до Урала он ездил в Среднюю Азию, написал книгу «Крушение экзотики». В короткий срок он стал одним из основных сотрудников «Уральского следопыта», крайне нуждавшегося тогда в квалифицированных авторских кадрах.

Зуева увлекало все: история, география, научные открытия, техника. Зуев первый — в очерке «К причалу!» — рассказал о проекте сверхдальнего сообщения на дирижаблях по линии Москва — Дальний Восток, с остановкой в Свердловске. Для этой цели тогда под городом сооружалась высокая металлическая башня — «причал». Башня эта долго стояла за Нижне-Исетском.

Везде он ищет незаурядное, то, что волнует воображение. Необычаен его град-Китеж. Удивительны подвиги смельчаков-краснофлотцев с канонерки «Ваня» из рассказа «Зеленый остров», героев-партизан из уральской были «Последний сплав». Необычайного много на свете. Но это необычайное должно быть самым обычным. Парадокс? Нет! Такова природа приключенческой литературы.

Где-то, среди обыденных дел, обыденных, примелькавшихся событий, фактов, невидимо для равнодушного, холодного глаза вьется чудесная тропа приключений наших современников. Надо лишь увидеть ее, встать на нее, пойти по ней — и все вокруг засияет новым светом, расцветит яркими красками.

Вы плывете в лодке по Чусовой. Перед вами — обычный пейзаж берегов, обычные картинки причусовского быта. И вдруг — запань, река перегорожена бревнами! Через них надо как-то перебираться... Начинается приключение.

Поездка по Чусовой была организована редакцией «Уральского следопыта». Зуев был ее «историографом» — вел днев-

ник путешествия; на мою долю выпало иллюстрировать зувский очерк (я тогда занимался фоторепортажем).

Река каждый день поставляла интересные наблюдения. Зуев примечал каждую мелочь, каждый характерный штрих. Вечером — как бы ни устал — запишет все заслуживающее внимания.

Он писал на небольших листочках, аккуратно разграфленных от руки карандашом. Подражая ему, я тоже стал лिनовать бумагу. Но главное, чему следовало учиться у него, это умению видеть.

Помнится, проплыли небольшую новую колхозную МТФ. Я почти не удостоил ее своим вниманием: два деревянных коровника, изгородь («прясло»), избушка, — ничего особенного.

А в очерке у Зуева это «заиграло» совершенно неожиданно:

«...Ниже камня Переволочного, на правом берегу, желтеют крепкие новенькие строения. Кричим с лодки:

— Чьи постройки?

— Кто-то, в щегольской городской кепке, сложив руки рупором, отвечает, вспугнув эхо у Переволочного:

— Фирма-а!

— Чья?.. Какая?.. — орем мы.

— Матафе-е! — надрывается кепка.

Мы удивленно переглядываемся. Матафе? Негритянское что-то. Наконец, Раф¹, как агроном, догадывается:

— Эмтеэф, молочно-товарная ферма»...

В излучине у знаменитого утеса «Разбойник» наша лодка напоролась на подводный камень — таш.

«Разбойник», да стоящий наискосок от него «Молоков» — самые опасные камни на Чусовой, издавна стяжавшие дурную славу. Сколько в прошлом там разбилось барок во время весеннего сплава, сколько утонуло бурлаков — не счесть. Природа будто нарочно расставила здесь своих «бойцов» так, чтобы побольше насолить людям. Уцелеешь под одним, не сдобровать под другим.

А мы?..

Таш оказался плоским, словно китовая спина. Лодка с разгона въехала на него, быстрое течение развернуло ее кормой вперед, и мы закачались на месте посередине реки.

Кругом вода, справа и слева грозные

¹ Раф — один из участников поездки, Р. И. Рабинович.

великаны-«бойцы» — «Разбойник» и «Мо-
локов». Сидя в лодке, мы наслаждались
этой необычностью и с восхищением гла-
зели по сторонам. А Зуев, хитро под-
мигнув, взялся за нож: «Займемся под-
готовкой к обеду!» — и принялся чистить
картошку. Так пренебрежительно по-
смеяться над зловредным «Разбойником»
мог только он.

Неутомимый рассказчик и остролоз,
Зуев всю дорогу потешал нас разными
забавными историями. И вдруг замол-
чал. Случилось это, кажется, уже перед
Чусовским заводом, после двух недель
плавания. Промолчал с полчаса, а затем
заявил:

— Все, братцы. Пора кончать путе-
шество.

— Что такое?!

— Больше рассказывать нечего.

Чусовая сдружилась нас.

Эта дружба продолжилась в Кунгуре,
куда Зуева пригласили руководители
Кунгурской трудовой коммуны. Он дол-
жен был писать историю коммуны или
что-то вроде этого. Я тоже вскоре при-
ехал туда, чтобы произвести большую
фотосъемку.

Мы жили под куполом бывшего мона-
стырского собора, превращенного в об-
щезитие. Внизу помещалась коммуна-
рская братия — бывшие воры, карманники,
поездушники, специалисты по отмыка-
нию чужих квартир; сверху вела крутая
винтовая лестница, и на третьем ярусе,
где когда-то висели колокола, квартиро-
вали мы с Зуевым.

Пока заберешься на эту верхотуру,
язык высунешь... Зуев шутил, что за вре-
мя жизни под соборным куполом мы сда-
ли нормы на значок альпиниста. С его
легкой руки мы прозвали наше обита-
лище «Высокогорным лагерем».

Круглые сутки там свистел ветер и
скреблись мыши; снаружи доносились
надоедливые крики галок. Стояла зима.
Днем мы нажаривали электрическую
плитку; она часто перегорала и, таким
образом, ночью «автоматически» отклю-
чалась; а под утро было страшно высу-
нуть нос из-под одеяла — люта я стужа.
Но Зуев неутомимо «творил» и здесь.
До полдня он обычно отсыпался, потом
приводил в порядок свои записи и — про-
падал до позднего вечера среди воспи-
танников коммуны. После с восторгом
пересказывал услышанное.

Если сосед спит — не пожалее, раз-

будит среди ночи: надо выговориться.
«Уж очень интересно!»

Помнится, меня увлекла, главным об-
разом, фабула похождений наших по-
ставщиков сюжетов. Когда я однажды
сказал об этом Зуеву, он возразил:

— Это, конечно, интересно. Но еще
интереснее то, что лежит за этим. Ведь
творит все это человек. Почему? Как?
Что его толкает на это? И кто? Пони-
маете? Раскроете все это — будет ясен и
путь к возврату, к трудовой жизни. По-
вороты судьбы — вот что нужно нам. Не
воровскую же романтику прославлять!

Сколько занятных историй вывез от-
туда Михаил Ефимович! Спустя годы,
продолжали появляться в журналах его
рассказы на темы, почерпнутые из жизни
Кунгурской трудовой коммуны. Все они
были явно следопытскими, и особенно
дорого в них было проникновение в че-
ловеческую душу, ибо они живописали
перестройку чувств и стремлений тех
людей, перековкой которых занималась
коммуна.

Читатели журнала «Вокруг света»,
выходившего в ту пору, вероятно, помнят
головкружительные похождения «дяди
Кости», знаменитого «медвежатника», то
есть взломщика сейфов, ставшего под
конец жизни замечательным воспита-
телем молодежи. Талантливый актер-са-
моучка (кстати, Зуев в юности тоже был
актером) «дядя Костя» выступал в худо-
жественной самодеятельности, руко-
водил кружками, воздействуя на юных
правонарушителей не только личным
авторитетом, но и средствами эстетики.
Благодаря ему многие стали честными
людьми. Эти персонажи были списаны
Зуевым-Ордынцем с натуры.

В моем альбоме, где я собирал авто-
графы и высказывания своих друзей и
близких знакомых, Михаил Ефимович —
в пору жизни в «Высокогорном лагере» —
оставил запись. Она, как мне кажется,
лучше всего выражает взгляды и харак-
тер Зуева как приверженца приключен-
ческой литературы:

«Однажды хромой академик Арминий
Вамбери сказал и написал так: «Кто хоть
раз испытал бурное море дальних стран-
ствий и приключений, того никогда не
удовлетворит зеркальная тишь озера спо-
койной стоячей жизни»...

Мне кажется, хромой следопыт ска-
зал это и про нас. И нас с вами тошнит
от чрезмерно спокойной домашней жиз-

ни, мы испытываем морскую тошнотворную болезнь на «зеркальной тиши озера», но зато мы в своей тарелке среди бурного моря дальних странствий и приключений... Разве не прекрасна жизнь? А когда она оборвется, друзья напишут на наших могилах замечательные слова: «Клянусь черепахами Тэсмана, это был человек!..»

Прошли годы. Мы не встречались с Зуевым со дня отъезда из «Высокогорного лагеря».

И вдруг недавно я получил заказную

бандероль. Из Караганды. Взглянул на обратный адрес, и теплая волна заполнила душу, нахлынули воспоминания. Знакомым прямым почерком на обертке было выведено: «Мих. Зуев-Ордынец». Он прислал свою новую книгу: «Вторая весна» — повесть об освоении просторов Казахстана...

«Вторая весна»... Символическое название!

Михаил Ефимович продолжает идти своей дорогой.

Борис Рябинин.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КНИГАМ

Г. НИКАНДРОВ

В МИРЕ НЕРАЗГАДАННОГО

Когда-то, давным-давно, климат нашей страны был гораздо теплее, чем сейчас. Даже до Северного полюса можно было легко добраться по свободному ото льдов морю, лавируя между коралловыми рифами и опасаясь разве только акул. Это — не сказка, это доказано тысячами интереснейших опытов, долготными трудами многих ученых. Чтобы убедиться, возьмите книгу Г. Голубева «Неразгаданные тайны».

Но так ли важно знать, какой климат был на земле миллионы лет назад?

Оказывается, важно. Не так давно, в газетах было напечатано сообщение о проекте плотины в Беринговом проливе. Эта плотина, по замыслу инженеров, вызовет резкое потепление климата Советского Союза и других стран, заставит отступить вечную мерзлоту. Есть много и других не менее смелых планов покорения климата. Для того, чтобы их осуществить, надо хорошо разбираться в сложной и запутанной «биографии климата», надо знать, как изменяется климат на протяжении веков.

Ученые с помощью сложных приборов выведывают у природы, скажем, направление ветра, дувшего четыреста миллионов лет назад, или устанавливают температуру воды в древних, давно исчезнувших

морях. А разве не интересно узнать, почему птицы, даже молодые, только что оперившиеся, ежегодно совершая перелеты за много тысяч километров, пересекая океаны, никогда не сбиваются с пути? Опыты многих ученых показали, что птицам присуща особая чуткость к внешним влияниям, инстинктивное «чувство географического положения». Если бы людям удалось перенять у них это замечательное качество, летчики смогли бы вести самолеты чуть ли не с закрытыми глазами, штурманы могли бы прокладывать курс, даже не глядя на компас. Заманчиво? Безусловно. Это и привлекает многих ученых, естествоиспытателей, отдающих годы напряженного

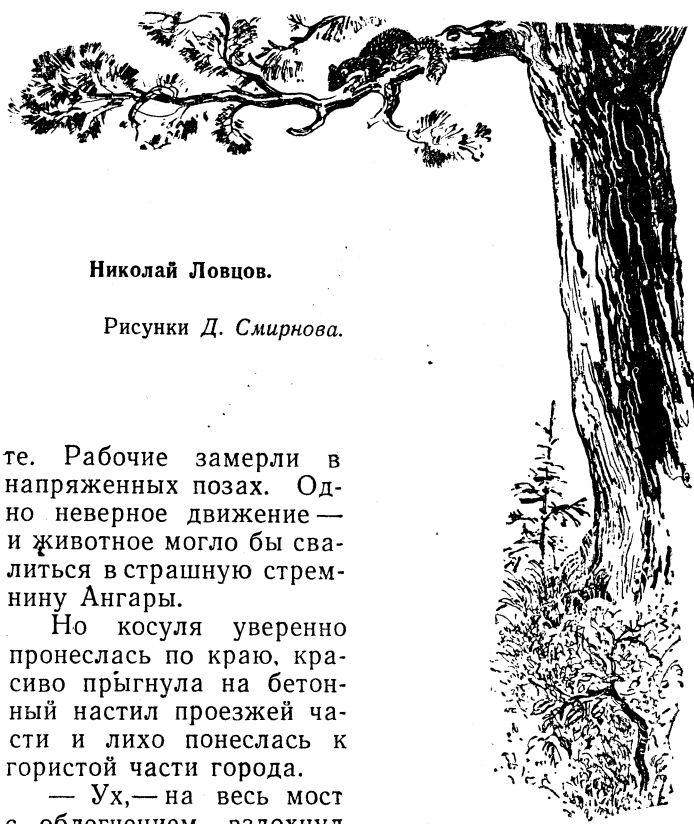
труда изучению птичьих перелетов.

Без малого сто лет назад в теперешней Ярославской области, неподалеку от деревни Фатьяново, были впервые найдены могильники племени, жившего около четырех тысяч лет до нас. Судя по найденным в погребениях каменным топорам, красивым глиняным сосудам и другой утвари, племя это шагнуло в культурном развитии намного дальше своих современников и соседей. Но, к сожалению, до сих пор немного известно об этих людях, возможно, далеких предках славян. Позднее археологи находили много подобных могильников в разных областях нашей страны, но еще никому не посчастливилось напасть на след хотя бы одного поселения «фатьяновцев». А это, вероятно, вызвало бы переворот в археологической науке, дало бы возможность открыть новую страницу истории человеческого общества. И помочь делу, бесспорно, могут археологи-любители, следопыты.

Любое, даже маленькое открытие, расширяя духовные горизонты человека, ставит перед ним тысячи новых вопросов, будит неутолимую жажду новых исследований. Именно такую жажду поисков пробуждает увлекательная и поучительная книга Г. Голубева «Неразгаданные тайны».

Кое-что о зверях

Николай Ловцов.

Рисунки Д. Смирнова.

КОСУЛЯ

Было это перед войной. Мне пришлось работать на строительстве моста через Ангару.

Однажды осенним утром, когда увядающие листья и созревшие травы остро пахнут остатками лета, на мост, на котором еще шли работы, заскочила косуля. Откуда она взялась, как попала в город — трудно сказать. То ли ее загнали волки, то ли сама случайно забрела на окраину, а здесь, спугнутая собаками, понеслась по сонным улицам большого города и оказалась на нашей шумной стройке.

На мосту шли завершающие работы. Проезжая часть была загромождена разными строительными материалами.

И вот, стоило только косуле попасть на мост, как сзади нее запыхтел бульдозер, а за ним заскрипел гусеницами трактор. Под мостом же, в дымке багряного тумана, гневно ревела Ангара. Неожиданная гостья оказалась в ловушке.

Косуля на миг замерла, потом вдруг прыгнула на ленту бордюрного камня, которую мостовщики уже успели уложить по самому краю моста. И, словно танцующая своими точеными ножками над бездной, как балерина в стремительном танце, пробежала по этой узенькой ленте.

те. Рабочие замерли в напряженных позах. Одно неверное движение — и животное могло бы свалиться в страшную стремнину Ангары.

Но косуля уверенно пронеслась по краю, красиво прыгнула на бетонный настил проезжей части и лихо понеслась к гористой части города.

— Ух, — на весь мост с облегчением вздохнул суровый бригадир бетонщиков и, торопливо сдернув с головы шапку, грубой ладонью обтер лоб: — Не думал, что пройдет... Отчаянное создание!

— А у нас в Приамурье из этих косулей дохи шьют, — сказал какой-то плотник, — теплые дошки получают. Зимой на морозе спи, не остудишься.

— Звери вы амурские, — с гневом вмешалась в разговор работница по укладке торцевых шашек. — Да разве можно такую животину губить! Красоту беречь надо!

КАБАРГА

Кабарга в нашей стране — самый маленький олень. Только у оленей — рога на голове, а у самца кабарги — клыки в пасти. Да еще какие! — иных рогов стоят.

Когда-то большие кабарожьи стада бродили в горах Алтая, Восточной Сибири и Дальнего Востока. Любимыми места-

ми обитания их были альпийские долины, перемеженные горными осыпями, буреломными завалами и светлыми ключами. Но ради кабарожьего пупка, сильно пахнущего мускусом, на это крошечное животное ополчились жадные люди. На кабаргу охотились с ружьями, ставили самострелы, выкладывали петли и устанавливали «лапы» — самые мучительные ловушки, похожие на бороны со стальными зубьями.

Еще в 1930—1932 годах я сам видел в Уссурийской тайге эти зверские средства лова. Но охотников до кабарожьих пупков тогда было уже мало: пупки с мускусом имелись только у самцов, а в «лапы» чаще попадали самки и молодежь, охотиться стало не на кого. Кроме того, местное население само взяло под защиту этого зверька. Неписанный народный закон сделал свое дело: сейчас грациозную кабаргу не редкость встретить в тех местах, где о ней одно время стали уже забывать.

К

ЛОСЬ

ончилась звездная ночь.

На острых осоках широкой заболоченной луговины повисли крупные капли росы. Выглянуло солнце, красное, большое. Роса в его лучах заиграла червонным золотом. Дальше за болотом густо синел лес, под ним в мрачной тени курился светлый туман. Эта долина лежала недалеко от трех Косинских озер, примерно в пятнадцати километрах от Москвы. Рядом тянулось широкое шоссе на Рязань, за ним шла насыпь железной дороги. Несмотря на ранний час, по ас-

фальтированной магистрали в обоих направлениях шел поток автомашин.

И тут совершенно неожиданно со стороны линии железной дороги к шоссе вышел громадный лось с широкими ветвистыми рогами. Он остановился на обочине и удивленно посмотрел на проносящиеся машины. Потом недовольно мотнул головой, вытянул морду, с силой вобрал в ноздри непривычные запахи и огляделся.

Водитель машины с молочной цистерной, шедшей из Рязани, затормозил. Почти одновременно остановился наш грузовик, шедший из Москвы. Перед лосям открылся проход. И лесной великан с достоинством пересек шоссе, прыгнул через канаву и размашистой рысью направился к далекому лесу.

Этот случай произошел летом 1958 года около Москвы. Значит, сколько у нас теперь лосей! А еще лет пятьдесят назад в этих местах лося не было видно. Охота на него не возбранялась — вот и били их, кому захочется. Думали, что лоси, как и в старые времена, плодятся в лесах тысячами.

...Жарким летом 1552 года русский царь Иван Грозный вывел из Коломны столятидесятитысячную армию и двинулся с нею на освобождение Казани. В походах воинов кормили мясом диких животных. Безвестный летописец писал: «Лоси же яко самозваний на закляние прихощаху». Любопытный миролюбивый зверь еще не боялся человека.

В XVIII веке в русской армии была введена новая форма: лосиные шаровары, лосиные камзолы и лосиная амуниция. Носи годами — не порвешь. В лосиное обмундирование одели тридцать три драгунских полка, а позднее в лосиные облачили тяжелую кавалерию — кирасиров. Для этого потребовалось каждый год поставлять на армию десять тысяч лосиных шкур. И на глазах людей великаны нашего леса стали исчезать. Остатки их спасли дремучие леса да топкие болота матушки Руси.

Но уже через сотню лет русский император Павел, службист и деспот, сам убедился, что лосиных шкур взять стало негде. Он отменил лосиную форму драгунам, но оставил ее за тяжелой кавалерией. Истребление лосей, хотя и в меньших размерах, продолжалось.

Да кому было и думать о лосях, если несколько позднее немецкий зоолог

Альфред Брем в своем известном труде «Жизнь животных» с легким сердцем поучал: «Лось — настоящий опустошитель лесов, и для правильного ведения лесного хозяйства он настолько опасен, что, если заниматься лесоводством, согласно требованиям нашего времени, лось не следует разводить, да вряд ли можно и щадить!» Вот ведь до чего договорился ученый муж! Можно сказать, «научную» базу подвел под одно из серьезнейших преступлений против природы.

И только 29 мая 1919 года Советское правительство издало декрет, запрещающий охоту на лосей. Мрачные предсказания Брема не сбылись. Лосей у нас расплодилось столько, что их не диво встретить не только в лесном селе, но и в большом городе. А лесники на них что-то не жалуются.

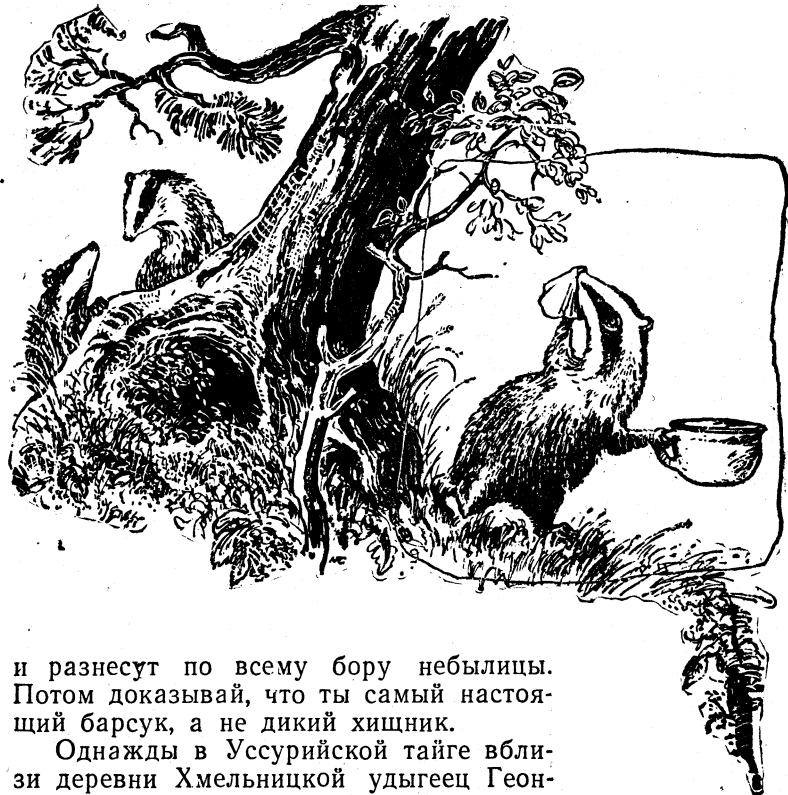
БАРСУК

Какой же увалень, как и медведь, голосом не вышел — хрипит, как поросенок. И, представьте, фамилию носит Куницын. Значит, вышел из куньего рода. Есть такая пословица: «В семье не без урода». Видимо, когда-то родился в этой почтеннейшей меховой семье неповоротливый урод, прозванный потом барсуком. Вот ведь как иногда бывает на белом свете.

Может быть, от обиды на свою дальнюю родню барсук недоверчив, угрюм и предпочитает жить отшельником. Даже свою единственную жену — барсучиху часто покидает. Живут с ней в одной норе, но в разных отнорках.

В характере барсука есть одна интересная черта и, нужно сказать, положительная. Любит этот зверь чистоту. К примеру: свою уборную от жилой норы обязательно сделает далеко в стороне.

Место для своей норы-квартиры барсук выбирает на отшибе, вдали от звериных и человеческих троп — где-нибудь на склоне оврага, лога или в насыпях старых угольных ям. И строит нору так, чтоб вход был прикрыт кустарником, чаще густого подлеска или лесными завалами. Не терпит барсук чужого взгляда. Еще высмотрят его подземный дворец лесные сплетницы сороки да сойки

и разнесут по всему бору небылицы. Потом доказывай, что ты самый настоящий барсук, а не дикий хищник.

Однажды в Уссурийской тайге вблизи деревни Хмельницкой удыгеец Геонка Сунцай, с которым я охотился, (а он когда-то был одним из проводников Владимира Клавдиевича Арсеньева), нашел барсучью нору. Земля еще была талая, Сунцай стал ее раскапывать, и в норе мы добыли старую барсучиху с тремя взрослыми барсучатами и одного енота.

Удыгеец удивленно развел руками.

— Первый раз такой вижу, чего-то еноту в чужом доме надо? Наверное, зима холодный будет!

Хотя барсук животное ночное, живет все время под землей, но без солнца обойтись не может. Профессор Мантейфель рассказывал, что юные натуралисты Московского зоопарка, ведя наблюдение за барсуками, заметили, как в ясные дни по утрам барсучиха выносила из норы на свежий воздух своих детенышей и укладывала их под кустами и под деревьями, но обязательно в такие места, куда бы сквозь листву проникало солнце. Солнечные ванны барсучатам нравились — они лежали спокойно и довольны.

Осенью, перед зимней спячкой, барсук быстро отъедается на ягодах, на грибах, на фруктах, на сладких корешках и очень жиреет. Может быть, поэтому осенний жир его богат витаминами и питательными веществами. Охотники давно считают жир барсука целебным. Хранят

его обязательно в стеклянной или деревянной посуде. Сначала растапливают на легком пламени или в кипящей воде, а потом сливают. Зимой, когда ударят морозы, достаточно наложить на лицо, на руки, на уши тонкий слой барсучьего жира — и гарантировать себя от обмороживания. Им же охотники смазывают легкие раны, уверяя, что помогает заживлению.

РЫСЬ

Рано утром встретил в лесу след. Определил — рысь. Пошел дальше и, как по книге, прочитал лесную новеллу.

Застыл глухой лес. Ярko заулыбался месяц. В небе замелькали прозрачные звезды. Утих озорной ветер. Где-то в глухом овраге продолжает звенеть торпливый ручей, пытаясь сбросить с себя ледяную корку.

Из чащи, крепко держась на пушистых ногах, вышла на охоту рысь. Ночь — ее время, ее пора. Весь короткий зимний день она отдыхала, удобно устроившись в развилке толстых сучьев старого дуба. Снег был не глубок, хотя часто попадались сугробы. Зверь шел осторожно, поминутно прислушиваясь. У него то и дело вздрагивали кисточки на ушах. Вдруг рысь напряжилась... скачок... и жалобный крик зайца на минуту разорвал безмолвие леса. Хрустя костями, хищница тут же закусилa, оставив на снегу одни заячьи лапы. Сытая, пошла дальше.

Перед моховым болотом в снегу услышала птиц. Без ошибки прыгнула, и в ее когтистых лапах забился громадный

глухарь. У птицы она отъела только голову, а тушку бросила на своей тропе. На вырубке, под старыми березами, в сугробе опять услышала птичий шорох. Любая птица ночью обязательно пошевелится: то засунет глубже голову под крыло, а то переступит с ноги на ногу, а этого для слуха рыси достаточно. Здесь она придушила молодого косача. У тетеревенка оторвала только одно крыло. Вот негодяйка — ведь сыта была до предела, а своей кровавой привычки не могла бросить!

Вскоре вышла на край озимого поля. Тут жировал русак. Старый зайчина так увлекся зелеными стебельками ржи, что и крикнуть не успел, как на него прыгнула хищница. Облизала горячую кровь и вернулась в лес.

Вот так еженощно и разбойничает этот ловкий и сильный зверь. Рысь не любит падали, ей подавай все свежее, с теплой кровью. Нападает она и на диких коз, не останавливается, чтобы не прыгнуть на загривок оленя и даже лося. Опасный это хищник в наших лесах.

Если встретите в лесу рысь — не жалейте на нее патрона.

В. КИРЮШКИН.

Художник
Ю. ЕФИМОВ.

РАССКАЗ

Матвей Павлович Гусев шелкнул по тупому носу дракона, стоявшего у него на письменном столе:

— Каменное литье. Хочешь подарю?

— Зачем он мне?

— Увезешь на память о Сахалине. Оригинальная скульптура. Между прочим, ты можешь бросать ему в пасть мелочь. Двести-триста рублей пятаками поместится. Отличная копилка.

— Если бы мне было лет десять,— возразил я.

— Подаришь сыну.

— Он ему сразу же голову отшибет.

— Дочке.

— Она испугается, расплатится.

— Никто не берет,— вздохнул Матвей Павлович.— Каждому гостю предлагаю. В музей, что ли, его свезти?

— Разве он тебе мешает?

— Жена сердится. Убери, говорит, своего каменного идола: в комнату боюсь ночью войти. Сколько лет прошло после того случая, а Ирина все забыть не может. Сильно ее напугал тогда японский домовый.

— Японский домовый?.. Это еще что такое? И причем же здесь дракон?

— Хитер!— усмехнулся Матвей Павлович.— От подарка отказываешься, а историю вытягиваешь. Нет, бери все вместе. Хорош все же зверина,— он снова шелкнул по тупому носу дракона, и тот отозвался глухим звоном.

— Да... с непривычки испугаться можно,— протянул я, разглядывая фантастическое чудовище.

Искусно отлитый из какого-то красноватого камня, дракон походил на большущую, изогнувшуюся в яростной схватке кошку. Но на том его сходство

Домовой с ДРАКОНОМ

с кошкой и кончалась. Массивная голова с ошеренной пастью, из которой торчали ножевидные клыки и лопатообразный язык, напоминала голову бульдога с львиной гривой. Грива скрывала почти половину туловища на мощных, когтистых лапах. Под коленными сгибами, словно языки пламени, изгибались странные отростки — не то волосы, не то перья. А на хвосте, более длинном, чем сам дракон, птичьи перья торчали по сторонам от основания, от крупы, подобного

крупы битюга, до самого конца. Хвост изгибался к голове и взметывался парусом, нижняя часть покрыта выпуклыми завитушками, а верхняя — волнистыми линиями. Из-под рубчатых, нависших бровей зловеще мерцали зеленоватые стеклянные глаза.

— Ладно, возьму я твоего дракона — буду пугать им литературных критиков, — сказал я, чувствуя, что иначе не узнать мне никакой истории. — Рассказывай!

Дом Матвея Павловича стоит в живописном рыбацком поселке, что раскинулся на зеленом пригорке у прозрачного ручья. Ручей шумно сбегает к морю из распадка сопки, протянувшихся крутой цепью вдоль берега. Улица поселка идет по берегу, который плавно понижается в отлогий триплесок, где мерно рокочут волны прибоя.

Волны докатываются до берега ослабленными — разбиваются о каменные рифы, зубчатой грядой торчащие из воды. Меж рифами и берегом густо разрослась морская капуста и другие водоросли. Десятка полтора лодок постоянно работает здесь. Люди в них то и дело наклоняются и вытаскивают из глубины длинные ленты листьев, похожие на рыбу.

Морскую капусту срезают под корень серпами, привязанными к палкам, потом сушат, связывают в пачки. Это очень полезное растение. В нем йод и другие вещества, вылечивающие от базедовой болезни, не допускающие зоба. Рекомендую морскую капусту употреблять в пищу, в частности уральцам, которые, как известно, живут в безйодной зоне.

Домик Матвея Павловича вроде наблюдательного пункта, из окна виден весь поселок. Сразу понятно: председатель колхоза живет в домике.

— Жил на другом месте, да пришлось сюда переехать. Дракон виноват, — сказал Матвей Павлович.

Опять — дракон! Я начинал терять терпение. Наконец, Матвей Павлович рассказал:

— В сорок седьмом здесь не было ни электричества, ни радио, не было ни одного из тех зданий, которые ты видишь. Японцы с острова эвакуировались к себе на родину, оставив свои рыбацкие

поселки. Приехали сюда, мы. Огляделись, почесали затылки, видим: не сподручно нам таким манером прозябать, как японцы здесь жили. Все у них не по-нашенски, все на легкую руку построено, временно. Видать, понимали, что рано или поздно придется Южный Сахалин вернуть нам.

Дома у них были сборные, из тонких дощечек, стены двойные, а засыпки нет. Между стен ветер гуляет. Двери раздвигай-задвигай, вроде — в вагонах метро. Хозяйки наши носы повесили. Здесь еще и отопление было несподручное — чугунные печки самых разнообразных систем для каменного угля. Уголь-то можно в горе ковырять рядом с поселком, целыми пластами наружу выходит. Только нам эти печки ни к чему, такими мы во время гражданской войны отапливались, буржуйками их звали.

Мы навечно селились и сразу начали перестраивать все на свой лад. Прежде всего дома утепляли да складывали кирпичные печи. А осень в том году выдалась свирепая, ветер с ног валил, дожди без конца хлестали. За день на работе притомишься, а дома и обогреться негде, разве лишь по-японски — на корточках возле чугунной буржуйки. В общем, многие у нас тогда стали приздумываться, поговаривать о возвращении в Приморье. Первым удрал председатель колхоза, по болезни, хотя болезнь у него была застарелая и на Сахалине мешала ему не больше, чем в Приморье.

Вот тогда-то меня и выбрали председателем колхоза. Давай, говорят, принимай бразды правления. Ты, парень, все огни и воды прошел, старшина, при орденах и грамотешка есть. Я боялся — не справлюсь, но проголосовали единогласно при одном воздержавшемся.

И тут у нас в поселке открылось одно нехорошее явление. Илья Залетин, старый-старый сетевой мастер, оказался религиозным деятелем. Хороший был мастер, любой невод построить мог, сети посадить или отремонтировать умел, а втихомолку сколотил из отсталого элемента секту адвентистов седьмого дня. Сам стал у них священнослужителем, просвитером, как они называли. Мы поначалу посмеивались, не принимали этого всерьез, величали в шутку Залетина Ильей-пророком — только и всего. Но секта обосновала свой молитвенный дом

в квартире Залетина, и пошли у них моления, а в колхозе недоразумения.

В субботу адвентисты перестали работать, поскольку Залетин объявил им, что бог сотворил мир в шесть дней, а седьмой назвал субботой и сделал его выходным. Мы в субботу работаем, а они песнопения закатывают, аж на весь поселок слышно. В воскресенье у нас отдых, а они работать готовы. Так и стали сектанты отдыхать по два дня в неделю, прямо как во второй семилетке. Но о пятилетках и семилетках они, конечно, не думали, а начали распускать слух, что близится конец света, и остров Сахалин первым под воду провалится, поскольку он в море-океане стоит. И делали, мерзавцы, вывод, что надо бросать колхоз да возвращаться поскорее в Приморье, чтобы встретить конец света на материке. Понимаешь? А Сахалин, стало быть, японские империалисты снова хапнут?

Несколько семейств начали готовиться к отъезду. Осень была. Непогода. Однажды ударил с моря такой свирепый ветер, что за ночь ободрал несколько крыш и повалил помещение, где мы хранили снасти. Утром мы взялись порядок наводить, склад восстанавливать. Я вместе со всеми рыбаками, засучив рукава, работаю — топор не привыкать в руках держать. Дело спорится. А молельщик сектантский Залетин подходит и говорит с ухмылкой:

— Вас, товарищ председатель, в правлении семейство Хвостовых дожидается, поскольку у них в доме черти завелись.

— Слушай, — говорю, — Илья-пророк, мне некогда шутки шутить.

— Какие там шутки! Марфу Ивановну ночью японский домовый душил. Длань чертова у нее на горле отпечатана, вроде нашей колхозной печати. Сам зрел. Похоже, японцы-то эвакуировались, а своих домовых нам оставили.

— Жаль, что тебя домовый не задавил.

— На все воля божья, — ханжески потупил глаза Залетин. — Сказано в священном писании: волос с головы человека не упадет без воли божьей.

— Ты мне не по священному писанию, а по здравому смыслу скажи — существуют ли домовые?

Пока наш Илья-пророк, Залетин, думал, что ответить, пришли Хвостовы,

всем семейством в полном боевом составе во главе с Марфой Ивановной, высокой, худущей старухой. Два сына и муж у нее на фронте погибли, вот ее плохота и одолела. За ней гуськом три дочери на полголовы ниже и на годик младше одна другой, а замыкающим — двенадцатилетний Петька, паренек хоть куда, бойкий, сметливый и проказливый. На лицах женского состава удрученность, а Петька глазами туда-сюда зыркает, смущается.

— Давай, председатель, другую квартиру, — с ходу взяла меня в оборот Марфа Ивановна. — Не можно в этой жить. Изводит нас окаянный.

Перебивая друг друга, затараторили и девчата:

— Боги японские ночью ходят, стонут, плачут!.. Домовой посуду бьет!.. Одеjala стаскивает, водой обливает!..

— Стыдно, девушки, — говорим, — ведь вы же все учитесь. Знаете, что никаких домовых нет.

— Так то у нас нет, — серьезно возражает младшая, Катюша. — А здесь, у японцев, может быть, они водились.

Вот и поговори с ними. Вижу, что Илья-пророк успел уже и здесь подпустить свою теорию.

— Нашенский или японский домовой — не знаю, — говорит Марфа Ивановна. — Только сегодня ночью он меня совсем было придушил. Вот!..

Она распахнула шубенку, и мы увидели у нее на шее четыре синяка слева и один большой — справа! Отпечатки крупные, их могла оставить лишь рука взрослого человека.

— Как схватил меня!.. Последний раз, говорит, предупреждаю, чтобы ты покинула этот дом. Уезжай, говорит, не медля...

— Значит, ты его видела, Марфа Ивановна?

— Видела, — уверенно произнесла Марфа Ивановна. — Он меня еще там, на материке, по ночам душил.

— Выходит, ты домового-то с собой привезла, — насмешливо заметил ей бригадир Черемных и добавил серьезно: — Я про таких домовых читал. Астма у тебя, Марфа Ивановна, и в припадке удушья ты сама себе горло терзаешь. Будь добра, возьми себя правой рукой за шею. Вот как! Видите, товарищи, ее пальцы в аккурат на синяк приходятся. Вот вам и домовой собственной персо-

ной. Лечиться надо, Марфа Ивановна, лечиться.

Такой галдеж поднялся — до сих пор в ушах звенит. Хвостовы настаивают: домовой и все. Рыбаки над ними хохочут, а они плачут. Кроме Петьки, который под шумок хотел было улизнуть, но я его задержал:

— Скажи, Петя, почему ты такой трус? Отец у тебя герой и братья — герои, с фашистами сражались, а ты вроде зайца.

— Кто? Я трус! — возмутился Петя. — Да я!.. да я!..

— Да. Ты темноты боишься. Когда тебе показалось, будто на кухне домовой, ты посуду с перепугу разбил.

— Так-то — кочерга, она меня как жажнет!.. — проговорился Петька.

Все захохотали еще пуше.

— Бывает, — говорю, — бывает, что и кочерга стреляет, когда на нее наступишь. А сестер своих ты как обливал? Выходит, ты и есть домовой?

Петька вырвался и — бежать, только пятки засверкали. Рыбаки ему вслед кричат: стой, стой, куда ты, дедушка домовой! С тех пор пристало к парнишке прозвище — домовой, Петька-домовой.

А Марфа Ивановна уже из упрямства — ни в какую. Убеждения на нее не действуют. Давай, председатель, другую квартиру и все тут.

— Посуди сама, Марфа Ивановна, где я возьму другую квартиру, когда все заняты? — втолковываю я. — Разве кто поменяется с вами. Вот хотя бы Залетин. Илья-пророк — человек божий, его никакой домовой не обидит.

— Мне и на старом месте хорошо, — отвечает Залетин. — А вот вам, товарищ председатель, следовало бы поменяться. К правлению ближе.

Смотрю, все рыбаки ожидают, буду ли я кого другого уговаривать или сам покажу пример сознательности. Эх, думаю, не поменяюсь — сосчитают, что испугался домового.

Вот и переселился. Домик ничего. По всем признакам, при японцах здесь не жили, а была буддистская, или какой-нибудь другой религии молельня. В углу на тумбе и стоял этот дракон, отлитый из камня. Я было попытался его убрать, но он оказался привинченным вместе с тумбой к полу.

В первую же ночь, только разоспался — слышу, жена толк меня в бок:

— Вставай, Матвей, вставай.

— Зачем?

— Слышишь, кто-то ходит. Боги японские...

Прислушался. Что за диво? По полу — шлеп, шлеп, шлеп — ни дать, ни взять, босыми ногами.

— Дощечка где-нибудь отодралась, ветром ее бьет, — объясняю я.

— А это тоже дощечка? — шепчет жена, а сама ко мне жметяся.

Слышу в комнате, чуть ли не рядом, кто-то тихо застонал, заплакал, а после как завоет истошным голосом. Мороз по коже! Но я ведь твердо знаю, что никаких чудес и домовых нет. Встал, зажег свет. Смотрю — никого.

Кое-как успокоил жену, потушил лампу. Минуты не прошло — снова: шлеп, шлеп, шлеп! Будто человек на одном месте топчется, и опять — застонало, завывало, еще пуще прежнего. Зажег свет, осмотрел весь дом — опять никого.

— Стены пустые, ветер в них залезает через какое-то отверстие, — продолжаю я развивать свою теорию, — отодранной дощечкой хлопает, воет.

— Умная у тебя дощечка: когда свет, не шлепает, а в темноте ходит.

Я разозлился. Снял с гвоздя охотничий карабин, сунул жене в руки:

— На! Для самообороны. Потушим свет, и, если снова начнется, сиди, не двигайся. А я попробую найти, откуда эти звуки идут.

Погасил свет. В темноте опять та же какофония началась. Прислушивался, прислушивался — не могу определить, из какого угла все это доносится. Резонанс, что ли, такой, что, кажется, отовсюду звуки раздаются. Зажег свет — стихло. Погасил — все сначала. Вижу, слепые силы природы, вроде ветра, здесь ни при чем. Обязательно человек помогает. Когда свет выключаю, кто-то пускает в ход какую-то хитрую механику.

Говорю Иринке:

— Ты продолжай светом баловать, а я выйду из дому — погляжу.

Тыльная стена дома — над самым овражком, где ручей бежит. Вижу, там кто-то к стене прижался. Я притаился за углом, жду, что будет. Свет в окне погас — человек потянул за что-то вниз. Даже прошуршало — будто проволока или твердая веревка. Свет в доме зажегся — человек снова дерг рукой.

В свете от окна я и разглядел. Старик Илья Залетин — наш Илья-пророк орудует.

— Привет, — говорю ему, — японский домовый! Ты как — на империалистов или на заграничных религиозников работаешь?

Илья-пророк мгновенно метнулся в сторону, скатился в овраг и исчез. Я — за ним. Слышу впереди — шум, ругань, возня. Подбегаю, а на Илье-пророке наш бригадир Черемных сидит, тот, что Марфе Ивановне про астму объяснял:

— Принимай, председатель, домового, — сказал Черемных, посмеиваясь. — Я его с вечера в овражке караулю.

На той же неделе этого схваченного с поличным домового, то бишь Илью-пророка, судили выездным судом у нас в поселке. Старухи, конечно, увидели, каков их вожак, пресвитер, благовестник. С той поры перевелись у нас и домовые, и сектанты.

Вот и вся история.

— Позволь, Матвей Павлович, — воскликнул я. — А дракон?

— С ним мы в то же утро разобрались. Механика оказалась хитрой, и не Илья-пророк ее придумал, а еще японцы. На крыше дома вертелся флюгер своеобразной конструкции, хотя внешне обычный, конусный. В нем нашли целый механизм, от ветра дающий разные звуки. К флюгеру шла тонкая проволока, упрятанная в желобке на стене. Стоило потянуть — механизм приводился в действие, в ветреную погоду, конечно. Второй раз потянешь — стоп машина. От звукового механизма медная трубка была проведена в комнату, в пустотелое нутро дракона, он, вроде рупора, все звуки и усиливал.

Мы стояли у окна, на котором теперь красуется дракон. Матвей Павлович показал в море, где по сверкающей глади, за грядой зубчатых рифов шел белый сейнер — моторное рыболовецкое судно.

— Вот этим сейнером и командует Петр Исаевич Хвостов, бывший озорник Петька, единственный домовый, оставшийся в нашем поселке. Добрый рыбацкий капитан из него получился.

Задумчиво помолчав, Матвей Павлович повернулся ко мне:

— Слушай, друг ты мне или нет?

— Друг, конечно.

— Тогда ты все-таки не бери дракона. Оставь мне его на память!

КАК
это
Почему

КАК
это
Почему

КАК
это
Почему

НА РОДИНЕ ПЯТАКА

В нашем квартале сносили старый дом, чтобы вместо него построить новый, большой. Когда взломали пол, то среди всякого мусора мой брат, плотник, увидел старинную монету. Он принес ее мне, зная, что я собираю коллекцию. Это был пятак 1789 года, но какого-то неизвестного мне происхождения. Я знаю монеты с буквами ЕМ (Екатеринбургского монетного двора), КМ (Колыванского), ММ (Московского), СПб (Петербургского), а буквы АМ встретились мне впервые. Помогите узнать, где сделан этот пятак?

Олег Векшин, г. Оса, Пермской области.

Родина монеты, что попала в коллекцию Олега Векшина, совсем недалеко от него. Это — село Аннинское. Оно всего лишь в 50—60 км по прямой от Осы. До недавнего времени село входило в состав Калининского района, а теперь после реорганизации — в Кунгурский. Я давно собираю материалы о прошлом и настоящем моих родных мест и поэтому рад, что могу помочь Олегу в ответе на интересующий его вопрос.

...Ровно двести лет назад, в июне 1760 года, на берегу неширокой и неторопливой речки Бабки возник небольшой поселок. Проведав о богатых медью залежах песчаников на пожалованных ему незадолго до этого обширных землях, генерал-аншеф граф И. Г. Чернышев задумал поставить здесь медеплавильный завод. Но опытный царедворец и неплохой войска, Чернышев оказался плохим хозяи-

ном. Через десять лет за долги владельца завод был взят в казну.

Что творилось на заводе при графе Чернышеве и при казенном управлении — все благополучно скрывала тайга.

А каково жилось работным людям, об этом красноречиво говорит хотя бы вот такой документ, встретившийся мне в Государственном архиве Свердловской области. В «Росписи служителям, не могущим быть в работе», сообщается: «...Макар Житушкин пал с фабрики и руку изломал, к тому же в прошедшее замешательство (имеется в виду пугачевское движение.— Е. К.) будучи на сражении, ранен, и пуля в боку поныне... Федор Долгих — у правой ноги персты при выпуске меди обожжены, и ходить не может, затем, что персты не гнутятся».

Недаром аннинские мастеровые одними из первых в этом краю примкнули к бунтарским войскам Емельяна Пугачева.

ДОРОГОЙ СЛЕДОПЫТ!

Когда я прочитал в журнале научно-фантастическую повесть Б. Фрадкина «В поисках бессмертия», у меня возник вопрос, а можно ли вообще создать искусственное сердце, или это чистый вымысел писателя?

М. Донских,
Красноуфимск.

ИСКУССТВЕННОЕ СЕРДЦЕ

С остановкой сердца прекращается жизнь. И сердце человека долго оставалось единственным органом, к которому не рисковала прикасаться рука хирурга. За последнее время научились ушивать раны в сердце, извлекать пулю из его мышцы. Не так давно хирурги проникли внутрь сердца, приспособились расширять суженные болезнью отверстия клапанов. Много спасено жиз-

ней, много длительно болеющих возвращены к труду.

И только оставались дети с врожденными пороками сердца. Казалось непреодолимым препятствие внутри сердца, затрудняющее приток крови к легким, где она обогащается кислородом. Чтобы устранить порок, нужно остановить и раскрыть сердце. Но ведь его остановка — это смерть!

На помощь хирургам при-

шли инженеры. Они создали аппарат, который взял на себя работу и сердца и легких больного. Аппарат состоит из двух узлов. Основной узел — столик, названный оксигенатором (от слова кислород — кислород). В нем вращающийся вал, несколько секций с дисками из нержавеющей стали. Кровь, стекая по дискам этого прибора, встречается с кислородом, поступающим из баллона, и насыщается им.

Обогащенная кислородом кровь в специальном резервуаре на дне столика подогревается лампами, а мотор нагнетает ее в артерию больного через специальную пластмассовую трубку. Отработанная кровь поступает из организма в аппарат самотеком также через пластмассовые трубки, вставленные в крупные вены, в те, что выпадают в сердце.

Видя настроение рабочих, горнозаводское начальство еще до подхода пугачевских отрядов, в январе 1774 года решило: «При Аннинском заводе у служителей и обывателей имеющиеся сабли и копыя отобрать». Зная, что в руках русского мужика и топор может стать грозным оружием, начальство распорядилось отобрать и топоры. На каждые пять дворов было оставлено по одному топору, остальные закрыты до поры до времени в амбарах.

Вот этот-то далекий таежный заводик и был 23 января 1789 года преобразован во второй на Урале Монетный двор.

Просуществовал он что-то около десяти лет, а потом содержание его нашли невыгодным. Часть опытных мастеровых отправили на Екатеринбургский монетный двор, часть на Березовские золотые прииски, а часть уволили.

Медеплавильный заводик работал еще с перерывами лет тридцать, а затем, за полным истощением медных руд, был закрыт. Недавние рабочие стали хлеборобами, лесовиками, многие ушли в «отхожий промысел» — аннинские стекольщики славились по округе. В 1833 году Аннинский завод переименовали в село

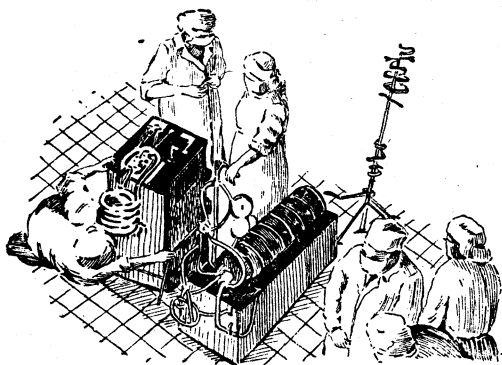
Аннинское. Но многие и посейчас зовут его Бабкой (по имени реки).

Теперь в селе — отделение укрупненного колхоза имени Калинина. У него свыше 32 000 гектаров земельных угодий, 33 собственных комбайна, 62 трактора, 38 автомашин. С колхозными полями в этом районе граничит «егерский участок» — заказник, площадью в 11 тысяч гектаров. Он образован по решению местного райсовета депутатов трудящихся для охраны и восстановления местной фауны.

*Евг. Курочкин,
учитель Калининской средней школы
Кунгурского района, Пермской области.*

Во втором узле аппарата — насос для откачивания крови из полостей сердца и возвращения ее в оксигенатор. Перед операцией он заполняется заранее приготовленной кровью, она смешана со специальным раствором, чтоб не свертывалась.

Идет операция. Включен аппарат. Несколько минут работает искусственное сердце и собственное сердце больного одновременно. После того, как организм привыкает к новым условиям движения крови, и врачи убеждаются, что аппарат работает правильно, живое сердце останавливают и прекращают дыхание. Жизнь оперируемого поддерживается аппаратом. Хирурги рассекают сердце и спокойно, не торопясь, а не на ощупь, устраняют в нем препятствия к правильному движению крови.

Порок ликвидирован. Сердце сшивают, заполняют кровью. Но оно еще не сокращается. Хирург начинает ритмично сдавливать сердце рукой — и появляются первые слабые сокращения, вернее судорожные подергивания. Тогда через сердце пропускается электрический ток высокого напря-

жения — несколько тысяч вольт. Сердце вздрагивает, начинает нормально биться. В этот момент включается и дыхание. В искусственном сердце больше нет необходимости, и аппарат выключают.

С момента остановки сердца проходит более получаса. Операция окончена. Больной проснулся. Даже при беглом взгляде бросается в глаза румянец на щеках, глубокое, хорошее дыхание. Жизнь спасена.

Сердечная хирургия прочно входит в жизнь, а хирург продолжает мечтать. Он ясно видит то время, когда можно будет полностью заменить больное сердце здоровым.

На рисунке: аппарат — искусственное сердце.

З. Борисов.

Уважаемый Следопыт! Я внимательно читаю «Уральский следопыт», и мне очень хочется начать писать в журнал. Нет, не прямо сейчас, а через несколько лет, предварительно подготовив себя к этому.

Прошу ответить мне, но не о том, каков труд писателя (по этому вопросу в библиотеках есть много всяких книг), а о том, каким сам должен быть литератор-следопыт.

Очень интересно знать, кого из писателей вы считаете примером, достойным подражания для тех, кто хочет быть вашим корреспондентом.

Я нарочно ничего пока не сообщаю о себе, т. к. еще сомневаюсь, пригоден ли я для такой будущей деятельности. Посоветуйте, пожалуйста, что-нибудь.

*Борис Коростелев.
Омск.*

МЕЧТАЮЩЕМУ СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ

Дорогой Борис! Ваше письмо недостаточно обдумано вами. Вы с некоторой наивностью, напористо и прямолинейно желаете «попасть в литературу». Для этого, конечно, мало «брать пример» с того или иного писателя. Нужен талант, нужно горячее сердце, подсказывающее, о чем писать, чтобы сослужить своему народу хорошую службу.

А примеров жизни писателей, которую можно взять себе, как путеводную звезду в литературной работе, много. Вспомните хотя бы своего тезку Бориса Житкова (1882—1938 гг.), одного из основоположников советской литературы для де-

тей и юношества, ученика А. М. Горького. Литературную деятельность он начал в 1924 году уже сложившимся человеком, успевшим овладеть самыми разнообразными профессиями. В литературу он принес обширный запас точных знаний, опыт искусного моряка и активного участника революционных боев в 1905 году. Вся его неумемная жизнь — пример, достойный подражания.

Считая, что это небезынтересно прочитать и всем нашим читателям, печатаем в ответ Борису Коростелеву отрывок из монографии о Борисе Житкове молодой журналистки Ларисы Исаровой и отрывок из воспоминаний Корнея Чуковского.

Борис Степанович Житков не мог пройти мимо любого дела, не приложив к нему жадных рук, не поделившись с окружающими своими мгновенными придумками, советами, знаниями. Он воспринимал как личное оскорбление недостаточный интерес к своему делу со стороны тех, кто им заправлял по штату. Если человек, отсидев положенное по часам время на работе, отключался от нее совсем, для Житкова он становился неполноценным существом.

Был он из людей — хозяев земли. Но есть в жизни хозяева только дома, в семье: поправят криво лежащую скатерть, не по их нраву сказанное слово, все

БОЛЬШОЙ

вокруг себя расставят добротню и симметрично, сядут при случае верхом на ближних — дескать, я добра хочу, да и знаю лучше.

А бывают настоящие неумемные люди. Им всего мало. И одного дела, и интересов только своей семьи, и одного тесного кружка влюбленных последователей, даже ровного счастья, коли оно — от и до. Им надо познать душу человеческую, и судьбу людей, и эволюцию человеческой культуры (Житков мечтал написать кни-

у об истории материальной культуры от изобретения огня до Мичурина), и мир без границ и рамок.

Интересы Бориса Житкова с детства многообразны. Революционная работа в строго запрещенном царскими властями большевистском Союзе моряков. Учеба в гимназии. Поступление в университет. Самозабвенное увлечение фотографией, балетными спектаклями. И — морем, морем, морем. Он вечный путешественник и участник самых разнообразных дел.

После окончания университета две кафедры — химии и ботаники — предлагают ему остаться работать. Но Житков уезжает в экспедицию по Енисею как матрос и ихтиолог. Потом — занятия в политехническом институте на кораблестроительном отделении, практика на механическом заводе, плавание на парусниках в Средиземном море, кругосветное путешествие, служебные поездки на Север. Большую часть первой мировой войны мичман Житков проводит в Англии, принимает моторы для русских самолетов и подводных лодок.

Вернувшись в Одессу, Житков восстанавливает свои революционные связи, снова перевозит оружие, скрывается от белых. Сразу после освобождения Одессы он работает в сельскохозяйственной школе, на рабфаке.

И, наконец, в 1924 году Житков внезапно для всех становится писателем. Он, очень бывалый человек, со сложившимися взглядами и вкусами, был захвачен народным энтузиазмом. Молодое поколение, чувствующее себя первооткрывателем истинного человеческого счастья, вдохно-

ЧЕЛОВЕК

вило и Житкова. Перед ним открылся вдруг простор для осуществления фантазий, мечтаний, организационного размаха. Пришло упоение от сознания, что его слова, мысли нужны всем людям, взбудораженным, наэлектризованным романтикой новых идей и необычайной жизни. Ведь это было время культа нового: новых отношений, новых идей, новых наук, новых слов.

И Житков со всей страстью и темпера-

ментом начал писать, работая в редакции одного из интереснейших журналов того времени с забавным названием «Воробей» (позже переименован в «Нового Робинзона»). В нем собирались подлинные энтузиасты советской литературы для детей.

Сложности восстановительного периода после гражданской войны отразились и на литературе для детей. Старые дореволюционные книги были сметены волнами новых интересов, новых вкусов. Храбрость, решительность, подчас беспощадность с подлинно революционных позиций двигали такими писателями, как Житков.

Роль строителя, воспитателя и садовника на заброшенном пустыре детской советской литературы захватила и пленила Житкова. Вместе с С. Маршаком, К. Чуковским, позднее с И. Шориным, Л. Пантелеевым, С. Григорьевым, В. Бианки, А. Гайдаром и другими первооткрывателями в этой целинной области он начал создавать настоящую советскую детскую книгу.

Удивителен тот задор, азарт, с каким Житков кинулся в защиту детей от взрослых, считающих их сахарными пупсиками и питающих их ум суррогатами знаний, идей, чувств, вместо подлинной правды жизни и искусства.

Он воевал со многими: с критиками, воспевающими нуднейшую «полезную» книгу, с учителями, требующими «орудий обработки» детей под некий педагогический эталон, с родителями, мечтающими о книжке-«гвозде», которая прибьет их к месту, чтоб они не путались под ногами, и даже со слишком умненькими, благоразумными пионерчиками, малолетними «прозаседавшимися».

И во все, во все он «встревал»: в работу детских журналов «Нового Робинзона», «Чижа», «Сверчка», «Пионера» и т. д. (без штата, без зарплаты, просто так, от интереса и азартности преобразо-

вателя жизни, энтузиаста-скульптора, мнушего в свободную минуту глину в руках, так как чешутся пальцы без ежесекундной работы).

Он помогал множеству друзей-писателей. Работал и в театре, и в кино, и в детских энциклопедиях, в серии для малограмотных. Пробовал себя в самых разнообразных жанрах. Рассказы для подростков, повести, рассказы для дошколят, детская энциклопедия, детский очерк, статьи, пьесы, сценарии, роман, самоделки, книжки для вырезывания — одно перечисление занимает сколько места.

Особенно увлекался Житков научно-популярным жанром: шли 20-е годы, нужно было спешно, ударным порядком приобщать массы к культуре — к науке и технике. К ней жадно тянулись и читатели, и писатели.

А у Житкова с детства была влюбленность в технику. Злило его, что человек «в поте лица своего должен добывать свой хлеб». И он всегда гордился малейшей возможностью раскрепощения человека, радовался, торжествовал и старался передать такое же чувство людям.

Но его интерес к технике не был меха-

нистичным, за ней он постоянно видел человека. Житков понимал, что любые знания только тогда принесут пользу детям, когда учиться будет радостно, трепетно и победно и «зачешутся мозги и руки».

И в своих книгах он старался показать читателю обязательно драматизм жизни человека научной мысли (трудности только зажгут ребят).

А главное. Житкову удавалось то, что ныне предмет мечтаний и бесконечных разговоров, — вызвать симпатии ребят к физическому труду, подарить ему радость от познания возможностей рук своих и возможностей человеческой мысли.

Борис Житков писал для детей, создавая реалистичную мировоззренческую детскую книгу. Он не уводил детей в мир отвлеченной фантазии, а знакомил с вещами и событиями, которыми была наполнена жизнь вокруг, стараясь помочь в ней разобраться.

Он был большим человеком, большим писателем, сложным и противоречивым. Верный друг, кристально честный товарищ, болезненно принципиальный, страстный работник и хозяин жизни, энтузиаст многих профессий, особенно литературной, — таким был Житков.

ТАК РОЖДАЮТСЯ

Весной 1897 года, когда мне и Борису исполнилось пятнадцать лет, он пришел ко мне и своим заговорщическим шепотом предложил собираться в Киев.

— В Киев?

— Да. Пешком. Вот по такому маршруту. — И он показал мне карту, которую достал у Степана Васильевича.

У меня было три рубля, у него — рублей семь или восемь, мы достали две бутылки для воды (была фляга, но она протекала), купили два больших калача, моя мама дала нам наволочку с сухарями и вареными яйцами, мать Житкова снабдила нас пирожками и брынзой, и на следующий день, на рассвете, мы двинулись в путь.

Предварительно была составлена бумага, в которой определялись наши взаимные отношения во время всего путешествия. Мы должны были не расходиться в дороге ни при каких обстоятельствах, делить всю еду пополам и т. д.

и т. д. И был еще один пункт, который вскоре оказался для меня роковым: во всех затруднительных случаях я должен беспрекословно подчиняться Житкову как своему командиру. Если во время пути настоящее правило будет нарушено дважды, наша дружба кончена на веки веков.

Я охотно подписал эту бумагу, не предвидя, какими она чревата последствиями.

И вот под утренними звездами мы бодро шагаем по пыльным предместьям Одессы и к восходу солнца выходим на Николаевский шлях. Солнце печет нещадно. На спине у каждого из нас по мешку, на поясе по бутылке с водой, в руке суковатая палка.

Житков шагает четко, по-военному, и я, чувствуя, что он никогда не простит мне, если я обнаружу хоть малейшую дряблость души, стараюсь не отставать от него ни на шаг. В самый зной, опять-таки по расписанию Житкова, мы оты-

скалы неподалеку от дороги глубокую балку, где и прилегли отдохнуть. Но не прошло и часа, как мы были разбужены громом.

Гром гремел в тысячу раз громче обычного, молнии сверкали одна за другой непрерывно, а ливень превратил всю дорогу в сплошную реку. Укрыться от дождя было негде. Житков скомандовал:

— Разуйся и ступай босиком!

Я снял ботинки и, следуя примеру Житкова, нацепил их на палку и пошел по жидкому чернозему босыми ногами, чуть не по колено в грязи. Не прошло и часа, как тучи убежали к горизонту, и жаркое солнце так покорило мокрую обувь, что ее было невозможно надеть. Она, как выражались на юге, «скоцюрбилась».

Рано утром в испачканной, мятой одежде, которая еще накануне была вполне опрятной гимназической формой, голодный, босой, изможденный, с уродливыми, грязными ботинками, болтавшимися у меня за спиной, я вместе с Борисом приблизился к Бугу и увидел лавчонку, где светился огонь. Я бросился к ней купить хлеба, но Житков не позволил, вместо хлеба, купил, к моему огорчению, мыла, чтобы выстирать в реке наши брю-

ХАРАКТЕРЫ

ки, сплошь облепленные черной грязью. Покупка хлеба, согласно расписанию Житкова, должна была произойти гораздо позже.

И вот мы снова на пыльной дороге, в степи, шагаем обратно мимо железных телеграфных столбов.

Мы прошли уже верст тридцать или больше. Последний привал был у нас очень недавно — около часу назад. Но жарыща стояла страшная, и мне смертельно захотелось присесть отдохнуть. Зной был такой, что перед нами то и дело возникали миражи — о них я до той поры читал только в «Географии» Янчина: тенистые, кудрявые деревья, склоненные над каким-то красивым, широким, прозрачным, как небо, прудом; и казалось, что через час, через два мы будем в этих райских местах непременно. Но проходила минута, видение исчезало и таяло. По расписанию Житкова, следующий отдых предстоял нам еще очень нескоро. Увидя, что я, вопреки расписанию, улегся в при-

дорожной канаве, Житков убийственно спокойным и вежливым голосом предложил мне продолжать путешествие. В противном случае, говорил он, ему придется применить ко мне тот параграф подписанного мной договора, согласно которому наша дружба должна прекратиться.

Как проклинал я впоследствии свое малодушие! То было именно малодушие, потому что стоило лишь взять себя в руки, и я мог бы преодолеть эту немощь. Но на меня нашло нелепое упрямство, и я с преувеличенным выражением усталости продолжал лежать в той же позе и, словно для того, чтобы окончательно оттолкнуть от себя моего строгого друга, неторопливо развязал свой мешок и стал с демонстративным аппетитом жевать сухари, запивая их мутной водой из бутылки. Это было вторым нарушением нашего договора с Житковым, так как для еды и питья тоже было — по расписанию — назначено более позднее время.

Житков постоял надо мной, потом повернулся на каблуках по-военному и, не сказав ни слова, зашагал по дороге. Я с тоской смотрел ему вслед. Я сознавал, что глубоко виноват перед ним, что мне нужно вскочить и догнать его и покаяться в своем диком поступке. Для этого у меня хватило бы физических сил, так как, хотя меня и разморило от зноя, я, повторяю, не испытывал чрезмерной усталости. Прележав таким образом около часа, я вдруг сорвался и, чуть не плача от неправимого горя, ринулся вдогонку за Борисом. Но он ушел далеко, и его не было видно, так как дорога сделала крутой поворот.

Вдруг я заметил бумажку, белевшую на телеграфном столбе; я бросился к ней. На бумажке было написано крупными, четкими печатными буквами:

Больше мы с вами незнакомы.

И ниже Житков сообщал мне адрес своей сестры, проживавшей в Херсоне.

Недаром Борис Житков был так похож на своего отца: принципиальный, крутой, не знающий никаких компромиссов, требовательный и к себе и к другим. Я понимал его гнев: ведь он отдал мне так много души, руководил моими мыслями, моим поведением, а я, как плохой ученик, провалился на первом же экзамене, где он подверг испытанию мою дисциплину, мою волю к преодолению препятствий. Это многому научило меня, и я признателен ему за урок.

«Целое железо»

Окончание

—Что-то случилось с ребятами!

—Ловите верёвку!

Худ. В. Бубенчиков

— А находка у вас, ребята, и впрямь важная...

— Подумаешь! А мы золото нашли!

— Не золото, а пирит в отвале! Золота вам не видать как зелёного железа!

— Ну — в путь, ребята!

- Клади
ещё!

- Ещё сто
шагов - и я
умру...

- Не тащить же
мне этот
мешок!

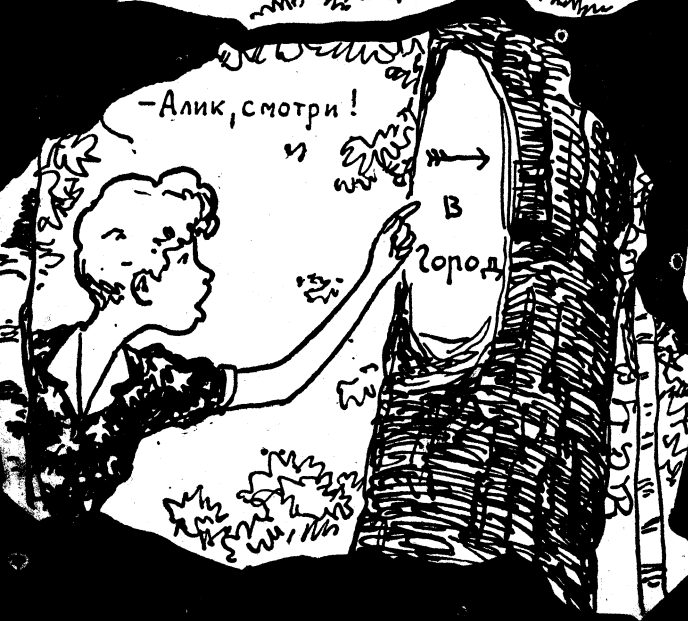

- Куда же
идти дальше?
Кругом лес...

- Алик, смотри!

→
В
Город

- А вот ещё
указатель...

прямо

— Теперь
прямо.

— Мне эти знаки
кажутся подозрительными...
Кто-нибудь хочет нас
заманить в глушь
и ограбить!

КАМНИ УРАЛА

3. ЯШМА

К рисунку на 4 стр. обложки

Яшма? А может быть, точнее сказать — яшмы? Ведь их только в районе Орска насчитывают свыше двухсот разновидностей!

Академик Ферсман утверждал, что с яшмами Урала не могут соперничать яшмы ни одной страны в мире. «Нет предела игре их цветов, фантастичности их пестрых рисунков, неожиданности всегда прекрасных сочетаний цвета и узора», — писал он.

В музеях вам могут показать яшмы благородного сплошного тона, яшмы ленточные, волнистые, струйчатые, копеечатые, ситцевые... Покажут даже фортификационную, или батарейную яшму, рисунок которой очень похож на старинные фортификационные планы с изображением окопов и крепостей. Покажут серовато-синюю мулдакаевскую яшму, которую зовут еще иногда шалимовской. Ее открыл в 1896 году мастер Екатеринбургской гранильной фабрики Шалимов у деревни Мулдакаевой на Южном Урале. В окрестностях села он нашел около 800 монолитов, весящих несколько тысяч тонн.

Если увидите серо-зеленую калканскую яшму, вспомните при этом, что с 1915 года она заменила нам импортный агат: из нее стали делать химические ступки, кислотоупорные валики машин.

Показав вам плитку, где темно-красные ленты перемежаются с густо-или ярко-зелеными, экскурсовод может рассказать занимательную историю, связанную с открытием этой разновидности минерала.

На Петергофскую гранильную фабрику, изготовлявшую по заказу царского двора украшения для дворцов и храмов, издавна попадала красивая ленточная яшма. Приходила она неведомыми путями откуда-то из Сибири, поэтому на фабрике ее стали звать сибирской. Новая яшма завоевала успех не только в

России, но и за границей. Но откуда она — никто не знал. Ходили слухи, что где-то на Южном Урале ее добывают башкиры прямо посреди села, именуемого Кушкульда, а чтобы о находке никто не узнал, на месте выхода минерала на поверхность построили мечеть. Лет тридцать назад геологи, пойдя по следам легенды, установили, что зерно истины в ней есть. Они нашли деревеньку Наурузову, которая стоит прямо на склонах яшмовой горы, скрывающей огромные запасы замечательного камня. Но причем тут Кушкульда? Оказалось, что лет 100—150 назад деревеньку Наурузову звали Кушкульдой. Когда именно и почему она переименована — пока еще никто не установил.

Южноуральские месторождения яшмы тянутся огромной 40—50-километровой полосой, километров 500 к югу от Миасского района. Особенно богат конец этой полосы — район Орска. О нем, между прочим, упомянул в романе «Кто виноват?» А. И. Герцен: «Орская крепость вся стоит на яшмах, на благороднейших горнокаменных породах».

И сейчас в центре Орска можно видеть Преображенскую гору, сложенную из яшмы. А километрах в 6—7 от города — знаменитая гора Полковник, как утверждают геологи, — одно из богатейших в мире яшмовых месторождений.

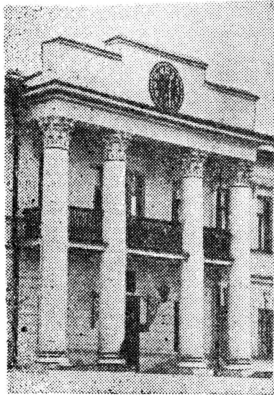
«Яспис» — как звали яшму в древней Руси — издавна употребляли для красивых поделок: брошей, пуговиц, шкатулок, чернильниц, вазочек и ваз, столешниц декоративных столиков. В Эрмитаже и в дворцах-музеях хранятся замечательные образцы труда уральских камнерезов и гранильщиков — огромные вазы и чаши, на создание которых иногда уходили целые десятилетия.

Юр. Кин.

ТЮМЕНСКИЕ КУРАНТЫ

На здании Тюменского краеведческого музея через каждый час мелодично бьют куранты — часы оригинальной конструкции, каких в нашей стране считанные единицы.

Тюменским курантам больше ста лет. Их сделал в 1857 году механик-самоучка Алексей Трусов, крестьянин деревни Анохино Тюменского уезда. На промышленной выставке 1871 года в Тюмени за эти часы Трусова наградили серебряной медалью.

Первоначально куранты били четверти, половины и полные часы, а также четырехкратно перезванивали каждый час по пять ударов. В период хозяйничанья колчаковцев ходовой механизм часов частично разрушили, систему боя и колокола полностью уничтожили. Долго их не восстанавливали: не было мастера.

После Отечественной войны часами Трусова заинтересовался пенсионер Алексей Григорьевич Галкин, работавший прежде механиком. Никакой схемы или описания курантов не сохранилось. Пришлось самостоятельно, наугад восстанавливать часы, изготавливать и переделывать одну за другой недостающие детали, шестерни, т.д. Так как вся система передачи движения от ходового механизма к стрелкам была уничтожена, Алексей Григорьевич заново сконструировал и собрал ее по собственной схеме. После восьми месяцев напряженного труда часы начали работать. Механик взялся за восстановление механизма боя, установил на крыше музея колокол. Вскоре куранты стали отбивать каждый час.

Сейчас Галкин восстанавливает четвертой и получасовой перезвон.

Недавно талантливый механик вернул к жизни еще одни часы, изготовленные в XIX веке также Алексеем Трусовым. Галкин отыскал их у одного тюменского старожилы в безнадежно испорченном виде.

И. Давыдов.

Уголок коллекционера СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК НА МАРКАХ

Неведомая, дикая, седая,
Как белая медведица. Сибирь,
За Камнем за Уралом пропадая,
Звала меня в серебряную ширь...

Такую образную характеристику Сибири дал поэт И. Сельвинский в «Сказании о земле Сибирской». Такой она представляется некоторым из нас до сих пор. Но сибирякам, изменяющим облик Сибири, она не кажется «седой и дикой». Среди таежных дебрей вырастают заводы, электростанции, новые города. Степные просторы превращаются в колосающиеся хлебные поля.

На третьей странице обложки журнала помещены репродукции советских марок, посвященных Сибири и Дальнему Востоку. На этих миниатюрных картинках запечатлена жизнь края: его природа, животный мир, этнография, история.

В верхней части обложки расположены марки разных выпусков с пейзажами Сибири и Дальнего Востока; здесь же изображены наиболее характерные для этих мест животные: белый медведь Заполярья, обитатель таежных лесов лось баргузинский соболь и уссурийский тигр.

В этнографической серии 1933 года были выпущены марки, знакомящие с разными народами Советского Союза. Среди них — марки с представителями коренного населения Сибири и Дальнего Востока: тунгусами, ненцами, коряками, бурятами, якутами. Но эти края с давних пор заселялись и русскими. Казаки под предводительством Дежнева, матросы под командованием Беринга и многие другие известные и неизвестные «землепроходцы» активно содействовали освоению неведомого, но сказочного края. Вслед за авангардом тянулись из-за Урала подводы переселенцев.

Однако в Сибирь шли не только добровольно. Издавна она была местом ссылки и каторги. Вот небольшая марка 1925 года из серии, посвященной 100-летию восстания декабристов. На ней воспроизведена картина художника В. Моравова «Декабристы на каторге». А рядом с этой маркой две других — с портретами А. Радищева и А. Одоевского.

О встрече Ленина с крестьянами сибирского села Шуньинского, где в 1837—1900 годах находился Владимир Ильич Ленин в ссылке, рассказывает большая красочная марка из серии «85 лет со дня рождения В. И. Ленина».

Две марки Дальневосточной республики 1921 года даны внизу, в левом углу обложки.

Герою гражданской войны на Дальнем Востоке Сергею Лазо посвящены марки 1944 и 1948 годов.

С историей Сибири и Дальнего Востока связаны имена многих выдающихся русских людей. Например, художник В. Суриков, композитор А. Алябьев, великий ученый Д. Менделеев родился в Сибири а С. Крашенинников, В. Арсеньев, Л. Кулик посвятили свою жизнь исследованию этого края.

Велика роль авиации в жизни Сибири и Дальнего Востока. Но чтобы самолет стал привычным здесь видом транспорта, немало потрудились ветераны советской авиации, прокладывавшие первые воздушные дороги над просторами великого края.

Перелету трех мужественных летчиц — П. Осипенко, М. Расковой и В. Гризодубовой — из Москвы на Дальний Восток посвящены марки 1939 года.

Маркой с изображением тобольского костерева мы завершим нашу тематическую подборку о Сибири и Дальнем Востоке.

Ю САКНЫНЬ.

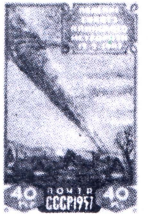
Главный редактор В. Очеретин. Зам. главного редактора Л. Неверов.
Редакция: В. Голович, М. Гроссман, С. Захаров (ответственный секретарь журнала), Ю. Курочкин, А. Малахов, К. Рождественская, Г. Томилоз, В. Шустов.

Художественный редактор А. Асс. Технический редактор Э. Максимова. Обложка М. Брусиловского.

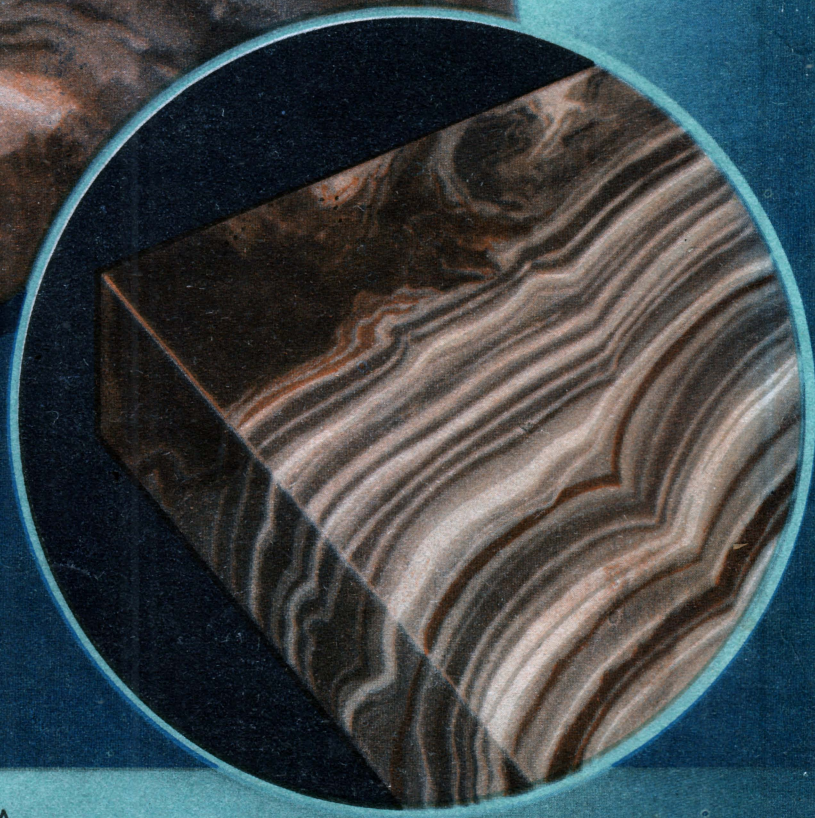
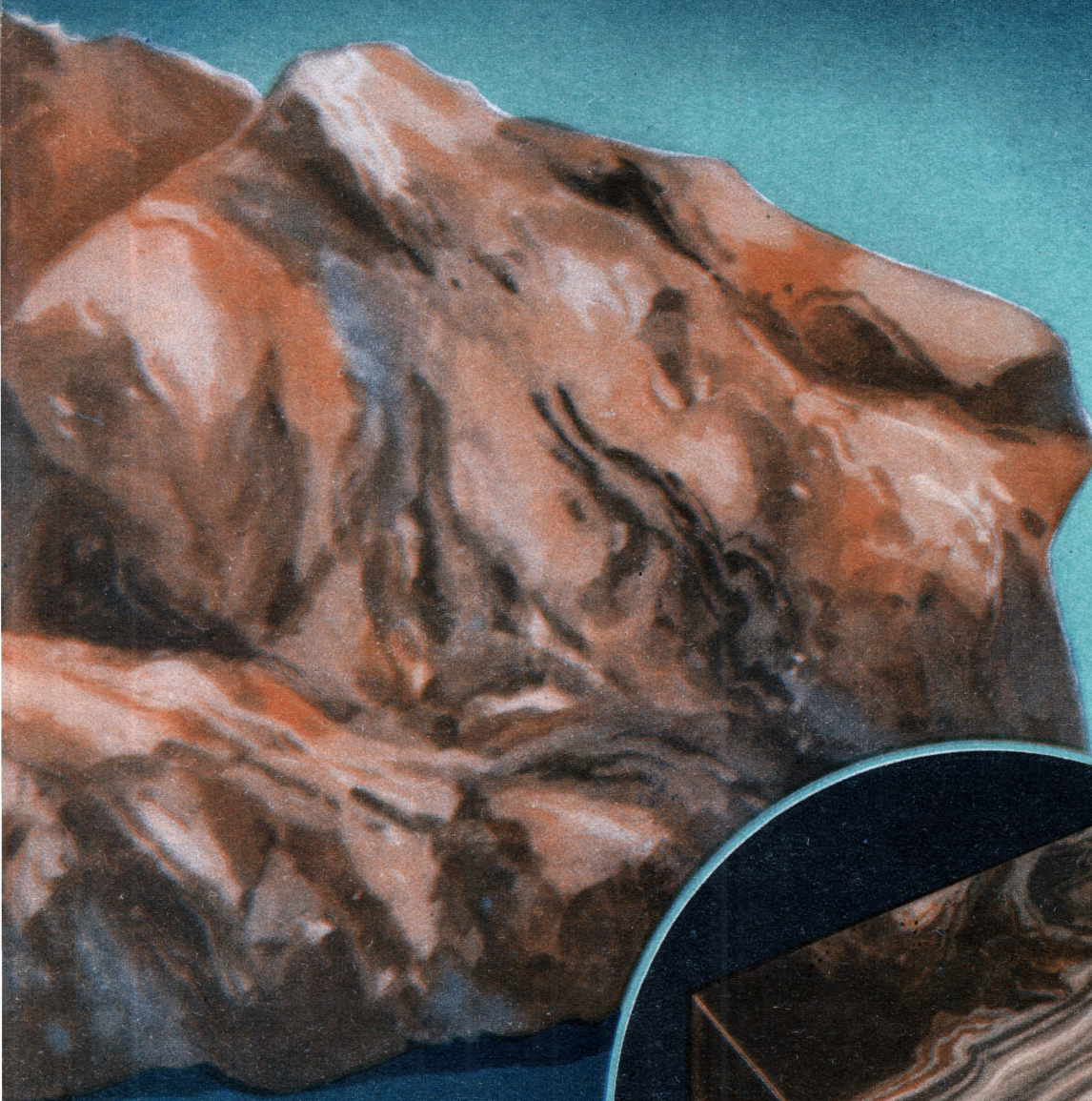
Адрес редакции: Свердловск, ул. Малышева, 24; телефон Д1-22-40. Рукописи не возвращаются.

Подписано к печати 15/VII 1960 г. Бумага 84×108/16, 2,5 бум. листа, 8,2 печ. листа, 9,48 уч.-изд. листа, НС 11273. Тираж 60 000 экз. Цена 3 руб. Заказ № 271.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, ул. имени Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны на фабрике офсетной печати.

Удмуртия
Ижевск

3 руб.

ЯШМА
Художник А. Рядин